
уральский

следопыт

№3**** 1981

На снимке рабочий парень Анатолий Юшков. На стане 73-219 Северского трубного завода, что в Свердловской области, он фигура заметная. И уже есть начало биографии: выпускник ГПТУ-47, солдат, рабочий. И лично взятые высоты. Среди комсомольцев — вожак, группкомсорг, среди коллег-рабочих известен тем, что освоил четыре специальности — пресовщика, резчика, правильщика, штабелировщика... Накануне XXVI съезда партии стал кандидатом в члены КПСС...

И уже к нему, теперь опытному рабочему, идут на практику юные подмастерья из родного ГПТУ-47. Учит их Анатолий Юшков, и не только рабочей мудрости, но и вообще жизненной. Потому как уже имеет свой трудовой опыт.

Приятные у парня анкетные данные... Они и в сиянии еще не остывших от жары труб, которые выпускает его завод. Завтра эти трубы понесут тюменский газ, башкирскую нефть в счет планов одиннадцатой пятилетки.

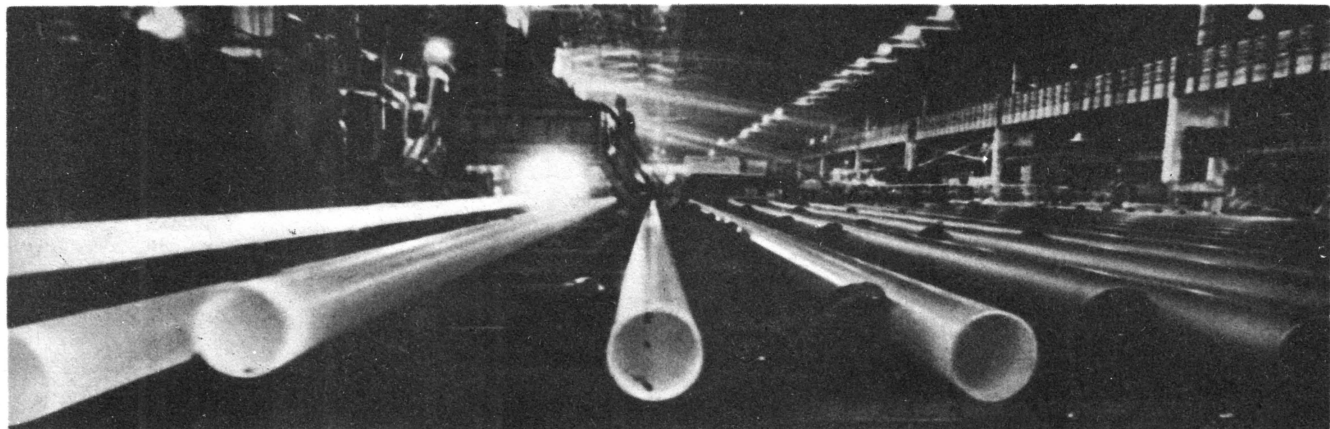
Биография получит свое трудовое продолжение.

НАЧАЛО

БИОГРАФИИ

Фото А. Лаптева

В номере:

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛОМОТЬ ХЛЕБА. Публицистическая хроника	2
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	7
В. Евладов СЕВЕР ДАЛЬНИЙ — СЕВЕР БЛИЗКИЙ	10
Г. Зайцев ШТРИХ ЗА ШТРИХОМ	17
Э. Дубровина, Б. Карпенко ВЕСНА ЗЕРНА И ПАШНИ. Стихи	20
В. Крапивин ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО. Окончание	22
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	44
Л. Жаркова ВОЕВАЛИ ДЕВЧОНКИ	48
В. Краснояров ПОКОРИТЕЛИ ЗОЛОТЫХ ВЕРШИН	51
Ю. Скоробогатов РЕКА МОЕГО ДЕТСТВА	54
П. Дудочкин В КРАЮ ДЕРЕВЯННЫХ УЗОРОВ	63
Е. Егорова, Е. Субботин ПУШКИНЫ И ДЯГИЛЕВЫ	64
Л. Осинцев ИСТОРИЯ ОДНОГО НАЗВАНИЯ	67
Б. Рябинин ПОЮЩЕЕ СТЕКЛО	68
Л. Родзинский НАВСТРЕЧУ ПРИРОДЕ	72
Н. Никульшина ВЕСЕЛЫЕ КАРАСИ. ЛЕДИ КАШТАНКА	74
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ.

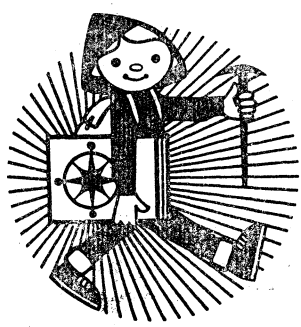
Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 24.11.80 г.
НС 11009
Подписано к печати 16.01.81 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,6
Тираж 254 000.
Заказ 500.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки рисунок Е. СТЕРЛИГОВОЙ и З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1981 г.

№3 * 1981

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ПОМОЩЬ

Публицистическая хроника

Рисунок
В. Ганзина

«...Инициативу сахалинских юнкоров одобрить и поддержать. Написать следующую главу на пермском материале...»

Из решения комсомольского собрания
школы № 16 города Перми.

На книгу откликнулись ребята Дальнего Востока, Урала, Казахстана, Крайнего Севера. Она, эта книга, и впрямь удивительна. Сахалинские школьники написали о хлебе. О том самом, который не растет на острове, который покупают на золото из-за океана. Бережливое отношение к хлебу — задача государственная. И глубоко личная! Это вот осознание задачи государственной как личной — главное публицистическое достоинство книги. Ведь чтобы иметь это полное нравственное право осудить горячим пером своих же сверстников, юнкоры поработали в поле, почувствовали сами, как нелегко труд на земле. В этом — искренности, правдивости — секрет успеха книжки юнкоров Южно-Сахалинского Дворца пионеров, сделанной под руководством журналистки Виктории Демидовой. Публикуем некоторые главы.

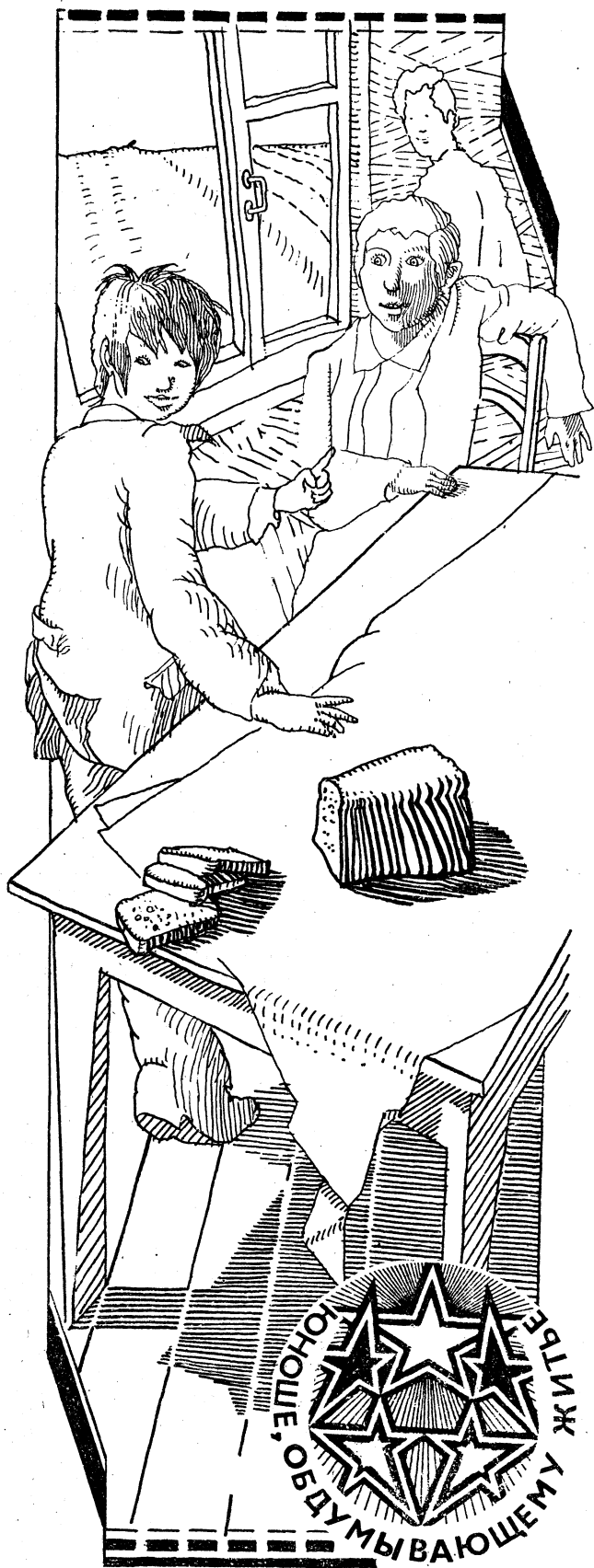
Виктория ДЕМИДОВА:

«С чего начинается Родина? С картинки в твоем букваре, с хороших и верных товарищей...» Это появилось и у меня, когда в год победы над фашистской Германией я пришла в школу маленького поселка Левшино под Пермью. Отчетливо помню ясное, чуть прохладное утро 1 сентября 1945 года. Умывшись и позавтракав вареной «в мундире» картошкой, я надела форму, сшитую мамой из выкрашенной в черное старой простыни, нарядный белый фартук из пахнущей медициной, подкрахмаленной марли, уложила в новенький фанерный ранец пару тетрадок, карандаш и завтрак, роскошный по тем временам: кусок черного хлеба, посыпанный сверху чуть сыроватым сахарным песком.

Школа № 16 была недалеко, в двух шагах от нашего дома — почерневший от времени, он и сейчас стоит, пригнувшись к железной дороге возле остановки «Камгэс». Сбежала вприпрыжку с горки, и вот оно — двухэтажное бревенчатое здание, в котором мне отныне предстояло учиться.

Перед тем, как прозвенеть на урок медному колокольчику, нас, девочек-первоклассниц (обучение тогда было раздельное), построили на торжественную линейку, поздравили с праздником и пожелали отличной... работы на благо любимой Родины. Помню, все мы тогда удивились, почему не учебы, а работы? Все разъяснилось на первом же уроке. Достав из старенького портфеля коробочку деревянных палочек, наша учительница Александра Ивановна высыпала их на стол и сказала:

— Сегодня мы будем учиться считать. Слушайте мои объяснения внимательно. Математика пригодится вам очень скоро. Страна восстанавливает разрушенное войной хозяйство, и у нее на счету все грамотные люди. И то сказать, работа предстоит большая. Дел всем хватит. И маленьким, и взрослым.

ХЛЕБА

Так впервые появилось в нашей жизни понятие — учиться хорошо означает: быть добрым работником, помощником взрослых. Давно нет уже бревенчатого, двухэтажного здания школы — там сейчас плещутся волны Камского моря. Кинули в вечность чернильницы-непроливашки, ручки со стальными перьями, фанерные ранцы, формы, наполовину пошитые нашими матерями из пропахших войной отцовских гимнастерок. И в старой, и в нынешней новой школе № 16 всегда была столовая, где каждый ученик от 7 до 17 лет мог получить недорогого и сытного горячий завтрак. 1 сентября 1945 года мы получили на большой перемене по вместительной алюминиевой кружке сладкого чая и по щедро отрезанному через всю буханку ломтю черного хлеба. Вкус его помню до сих пор. Он ничем не отличается по вкусу от хлеба сегодняшнего, из пшеницы самого лучшего сорта, смешанной с молоком и другими аппетитными добавками. И мне это не кажется странным. Именно таким и должен быть хлеб Родины во все времена — сытным, вкусным, восхитительно ароматным. Хлебом — защитой от всех бед, хлебом — гарантией счастливого будущего.

Хлеб на полу

Фрагмент одной дискуссии

Сентябрь 1978 года, Южно-Сахалинский Дворец пионеров и школьников, кружок юнкоров.

Игорь АЛЕКСЕЕВ, 9 класс, школа № 16: Да поймите же, на полу лежал не мусор — раздавленная чьим-то каблуком свежая булка. А рядом — другая, такая же. А там еще и еще. Раньше, когда прибежал на большой перемене в нашу школьную столовую, я как-то не обращал на это внимания. Подумаешь, не доел кто-то пирожок, бутерброд или булку ценою всего в три копейки. С самим не раз так случалось. А тут в самую душу ударило: не грязь под ногами — хлеб!

Роман ИВАНЦОВ, 8 класс, школа № 2, отличник: Скажи, пожалуйста, какие переживания из-за недоеденной горбушки! Да потому и бросаем хлеб на пол, что можем себе это позволить.

Вера ГАХ, 7 класс, школа № 2, пионерка: Можем? Это по какому же праву?

Роман ИВАНЦОВ: По праву богатых. Хлеба у нас в стране столько... — завались.

Вера ГАХ: Так поделись им с теми, у кого его мало или нет совсем.

Виктория ДЕМИДОВА: ...Помню, в конце войны вернулся с фронта инвалидом мой дядя, Аркадий Петрович Владимиров. Жили мы тогда в глубоком тылу, не знали, что такое бомбежки, оккупация, расстрел близких. Но вот хро-

ническое недоедание, от которого кружилась голова и темнело в глазах, было знакомо всем. И первый вопрос, который я задала дяде: не привез ли он с войны немного хлеба?

— Ну, конечно же, — грустно усмехнулся он. И, шарив в вещевом мешке два каменной твердости черных сухаря, торжественно вручил их мне. Помнится, долго их ела, по маленькой крошечке. Сейчас, пожалуй, если верить Игорю Алексееву, окажись те сухари в руках школьника, он, не задумываясь, бросил бы их на пол. Тогда же, куда, пресытившись, бросает недоеденные сдобные булки.

Но почему, почему?

Кто виноват?

Отрывки из корреспонденций юнкоров после хлебных рейдов по школам, предприятиям общественного питания, магазинам областного центра.

Лена ТЕН: Хлеб разбазаривать нередко помогает наша хлебопекарная промышленность. Не верите? Вот пример. За день в наш магазин № 7 Южно-Сахалинского пищевого привозят 840 буханок хлеба, как мне сказала заведующая Надежда Ивановна Афанасьева. В том числе белого — 230. А вот он-то как раз спросом почти не пользуется. Стоит дороже, 22 копейки буханка. И не такой вкусный, если сравнить с черным. Хлебокомбинату уменьшить бы его поставки, но он продолжает отгружать белый хлеб магазину без всякой нормы. А продавцы его потом продать не могут и вынуждены отправлять на переработку...

Аня НАЙДЕНОВА: Хлеб на полу. Ну что тут скажешь — и в самом деле стыд и срам. Но, на мой взгляд, ребята кидаются хлебом не только потому, что плохо воспитаны. Причина тут еще и в другом: не всегда хорошо организовано в школе детское питание.

Расскажу о нашей Южно-Сахалинской специализированной, английской школе № 2.

К большой перемене, когда мы обычно ходим в столовую, ребята начинают готовиться заранее, чтобы выскочить за дверь первыми. Ведь желающих пообедать — тьма, а буфетчица одна. Народу у буфетной стойки собирается столько, что не протолкнуться, как на «птичьем базаре». И все тянут деньги, требуя то, другое, третье.

Чтобы успеть всех обслужить, наша буфетчица тятя Клава прямо на части разрывается. Но поесть нормально ребята все равно не успевают. Звенит звонок, и они, едва надкусив пирожок, глотнув компота, бросают объедки там, где стоят (не в класс же нести), и пулей — на урок. А ведь проблему решить сравнительно просто. Надо, во-первых, сделать не один, а два буфета, по одному на каждом этаже. И обеденную перемену увеличить. Тогда и поесть все успеют, и недоеденный кусок на пол не бросят...

Олег БЫВАЛИН: Наше поколение не знает, что такое голод: мы родились после войны. Живем в сытости, в достатке. Могли бы рассказать об ужасах военного времени, о хлебе, выдававшемся по продовольственным карточкам, и о многом другом наши родители. Но вспоминать об этом они не любят. Вот и не научились мы ценить хлеб. Думаем, а зачем? Ведь стоит он сейчас копейки. И нередко бывает — возьмешь в руки ломоть свежего хлеба, откусишь от него разок, другой — и в сторону: сыт. Потом куску этому прямая дорога в помойное ведро...

Света ГУРА: Хлеб к обеду у нас в семье покупаю я. Стараюсь, чтобы был свеженький. И всякий раз думаю: сколько взять? Купишь буханку — наверняка половина останется, а потом зачерствеет. «Половинку» или даже «четвертинку» неудобно нести — на срез может попасть пыль. А бумагу для завертки в любой булочной не допросишься. И летит несъеденный хлеб на пол. Между прочим, на глазах у детей. Попробуй взрослые после этого объяснить, что выбрасываем хлеб потому, что на комбинате нет форм для выпечки хлеба малым весом, а в магазинах — бумаги, чтобы завернуть булку, сайку, батон...

Андрей КАЗАНЦЕВ: Вот интересно, пробовали вы хоть раз заглядывать в бачки для пищевых отходов? Так взгляните. Ужаснетесь. Испытал это чувство на себе. Живу я вместе с родителями в доме № 55, что по проспекту Победы в Южно-Сахалинске. Люди, которые отвечают за сбор пищевых отходов в жилых микрорайонах, поставили в нашем подъезде три больших бачка. В каждом набирается за день по полтора-два килограмма черствого хлеба. Или пять-шесть килограммов на подъезд. В доме — шесть подъездов. Значит, население нашего дома ежедневно отправляет в отходы самое малое 30 килограммов полноценного хлеба.

В жилом микрорайоне, в котором я живу, насчитывается 10—12 домов. В них тоже налажен сбор хлебных кусков, недоеденных булок, буханок, едва надкушенных саек. 30 килограммов множим на 10—12 домов и получаем цифру, от которой впору упасть в обморок: 300—360 килограммов.

Хлеб наш микрорайон обеспечивает магазин № 43 Южно-Сахалинского пищеторга. Всего сюда завозят ежедневно тонну с небольшим свежего хлеба в ассортименте. 300—360 килограммов от этого количества — где-то треть. И треть эта идет на корм скоту.

Слава ФЕДОРОВИЧ: А вы посмотрите, что делают с хлебом в обыкновенной городской столовой. Официантки недоеденными кусками столы вытирают. Между тем в редкой столовой даже простенький плакат увидишь. Мол, берегите, люди, хлеб.

Беречь — значит ценить!

«...Лучшие материалы юнкором на тему «Беречь — значит ценить» отправить в редакцию областной газеты «Молодая гвардия» и «Пионерской правды»...» (Из протокола заседания учебной редакционной коллегии кружка юнкором Южно-Сахалинского Дворца пионеров и школьников).

«...В столовой часть учеников, сложив голову, бросается к накрытым столам. Остальные в это время напоминают солдат, штурмующих бастион врага. Образуется общая куча мала. Тут уж не зевай, если не хочешь простоять в очереди всю перемену. Наконец, кое-где порядок установлен. А ребята, кто стоя, кто сидя, начинают есть. Блюда перед каждым — слона можно накормить. Многие, конечно, всего съесть не в силах. И вот тут начинается самое мерзкое — ребята бросаются друг в друга недоеденными котлетками, кусками рыбы, обливаются компотом. Но особенно достает-

ся хлебу. Его не жалеет никто. А зачем жалеть? Стоит копейки. И много его — зон и сегодня привезли к обеду целый воз аппетитных булочек по цене три копейки за штуку...

«Стойте! Что вы делаете?» — хочется кричать (и нужно кричать) в тот миг, когда мальчики замахиваются друг на друга кусками хлеба. Бездумно, без жалости берем и выбрасываем — хлеб! Не по-советски получается».

Из корреспонденции Игоря АЛЕКСЕЕВА «Хлеб на полу», «Молодая гвардия», 2 ноября 1978 г.

Письма, письма...

Из ответов на публикации юнкором Южно-Сахалинского Дворца пионеров и школьников в областной и центральной прессе.

«...Недавно в нашей школе прошел сбор, который назывался «Хвала рукам, что пахнут хлебом». На нем мы познакомились с книгой Л. И. Брежнева «Целина». Как трудно давалось стране освоение казахстанской целины, как самоотвержен и прекрасен труд людей, выращивающих хлеб. Ради хлеба люди шли на смерть, на подвиги. А хлеб блокадного Ленинграда? Вес его 125 граммов. Это же невозможно представить — после такого пайка держаться на ногах, работать, побеждать врага. Сейчас мы едим хлеба столько, сколько захотим. А некоторые так им обвелись, что забывают о его цене».

Марина РОМАНКО, 7 класс, поселок Шебунино, Сахалинская область.

«Село наше Курах — большое, красивое. И люди в нем живут замечательные, настоящие труженики. У нас в семье, например, 10 человек. Бабушка, папа, мама, два брата и, кроме меня, еще четыре сестры. Все, от мала до велика, работаем. Взрослые — на колхозных полях. Выращивают хлеб, овощи, фрукты. Дети помогают родителям. Дел хватает всем. Ведь страна у нас большая и есть в ней хотя бы все...»

Имара РАМАЗАНОВА, село Курах, Дагестанская АССР.

«...Живу я на Урале, в городе Добрянка Пермской области. Это у нас строят сейчас самую мощную в СССР Пермскую ГРЭС. Климатические условия здесь, как у вас, на Сахалине, суровые. Зимой, например, температура воздуха доходила до минус 57—60 градусов. А лето было дождливым, как никогда. Так что урожаем зерновых в прошлом, 1978 году в полном смысле «выгрызали» из земли. Там, где не могли пройти комбайны и жатки, мы, школьники, срезали колосья... ножницами. Зато, когда убрали весь хлеб, как все радовались и ликовали. И взрослые, и дети. Разве, пережив это, бросишь на пол хоть малую крошку хлеба? Никогда!»

Оля УГЛИЧЕВА, город Добрянка, Пермская область.

«...Наша Сухурабовка Решетилковского района Полтавской области очень похожа на город. Везде асфальт, построены новые магазины, контора совхоза, школа-десятилетка, колхозный дом отдыха.

Строить есть на что. Колхоз у нас богатый. Доходы, между прочим, получает в основном от пшеницы, которую ежегодно высевают у нас на 500 с лишним гектарах. Большие урожаи она дает. Прямо сердце у всех радуется. Это заслуга наших замечательных хлеборобов. Таких, как Василий Дмитриевич Кваша, Александр Александрович Шапка, Василий Степанович Ярош и другие...»

Света БОШКО.

«...Хотите, вышлем вам на Сахалин семена тех зерновых культур, которые сеют у нас, в Львовской области? Слышали — своего хлеба у вас нет. Не вызревает. Едите поэтому привозной. Так, может, хоть на школьных делянках наши семена дадут урожай. Будете иметь представление, как выглядит хлеб, когда он еще на корню...»

Ира РУЖИЛО и Оксана ТРУЩАК, гор.д Самбор, Львовская область.

«...Знаете, в нашем 5 «б» классе тоже есть ребята, которые кидаются в столовой хлебом. Самое противное, когда начинаешь их останавливать, они отвечают:

— Отстань! Подумаешь, министр! До всего ей дело.

Обидно. Но все равно таких надо перевоспитывать. Верно? И не только в нашей школе и у вас, на Сахалине, а везде, по всему Советскому Союзу. Давайте займемся этим вместе...»

Люба ОМЕЛЬЧЕНКО, село Камышовка, Одесская область.

«...Высылаю обещанную посылку с колосками и зернами. Среди них — пшеница сорта «шестигранная». Ее у нас совсем недавно вывели. Урожайи дает — жуть...»

Ира СЫСОЕВА, деревня Телец, Брянская область.

«Жатва хлебов у нас в деревне Кокшамары начинается обычно в конце июля. Косят вначале озимую рожь, а потом и яровые к уборке подходят. Мама в это время днюет и ночует в поле. Ведь она у меня секретарь партийной организации совхоза, и за сев, уборку урожая отвечает головой. Иной раз уедет по отделениям, и на целый день. Приезжает поздно и, чуть сожмнула глаза, снова на ногах. И то сказать: хлеб — самое дорогое из того, что родит земля.»

Марина СОЛОВЬЕВА, деревня Кокшамары, Марийская АССР.

...На корреспонденции Игоря Алексева в «Молодой гвардии» и Кости Михалева в «Пионерской правде» пришло 118 писем. Немало у хлеба защитников. По всему Советскому Союзу!

«И все же точку, на мой взгляд, ставить рано. Привычка беречь хлеб может оказаться временной, если мы сами, собственным горбом не почувствуем, какво это — обрабатывать землю, засеять ее, вырастить и собрать урожай...»

Из отчета заведующей учебным отделом писем кружка юнкоров Южно-Сахалинского Дворца пионеров и школьников ученицы 7 класса школы № 2 пионерки Светы ДАВЫДОВОЙ

«...Вчера побывала в совхозе «Комсомолец» Анивского района. Разговаривала с директором головного предприятия крупнейшего в области молочного объединения Владимиром Павловичем Гайдюком. Рассказала ему о желании юнкоров Южно-Сахалинска пройти в его хозяйстве первую свою производственную практику. Обещал дать нам интересную работу.»

Из дневника руководителя кружка юнкоров В. Н. ДЕМИДОВОЙ

«...Юнкоры Южно-Сахалинского Дворца пионеров и школьников обязуются выполнять дневные нормы, соблюдать дисциплину, сделать по заказу руководителей совхоза «Комсомолец» короткометражный документальный фильм

о работе в совхозе, написать и сдать в виде брошюры серию очерков о передовиках сдвхозного производства под общим названием «Земля, которую люблю...»

Из трудового соглашения.
Июнь — июль 1979 года

На верность полю присягаю

Сегодня первый рабочий день. Дожидаемся автобуса и, едва он останавливается, с шумом и гамом штурмуем обе его двери, рассаживаемся.

— Готов! — киваю я шоферу, и автобус трогается.

Выясняется, что о совхозе «Комсомолец» знаем пока очень мало...

Пока только то, что рассказал директор совхоза «Комсомолец» Анивского района Сахалинской области В. П. Гайдук:

— Два года назад два больших совхоза области «Долинский» и «Соколовский» объединились в межрайонное специализированное хозяйство по производству молока и мяса на промышленной основе. Пошли на это сознательно, угадав, что подобное кооперирование принесет нам только выгоду. Судите сами. Слившись, совхозы объединили технику, деньги, по-новому расставили людей. А главное, сконцентрировав и специализировав производство, так смогли организовать дело, что уже через год резко увеличили поставки молока городу. Сейчас получаем от каждой коровы за год по четыре с половиной — пять тысяч килограммов молока.

Встречает нас бригадир овощеводов Дина Ивановна Коковихина, пожилая, угрюмая на вид женщина. Оглядываю ребят и вижу, что она им не нравится. Покрикивает. И работу дала не ахти какую — сегодня будем выбирать для высадки в грунт капустную рассаду из парников.

Рассады в парниках так много, что она сплелась в один ярко-зеленый войлок. Извлекать из этой массы по одному корешку необычайно трудно. Особенно с непривычки. К тому же сочные, начинающие перерастать стебли настолько хрупки, что чуть недоглядел, нажал лишку пальцами — ломаются.

Капустные корешки выдираем из земли. Потом, чуть тряхнув их, обмакиваем растения в специальный раствор, чтобы не завяли. Затем складываем рассаду в большие ящики, по тысяче корней в каждом, и отправляем их к месту посадки. Вот и все. Выдернул, отряхнул, обмакнул, уложил. И так — первый, второй час. На третьем ребята не выдерживают. Налились свинцом не только шею и плечи, но и спины. В глазах у всех пляшет ярко-зеленый мираж. А над ухом только и слышен голос Коковихиной:

— Бодрее, бодрее, ребятки. Руками-то попроворнее шевелите. Люди в поле рассаду ждут. Да и погода не ровен час испортится.

— Да пусть хоть треснут, дожидаясь, — вдруг со злостью кричит Слава Федорович. — К черту вашу рассаду! И совхоз вместе с нею!

— Что ты сказал? — холодею от возмущения.

— Постой, Николаевна! — вмешивается в наш разговор Дина Ивановна. — Ну устал парень. С кем не бывает. — И вдруг предлагает Славе:

— Пойдем-ка, я тебе другую работу дам. Мужскую. — И вручив Федоровичу лопату, уводит его в теплицу, копать там грядки. А мы опять продолжаем свою работу, которая теперь почему-то кажется легче. Может быть, оттого, что Коковихина, заменив Славу, теперь выбирает капустную рассаду вместе с нами.

...Оглянуться не успели — на часах 13 местного. Моем руки, стряхиваем с одежды землю. Не спеша рассаживаемся на траве и достаем свои завтраки. А отобедав,

как и задумали, отправляемся на строящийся неподалеку животноводческий комплекс. По дороге заглядываем в контору отделения, интересуемся своим дневным заработком.

— Ну что же, 28 рублей на всех — у вас в кармане, — сообщает нам молоденькая учетчица Таня Суханова.

Дорога на комплекс проходит мимо старых скотных дворов. Заглядываем в один из них и... отшатываемся. В корпусе грязно, тесно, сыро, темно. Коров везде, как сельдей в бочке, не вернуться бедным. И запах... силоса, навоза, еще чего-то терпкого. Запах, способный свалить с ног.

— Господи, и как здесь только люди работают, — морщит нос командир отряда юнкоров десятиклассница Оля Звягина.

— Да-а-а, — добавляет кто-то из девочек. — Уж на танцы при такой работе не пойдешь. Это точно. Так навозом да силосом пропахнешь — парни за версту шарахаться будут. Так недолго и в старых девах остаться.

— Зря вы, девочки, нашу работу хаете, — сказала, услышав наш разговор, какая-то женщина. — Работа доярки не хуже других. Плохо у нас пока на ферме — это верно. Сыро, темно, грязно, тесно. Но ведь недолго же так будет. Вот-вот новый комплекс в эксплуатацию пустят. Да вот он, комплекс, рядом.

Новый корпус и в самом деле близко. Здесь уже всю щелкает затвором фотоаппарата наш фотограф и кинооператор Игорь Щепаккин.

— Ребята-а! — машет он нам рукой. — Давай сюда. Здесь интересно.

Мы с любопытством первооткрывателей осматриваем корпуса, заглядываем в котельную, в молочное отделение, в санпропускник... Общее впечатление: «Вот это да!» — настолько не вяжется вид современных зданий и сооружений с теми старыми развалахами, которые мы только что видели.

Домой едем молча, боясь расплескать накопившиеся за день впечатления. А утром ровно в девять часов снова идем готовить рассаду.

...Норму все же сделали. Но учетчица неожиданно засчитала нам только ту работу, которая была выполнена в теплице.

— Те, которые работали сегодня на прополке рассады кормовых корнеплодов, не получают ни копейки, — сказала она мне. — Заглянула я к ним среди дня. И что же? Сидят голубчики в канаве. Загорают.

— Что же вы, ребята? — укоризненно качаю я головой.

— А чего? — безмятежно улыбается семиклассник Олег Владимиров. — Оплата на прополке сорняков в открытом грунте, я узнавал, повременная. Не то что в теплице — с выработки, сам бог «сачкануть» велел. Время катится, деньги идут.

— А как же с совестью, Олег?

— Что совесть? Не век же нам здесь работать. Уйдем, и все забудется.

А утром в конторе отделения состоялся еще один неприятный разговор. На этот раз с бригадиром овощеводов Диной Ивановой Коковихиной.

— Ну что же это вы, — укоризненно сказала она, едва я переступила порог. — Столько помидорной рассады испортили. Ведь просила — поглубже садите, а то не приживется. Так нет. Натыкали как попало. Все и завяло. А я уж этот сорт берегла. Мало его у нас нынче в совхозе.

На следующий же день в контору за нарядом со мной пошла и наша учетчица, семиклассница из Южно-Сахалинской средней школы № 2 Инна Ролинская. Теперь не только я, но и Инна, сами ребята следили, чтобы на работу никто не опаздывал, чтобы дневные нормы выполнялись не в ущерб качеству. И дело пошло. Видно, поняли после истории с помидорной рассадой и «перекурком» на прополке, что, не зная родной земли, не полюбив ее, невозможно чего-либо добиться в жизни.

Вечером — импровизированная пресс-конференция. На вопросы отвечают механик совхоза, главный инженер, энергетик. Тема разговора — механизация трудоемких процессов во всех отраслях и сферах совхозного производства, кадровый вопрос. Последний интересует девочек. Конкретно — есть ли в совхозе девушки-трактористки?

— Как же, есть — отвечают специалисты. — Только в нашем совхозе «Комсомолец» трудятся сразу семь девчонок.

Приходите к нам работать

Рассказ трактористки совхоза «Комсомолец»
Гали СУРДИНОЙ

Мой трактор вот он — перед вами. Правда, махина? Я, когда в первый раз увидела гусеничный трактор, обомлела. Думаю, ничем мне его с места не сдвинуть. А закончила Ново-Александровское сельское профессионально-техническое училище и как миленькая стала работать, трактор не бросила. А ведь не женское это дело, если подумать. Представьте такую ситуацию — случилась в поле поломка. Да не когда-нибудь, а зимой, в лютый мороз. Что остается делать механизатору? Ремонтировать. И вот мерзнут руки, колючий ветер выжимает слезы из глаз, а ты берешь гаечный ключ и орудуешь им час, два, три... сколько надо. Девчонкам обязательно помогут парни-механизаторы. Ведь нас, трактористок, в совхозе немного. Словом, работа мне моя нравится.

— Как интересно! — шепчет кому-то Вера Гах. И добавляет, уже в полный голос: — Вот закончу школу, тоже в трактористки пойду.

— И правильно сделаешь, — одобряет Галя. — Знаешь, сколько у нас механизаторы зарабатывают? Городским и не приснится. А женихов, женихов! Как на королев, на нас, девчонок-трактористок, парни смотрят. Пылинке не дают на нас упасть.

И вот последний день нашей работы. С утра зарядил обложной нудный дождь.

— Ну, сегодня отдыхаем, — сказал кто-то из ребят. — Поле — в кисель превратилось.

Автобус, однако, прибыл за нами по расписанию. Мы в темпе усаживаемся и едем в «Ключи» на выборку рассады для овощеводов отделения «Луговое». Работаем споро. И навык уже есть, и овощеводы, приехавшие за рассадой, подгоняют. А дождь все льет. Как из ведра.

— Может, в теплицу, под крышу? — предлагаетя Олегу Владимирову, одетому в легкий джинсовый костюм. — Глянь, до нитки промок.

Но он только отмахивается.

Норму мы в тот день перевыполнили вдвое...

МОСКВА,

редакции газеты «Правда»

Отрывок из письма

«...Со своей рукописной книгой мы решили познакомиться сверстников, живущих на материке. Заодно обменяемся опытом работы с юнкорами, подарим им сахалинские сувениры, расскажем о нашем замечательном крае, его экономике, людях. Деньги на агитационную поездку есть — заработали их на своей первой юнкорской практике в совхозе «Комсомолец». Едем в августе маршрутом побывавшего недавно у нас на Дальнем Востоке Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Нас ждут в Комсомольске-на-Амуре, в Хабаровске, во Владивостоке...»

ВО ИМЯ ВСЕГО ЖИВУЩЕГО

Слово «подвиг» не переводится в точности ни на один иностранный язык.

Мало определить его только как акт смелости и мужества; не передают всей полноты его и такие слова, как жертвование, самоотречение.

Чем измерить это высшее напряжение моральных и физических сил?

Под какие мерки героизма, не раз проявленного

в тысячелетней истории человечества,

подвести доблестную самоотверженность Ивана Сусанина,

бесчисленных солдат Великой Отечественной войны,

«огненных» трактористов, пограничников, милиционеров в мирное время?

Что заключает в себе тот внутренний высокий и святой смысл, которым освящен каждый подвиг?

• Присяге остался верен

...Человек был прибит гвоздями к крестовине из досок, истерзан до неузнаваемости. Тут же лежал комсомольский билет гвардии рядового 1-го батальона 77-го гвардейского стрелкового полка Юрия Смирнова, солдатская книжка и протокол допроса, где во всех графах «ответ» представлено: «он молчит».

Сохранился протокол другого допроса — пленного генерал-лейтенанта фон Траута, бывшего командира 78-й штурмовой дивизии.

— Моя дивизия занимала оборону у Орши, западнее села Шалашино. В полночь мне доложили о прорвавшейся группе советских танков и доставили в блиндаж раненого десантника.

Вопрос: Этим десантником был гвардии рядовой Юрий Смирнов?

Ответ: Да, его фамилия была Смирнов.

Вопрос: Сколько времени продолжался допрос?

Ответ: До утра. До того времени, когда мне доложили, что прорвавшийся танковый десант перерезал шоссе Орша — Минск, что командир 256-й пехотной дивизии барон Вьюстенгаген убит, а остатки дивизии сдаются в плен.

Вопрос: Что вы узнали из допроса?

Ответ: Ничего. Если бы нам удалось несколькими часами раньше узнать, куда идут танки и сколько их, мы бы спасли важную стратегическую магистраль Орша — Минск, и кто знает, как повернулась бы Оршанская операция. Во всяком случае, я не был бы военнопленным...

Вопрос: Что стало с Юрием Смирновым?

Ответ: Во время допроса он умер.

Вопрос: Какими методами пользовались вы при допросе?

Ответ: Я отказываюсь отвечать.

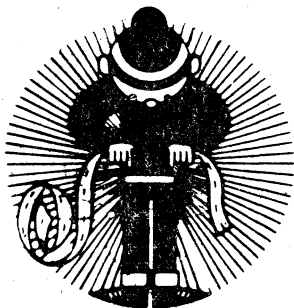
О пытках, которым подвергся распятый солдат, фашисту было невыгодно говорить...

Незадолго до этого боя Юру Смирнова на бюро полка принимали в комсомол. Он не смог ответить на вопрос о демократическом централизме. Запнулся, — и засомневалось бюро. Тогда встал комбат майор Сергеев:

— Я видел, как он дрался. Нельзя оставить такого бойца без комсомола!

Юру приняли единогласно. В десанте под Оршей, когда он в первой цепи ехал на броне танка, в фашистском блиндаже, когда он был один на один с озверевшими врагами, восемнадцатилетний рядовой Смирнов не посрамил звания комсомольца и патриота...

В поселке Шалашино есть совхоз его имени. В Ореховске, где похоронили его боевые друзья, поставлен памятник. На родине героя, в Харькове, каждый год собираются слеты юных смирновцев — приезжают следопыты, чьи школы и музеи носят имя Героя Советского Союза Юрия Смирнова: из Горького, Москвы, Сургута, Костромы, Витебска, со всей страны...

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Сохраненное знамя

Утром 29 июня гарнизону Бреста был предъявлен ультиматум: фашисты требовали сдать крепость. На размышление — один час. Коммунисты собрались на партийное собрание. Решение было единогласным — продолжать бой.

Среди многих, подавших тогда заявление в партию, был младший сержант Родион Семенюк — тот, кому было приказано во что бы то ни стало сохранить знамя 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона.

Один за другим гибли товарищи. Но миновали пули младшего сержанта Семенюка, будто знамя, спрятанное под гимнастеркой, неведомой силой отводило их. После многих часов боя осталось трое: Семенюк, Фольварков и Тарасов. Они оказались зажатыми в каменном каземате, и спасения ждать неоткуда было. В углу каземата вырыли они яму, зачехлили знамя и спрятали под брезентом и цинковым ведром, засыпали землей. Потом был убит Тарасов. Двух оставшихся контуженных бойцов немцы взяли в плен.

Долго скитался по лагерям Родион Семенюк. Переводился из одного ада в другой, потерял друга своего Фольваркова — замучили его фашисты, не раз пытался бежать из плена. Только в январе 1945-го удалось вырваться и пробраться к партизанам.

После войны работал Родион Ксенофонович Семенюк аппаратчиком Кузнецкого металлургического комбината. А о знамени помнил...

...Он сразу нашел тайник в каземате. Руки сами взяли у солдат ломик — начал копать. Развернул полотнище — и заплакал. Нет в живых боевых друзей: насмерть стоял родной дивизион. А знамя его боевое живо!

Хранится оно теперь в музее Брестской крепости, стоит в ряду таких же израненных, обгаренных солдатской кровью знамен — как свидетельство несгибаемого мужества, неумирающей славы.

● Березки на 511-м километре

Его имя занесено в Книгу почета Воронежской комсомольской организации. Областная молодежная газета учредила велогонку имени автоинспектора Ивана Юрьева.

Автострада бежит от Москвы к Ростову. Нет по обочинам деревьев — голое асфальтовое полотно. И только на 511-м километре стоят в простенькой оградке три молоденькие березки. А рядом поворот...

Перед этим поворотом автоинспектор Иван Юрьев прибавил скорость, чтобы увеличить разрыв с идущей следом колонной велогонщиков. Кто знает, что там, за поворотом, а за инспектором на полной скорости идут

семьдесят спортсменов, и он должен обеспечить им свободный путь.

«Запорожец» Иван заметил сразу. Взмахнул жезлом. Все водители по этому сигналу послушно съезжают на обочину. Дважды сделал отмашку — нет, не хочет замечать «Запорожец», хуже того, машина выворачивает на левую сторону шоссе...

Оставалось метров пятьдесят. Иван глянул назад: опустив головы к рулям, стремительно надвигаются гонщики. А впереди слепо мчит по левой стороне «Запорожец». И тогда инспектор повернул свой мотоцикл в радиатор шального автомобиля...

Проехали гонщики по свободной трассе. Мимо предупреждающих щитов по бокам дороги: «Внимание! Идут соревнования!». Мимо искореженного мотоцикла и отброшенной автомашины...

Воронежский автоинспектор Иван Юрьев погиб при исполнении служебных обязанностей. Он мог бы спасти свою жизнь, но за семь секунд, имевшихся у него, он понял, что спасся бы ценою других жизней.

Иван Юрьев остался в памяти людей. Велогонщиков-юниоров и их родителей, сослуживцев, следопытов, шоферов, ведущих бесконечный поток машин мимо трех березок на автостраде Москва — Ростов.

● Прямая, как взлет, жизнь

...По человеческим масштабам может быть только один смысл: «Стремление к поставленной перед собой цели».

Из доклада на партийном собрании
Б. В. Капустина.

В Ростове дружина школы № 51 носит имя Бориса Капустина. В Ленинграде в школе-интернате № 40 созданы клуб и музей «Огромное небо». Летчики Борис Владиславович Капустин и Юрий Николаевич Янов зачислены бойцами студенческого строительного отряда Ростовского пединститута. Такую же работу по увековечению памяти героев проводят молодежные организации ГДР.

Жизнь военного летчика Бориса Капустина и штурмана Юрия Янова оборвалась апрельским днем 1966 года. Был обычный полет. Они летели над пригородом Берлина. На высоте четыре тысячи метров отказали моторы. Катапультироваться? Но внизу — дома, люди... Надо отвести машину. «Куда, Юра?» — спросил командир. «Правее нас озеро», — ответил штурман.

На огромной скорости самолет несется к земле. Мелькает под крылом шоссе, и последний высотный дом кажется неминуемым на пути неисправной машины. Чудом самолет отворачивает от дома и, зацепившись за дамбу, падает в озеро Штессензее. Чудом — это значит ценой последних невероятных усилий летчиков и ценою их жизни.

Эти люди очень любили жизнь. Но они любили не только свою жизнь — неизмеримой ценностью для них было все живущее на земле. Ради этого, ради жизни на земле, совершили свой подвиг в мирном небе два советских летчика.

Небезынтересно привести полную выдержку из доклада секретаря партийной организации Б. В. Капустина на одном из партийных собраний: мысль, которая развита в ней, объясняет жизненную позицию этого человека и коммуниста.

«Поднимись над землей и взгляни вокруг: все живущее и произрастающее на нашей планете — эпизод во Вселенной. Ибо от Земли к Солнцу, от Солнца к Млечному пути и дальше — к еще неизведанным мирам — от одной галактики к другой, непостижимые рождаются новые миры, растут, пульсируют, затвердевают, переходят из одного состояния в другое. Все движется вечно, без начала и конца, все возникает и исчезает само по себе, и только. Какой же тут смысл по нашим человеческим масштабам? Кому неустанно нужен смысл жизни, пусть сам придает смысл своему существованию. По человеческим масштабам может быть только один смысл: «Стремление к поставленной перед собой цели».

● Погиб в бою, в мирное время

Пионерской дружине Нижне-Качмашской средней школы решением бюро райкома комсомола присвоено имя комсомольца Виктора Танцера.

В музее Нижне-Качмашской средней школы Калтасинского района Башкирской АССР хранятся личные вещи, письма, воспоминания учителей, товарищей, родственников лейтенанта милиции комсомольца Виктора Владимировича Танцера.

Следопытская группа школы под названием «Поиск» четвертый год неустанно собирает материалы, рассказывающие о жизни и подвиге инспектора уголовного розыска Виктора Танцера. Школьники во главе с руководителем Н. З. Мухаметовой и комиссаром Надей Батыровой поддерживают постоянную связь с друзьями и сослуживцами В. В. Танцера.

Мужественный человек этот погиб, когда ему не исполнилось и двадцати пяти лет, в Уфе. Погиб в бою, в мирное время, при задержании опасного преступника. В открытом, честном бою, наверное, удалось бы Виктору, при его подготовке, выдержке, сохранить свою жизнь. Но коварство врага, надеявшегося любой ценой избежать возмездия и уйти от преследования, создало ситуацию крайнюю. И в решительную минуту лейтенант Танцеров, не дрогнув, отдал жизнь, чтобы закрыть дорогу преступнику.

За самоотверженность и мужество, проявленные при исполнении служебного долга, инспектор уголовного розыска лейтенант Виктор Владимирович Танцеров был награжден посмертно орденом Красной Звезды.

● Пятнадцать лет исполнилось Ленинскому музею средней школы № 57 станции Аягуз Алма-Атинской железной дороги. Экспозиция его рассказывает о биографии вождя, о работе партии по осуществлению ленинской программы.

● На пятидесяти гектарах высадили саженцы учащиеся виловатской школы Марийской АССР. Будущие деревья укрепят склоны оврагов, которые являются бичом здешних земель.

● В Свердловске, на улице Красноармейской, открыта еще одна мемориальная доска: ею отмечен дом, где в 1906 году находилась подпольная типография комитета РСДРП.

● Неожиданные экспонаты могут увидеть посетители в музее ленинградской 89-й школы: рукавицы гидростроителей Саяно-Шушенской ГЭС, бетонный куб, рабочую каску бетонщика... Свою тему следопыты выбрали не случайно: они говорят, что Нева и Енисей связаны одним именем — именем Ленина.

● Студенческая группа «Поиск» Пермского кооперативного техникума, занятая сбором материалов о первых партийных и комсомольских ячейках, участниках гражданской войны, вернулась из поездки в Сивинский район. Учащиеся прошли боевой путь первого конармейского отряда, встретились с бывшим его комиссаром Д. Д. Неволиным.

● Судьбами первых коммунистов и комсомольцев

края заняты следопыты школы № 6 города Клинцы Брянской области. Следопытские материалы рассказывают о члене партии с 1919 года М. Б. Прудникове — авторе воспоминаний «Ленин и кремлевские курсанты», А. И. Высоцком — первом секретаре ячейки РСДРП(б), созданной в Клинцах 5 марта 1917 года, балтийском матросе А. Ф. Улезко — одном из организаторов Советской власти, и о многих других.

● Школьное лесничество «Берендей» в 30-й школе Петрозаводска взяло на учет и завело карточки на карельские березы. Цель этой операции — взять под охрану редкое дерево.

● Еще один необычный музей появился в Ленинграде — в школе № 272. Экспозиция его рассказывает об истории пожарного дела, о становлении его в нашей стране.

● Дворец пионеров и школьников имени Юрия Гагарина в Баку выпустил путеводитель по школьным музеям боевой славы. В путеводителе приведено описание около полусотни военно-исторических экспозиций, созданных следопытами в школах азербайджанской столицы. Особое место занимают в этом перечне широко известные музеи «Малая земля» — в школе-интернате им. Нахичеванского, музей Рихарда Зорге — в 90-й средней школе Ленинского района. Путеводитель дает яркую картину ратных подвигов советских людей в Отечественной войне.

Север дальний—

**Владимир
ЕВЛАДОВ**

Бывает в жизни человека событие, определяющее всю дальнейшую его судьбу.

Для Владимира Петровича Евладова, молодого тогда коммуниста, таким счастливым случаем стала в 1917 году неожиданная встреча с Севером.

И вот, с 1926 года — экспедиция за экспедицией, зимовка за зимовкой.

Сотрудник Комитета содействия малым народностям северных окраин, сотрудник Главсевморпути и Всесоюзного Арктического института,

В. П. Евладов многие годы посвятил изучению кочевого жизненного уклада ямальских ненцев.

В 1928—1930 годах возглавляемая им комплексная экспедиция провела разносторонние исследования на всей территории Ямала.

Ямал Харьютти — В. П. Евладов

Север близкий...

Оформление
П. Евладова

В. П. Евладовым была составлена первая полная карта полуострова Ямал и острова Белый — еще одно белое пятно на карте страны перестало существовать. Народ суровой гундры — мужественный, трудолюбивый, правдивый, добрый и талантливый по натуре, но очень отсталый тогда — полюбился Евладову. Он старался помочь ненцам наладить новую жизнь, преодолеть суеверия, ликвидировать безграмотность. Изучив их язык, он составил первые русско-ненецкий и ненецко-русский словари. Многие было сделано им впервые — первое простейшее производственное объединение ненцев, первая школа для детей, первый оленеводческий совхоз, существующий и поныне... Научные труды В. П. Евладова были использованы в Уральской советской энциклопедии, многотомной истории Сибири. Многочисленны его печатные труды. С глубокой заботой о судьбах народов Севера, о проблемах Севера говорил он в одном из своих выступлений — на VI Международном конгрессе этнографов и антропологов... Все, кто знал Владимира Петровича при жизни, хранят о нем добрую память, благодарную память хранит о нем тундра. У ненцев принято прибавлять к именам прозвища. Евладова звали Ямал Харютти — житель Ямала. И не было чума, где бы не знали о русском красном друге, от которого впервые услышали о Великой революции, о Советах, о Ленине... В музее «Уральского следопыта» хранятся номера журнала «Уральский следопыт» за 1935 год с путевыми рассказами В. П. Евладова. Ныне редакция предлагает новую публикацию, подготовленную сыном исследователя — П. В. Евладовым.

Первая встреча

Однажды в Совет явилась женщина и заявила, что в верхнем этаже ее двухэтажного домика умер одинокий жилец — какой-то ученый.

Председатель Совета — рабочий станции Федулов — сказал мне:

— Товарищ Евладов, сходи посмотри, что там у него за наследство, и доложи нам. Совет решит, что с ним делать.

Женщина открыла дверь. Содержимое комнаты меня ошеломило. Первое впечатление — полный хаос. Банки, склянки, коробочки — жестяные, деревянные, картонные, спичечные, — бумаги, свертки, пакеты, мешочки лежали тесно на столах, подоконниках, этажерке, на стульях, на всем полу...

Осмотрев несколько банок, коробок, я заметил везде аккуратно наклеенные этикетки. В банках были мелкие животные, рыбы, моллюски, насекомые. В коробочках и ящичках — камни, кусочки деревьев самой разной величины и формы.

Во второй комнате тот же беспорядок, только ящики и банки были покрупнее. В углах лежали свертки, какие-то древние манускрипты. Всюду многочисленные ботанические коллекции, то в форме гербариев, то просто в кипах бумаги. Имеются этикетки, многие из которых поблекли: «Новая Земля», «Белушья губа», «Остров Колгуев»...

Мы прошли в третью комнату. Здесь были одни лишь большие ящики, наполненные книгами. В одном из ящичков лежала тонкая брошюрка в большом количестве экземпляров в яркой оранжевой обложке. На ней стояло имя автора — «Профессор Врядий» и заголовок — «Отказать!»

— Не его ли это фамилия — профессор Врядий? — спросил я.

— Да, да! Я теперь вспомнила, это он самый! — ответила хозяйка.

Совет поручил мне приступить к составлению описи этого научного богатства.

Брошюра «Отказать!» была написана профессором Врядием в 1917 году. Пытливый ученый задумал осуществить обширный географический план: произвести научно-исследовательскую экспедиционную работу вдоль всех границ Российского государства, начав ее с Севера. Для этого ему потребовались значительные средства, которых у него, по видимому, не было. Он вынужден был обращаться за ними к царскому правительству, меценатам, в общественные организации, но везде получал один неизменный ответ: «Отказать!».

Вся горечь и обида энтузиаста науки, наконец, перелилась через край, и он обратился к общественному мнению через печать в виде этой брошюры, изданной, конечно, на свои последние средства.

К сожалению, мне не пришлось изучить полностью, описать научное наследство профессора Врядия из-за срочного отъезда на четвертый Чрезвычайный съезд Советов в Москву, куда я был делегирован Левашовским Советом рабочих и солдатских депутатов. Но даже общее ознакомление с ним зажгло во мне незатухающий интерес к Северу.

Красные люди

Первая моя исследовательская экспедиция в 1926—1927 годах показала невероятную глубину отсталости ненцев — своеобразного, вольного,

горячо любящего свою родину — тундру — народа, который меня, представителя цивилизованного мира, многому научил.

Помню, сидел я в дымном чуме после длительного и трудного переезда на оленях, наслаждался теплом ярко горящего среди чума костра и писал путевой дневник. Вокруг уютного огня расположилась семья хозяина. Обязательное чаепитие с мерзлой рыбой и сырым мясом на низеньком маленьком столике было закончено, интересные и всегда содержательные разговоры затихли и можно было записать впечатления истекшего дня.

У очага сидела жена хозяина и что-то шила из меха оленьими жилами, умело и быстро скручивая их в тонкие и необыкновенно прочные нити. Рядом с ней, поближе к теплу, присела старушка, положив на подол своей шубы-ягушки голенького ребенка. Малыш радостно взвизгивал и энергично работал в воздухе ножками. Бабушка часто грела у огня свою ладонь и проводила ею по голему тельцу ребенка. Подростки затеяли сдержанную игру между собой...

Хозяин чума сидел рядом со мной, курил маленькую изящную трубочку из мамонтовой кости и очень внимательно смотрел, как мой карандаш бегал по бумаге и оставлял на ней хорошо заметный черный след. С другой стороны от меня сидел переводчик экспедиции и дремал после обильного ужина.

Когда я оторвался от записи, хозяин меня спросил:

— Что ты делаешь?

— Пишу.

На его лице появилось выражение недоумения. Переводчик, тоже ненец, знающий кое-как русский язык, затруднился с переводом. У

ненцев в то время еще не было письменности, а следовательно, и понятия, соответствовавшего слову «пишу».

— Ты мне говоришь слова, а я их кладу сюда,— разъясняю я, показывая книжку.

— Как так? — недоумевает он.

— Помнишь, дней десять назад ты в мой чум приезжал? Мы с тобой разговаривали. Помнишь, о чем мы тогда говорили?

— Ты чего-то спрашивал, а я тебе говорил,— ответил он.

— Вот сейчас давай посмотрим, о чем мы говорили,— сказал я, перевертывая страницы дневника назад.

— Мы говорили о песцах. Я спросил тебя: «Сколько детенышей в одной норе находил?» А ты ответил: «Восемь и десять, и двенадцать». «А в самой большой скважине было?» Ты ответил: «Шестнадцать». Я еще спросил тебя — одна ли самка была в этом гнезде? «Да,— ответил ты,— была одна самка-мать и при ней был самец. Он живет с семьей и носит пищу всем, пока дети маленькие. А потом ходят оба за пищей. В норе не бывает двух самок». Ты говорил так?

— Да, верно, верно! Я так говорил!.. Дай-ка мне,— потянулся он к таинственной книжке. Я передал ему дневник.

Он долго смотрел на страницы записной книжки, потом повернул ее боком и снова внимательно смотрел на черные буквы, затем повернул ее вверх ногами и опять боком. Наконец передал мне и сказал:

— Ты, однако, шаман...

Я и переводчик засмеялись.

— Нет, я не шаман,— ответил я.— А вот скоро, очень скоро твои детишки, вот те, которые играют, будут так же писать, как и я. А может быть, и ты научишься...

И потекла у нас долгая и очень интересная беседа о великой пользе грамоты. Мы с ним и его семьей заглянули во вселенную, из которой он каждую ясную ночь видит любящийся свет звезд и луны, заглянули в глубины Карского моря, по которому он плавает на большой лодке и промышляет тюленей и моржей на дрейфующих льдах, спустились и в недра земли — в угольные шахты, путешествовали в жарких странах и

мысленно посмотрели на живущих там зверей и птиц. Особенно его заинтересовал страус, который несет яйца с голову ребенка.

— Все это можно узнать из книг, которые надо научиться читать и понимать,— говорил я ему.

Последствия этой беседы долго сопутствовали мне в дальнейшем путешествии по Ямалу. Почти в каждом чуме, куда я приезжал, меня просили рассказать о самых разнообразных вещах и отвечать на всевозможные вопросы.

Особенно интересовало ненцев устройство нашего государства. Кто самый большой начальник над всем народом? Они в то время слышали кое-что о происшедшей революции, о новой власти, о новых красных людях, но, по-видимому, в неверном освещении.

Однажды я был до глубины души потрясен сценой встречи со стариком ненцем на северной оконечности Ямала. Там, почти в тысяче километров за Полярным кругом, стояли чумы ненцев медвежатников, среди которых еще сохранились обычаи старины в наиболее чистом виде. Мы только что поставили здесь свои палатки и чум. Я пошел на видневшиеся в отдалении озера, чтобы убить на ужин пару гусей. Гуси в то время линяли и не могли летать, их было очень много. Ненцы просили нас не стрелять таких гусей из дробового ружья, так как птицы пугаются громких выстрелов и уходят на дальние озера. Поэтому я взял большой и тугой ненецкий лук со стрелами.

Солнце едва заметно снизилось к горизонту. В это время года оно не заходит за горизонт и в полночь. Такой солнечной ночью особенно чист и прозрачен светлый, без единой пылинки, полярный воздух. Беспредельные дали красиво чеканятся в деталях. Мне всегда нравилось, не торопясь, просматривать в полевой бинокль этот четкий филигран. В нем можно разглядеть стаи линяющих гусей, спокойно гуляющих по берегам озер, увидеть и небольшие группы пасущихся на ягеле диких оленей, проследить и свое оленье стадо, широко разошедшееся по тундре...

Вдали виднелся стан нашей экс-

педиции — обычный ненецкий чум, где жили пастухи оленей, и две белые палатки научных работников. Над станом реял красный государственный флаг, собирая к себе ненцев на каждой новой остановке экспедиции. Красный флаг в глубине тундры впервые был поднят нами в 1928 году. По давнему обычаю ненцев подъем какой-либо одежды на шесте означает бедствие и призыв к себе окружающих, увидевших издали этот сигнал. Поэтому и наш флаг сначала собирал кочующих людей, как сигнал тревоги. Потом привыкли к нему, и означал он лишь стоянку русского чума.

Далеко на горизонте я увидел несколько легких нарт, быстро ехавших как будто к нашему стану. Убедившись в этом, я поспешил домой.

Нарты подъехали к стану раньше меня, и когда я приблизился, от группы приезжих отделился седой старик и пошел мне навстречу. Он был высокого роста, широкоплечий, с ясным, почти без морщин, лицом, на котором искрились живые открытые глаза под густыми седыми бровями. Его голова с длинными, свисающими по обе стороны волосами, заплетенными в косы, белела, как снег. И весь его облик носил отпечаток полной уверенности в себе.

— Ани дорово! — приветствовал я старика на его языке.

— Ани дорово! — ответил он, пристально рассматривая меня и несколько не скрывая своего повышенного интереса к этому осмотру.

Я был в малице — ненецкой легкой шубе, подпоясанной, как у любого ненца, широким поясом с подвешенными к нему на крепких цепочках и ремешках обычным ненецким ножом, амулетами, парой больших клыков белого медведя. Обувь состояла из непромокаемых бродней, искусно сшитых из шкур тюленей, — обычной обуви всех ненцев. Мои выросшие волосы так же, как и у него, торчали в разные стороны над откинутым назад капюшоном малицы. В моей фигуре и внешности решительно ничего не было такого, что могло бы вызвать повышенный интерес ненца. А между тем мой собеседник продолжал молча рассматривать меня сверху донизу с нескры-

ваемым удивлением. Наконец он спросил:

— Ты... красный начальник?

— Я тебе не начальник. Я твой гость. Вон тем пастухам и другим русским я начальник.

— Нет, ты красный начальник («нярьяна ероу»)? — спросил он, выделяя слово «нярьяна» — красный.

— Да, люди так меня называют.

— А руки-то у тебя... белые! И лицо белое, как у меня! — воскликнул он, глубоко удивленный своим открытием.

— А как же ты думал, войско! Неужели ты думал, что руки и лицо у меня красные?

— Да, я так думал. Мы все здесь так думали, что красные люди — это другие люди, из другой земли пришли в нашу землю. Повоевали белых людей и сами стали править нашим народом.

«Наивный и темный ты человек, — подумал я, — как же легко было купцам тебя обманывать!» — и громко сказал:

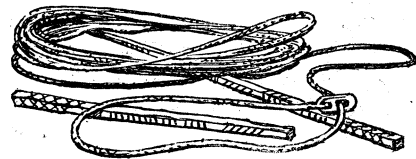
— Иди, друг, в чум, садись за стол, там, конечно, готов чай. А я сейчас приду туда же и буду рассказывать вам, кто такие «красные» и «белые» люди.

Никогда я не встречал более благодарных слушателей в любых аудиториях, на беседах, лекциях, собраниях, чем в тундре среди ненцев. Они обычно беспокоятся, когда олени, на которых они приехали, долго стоят в упряжке и не едят ягель. А во время беседы они забывают даже оленей.

Только женщины сидели молча, хотя было ясно, что они тоже заинтересованы беседой. По обычаям старины им не полагалось вступать в разговоры мужчин.

Я говорил всем приезжающим гостям, что в русском чуме для всех — русские обычаи, у нас женщины пьют чай вместе с мужчинами, за одним столом и разговаривают все друг с другом одинаково. Соблюдения этого мы требовали в своем чуме от всех гостей. Понемногу женщины осваивались и вступали в разговор.

¹ Войско — почетное название, дословно — «старик».

Едай сакон

Далеко на Ямальском полуострове, в самом северо-восточном углу, в конце зимы 1935—1936 года работала маленькая передвижка — радио-передающая радиостанция.

Несколько неуверенные точки и тире полетели на полярную станцию «Остров Белый», а оттуда в воздушный океан до самой Москвы, до главного штаба Арктики — Главсевморпути:

— Алло! Алло! Говорит Дровяная, говорит Ямал — Дровяная. Москва Главсевморпуть Отто Юльевичу Шмидту...

Стоят молча вокруг непонятной машины ненцы в малицах со сдвинутыми на затылки меховыми капюшонами, с живописно вклочоченными волосами, смотрят расширенными глазами на загадочно горящие лампочки приемника и тихонько переговариваются под тонкий писк морзянки.

— Что это?

— Екар (не знаю)...

Кто-то из них говорит:

— Это — «тирть вада масына» («воздушно-словесная машина»).

Когда окончится сеанс передачи и начнется музыка — пойдут наушники по ненецким, никогда не мытым и не чесанным головам. На лице слушающего застывает какое-то удивленно-растерянное выражение, человек забывает все окружающее — он слышит чужую речь и не может понять, какой человек и откуда говорит.

Долго и упорно я собирал из тучек и тире в радионаушниках проект новой Конституции СССР, который нам передавала полярная станция «Остров Белый» глубокими ночами.

Первой же моей мыслью было собрать ненцев северной оконечности

Ямала, разъяснить им новый закон, подумать вместе с ними: не сможем ли мы, далекие от центра, дополнить и еще больше улучшить важный государственный документ.

Я сказал им, что снял с этой машины новый закон — едай сагон.

— Самый большой совет коммунистов послал сюда этот закон и велел спросить ненцев — хорош ли он будет для вас?

Возгласы радостного удивления были мне ответом.

— Нас спрашивают?..

— Ты не ошибся ли, наш русский друг Гайво Хориче¹?

— Нет, друзья мои, я не ошибся. Поезжайте по чумам, скажите всем ненцам — и мужчинам и женщинам, пусть едут через семь дней на реку Хабей-Яга в чум старого выборного вашего, члена кочевого Совета Кагелю Солиндера. Туда приеду и я с новым законом. Будем много о нем разговаривать.

— Трем сово, трем сово... (так хорошо).

Светлой солнечной ночью состоялось это необычное собрание кочевников Северного Ямала.

Олени в стаде первой североямальной артели далеко разбрелись по молодой траве, под ногами в густом моховом покрове попискивали в весеннем возбуждении песцовые мыши-лемминги. Стаи гусей и уток, разбившись на пары, строили гнезда. Весеннее пробуждение природы, как хмель, будоражило тундру.

Приехали и женщины с ребятами, которые, как меховые шарики, в малицах и пышных гуськах катались и кувыркались по молодой траве.

С нами на собрание шел неочи-

данный и далекий гость — местный кочевник, а теперь студент Института народов севера Собрин. Отлично владея русским языком, он явился для нас таким помощником в разъяснении нового закона, лучше которого нельзя было и желать.

Долго шло собрание.

Ненцы всегда слушают беседы и разговоры с высоким интересом. Особенно подробно они расспрашивают об устройстве нашего государства, кто и как правит нашей страной, кто такие коммунисты. Они хотят знать правду о революции, о Ленине... Понятно, с каким совершенно особым интересом отнеслись они к новому закону, по которому всем нам предстояло теперь жить.

— Гайво Хориче! — обратился ко мне Кагелю Солидер, когда обсуждение проекта уже подходило к концу, — как же теперь будет? Богатые люди тоже могут быть в Совете и в нашей артели... Хозяевами будут... Хорошо ли это?

— Правильное слово ты сказал, войсоко, — ответил я ему. — Это, конечно, нехорошо. Но ведь вы сами будете выбирать людей и в Совет, и в артель. Вот вы и не выбирайте богатых, в Совет и в артель не принимайте. Пусть живут пока сами по себе, а дальше видно будет. Можно так сделать?

— Конечно, можно!

— Гайво Хориче, — обращается другой, — а как бы сделать, чтобы большие люди почаще нас спрашивали о новых делах, вот как сегодня? Нашу жизнь все ли знают хорошо? Может, и мы чего-нибудь посоветуем...

— Давайте напишем об этом бумагу Большому Совету Коммунистов.

— Надо, надо! Ты скажи ему по «воздушно-словесной машине».

— Я напишу бумагу, куда надо. Давайте попросим взять в Большой Совет одного ненца из нашей тундры. Он будет там всегда, и вы сможете с ним часто разговаривать, а он станет о ваших делах говорить в Большом Совете.

— Так хорошо, хорошо!

Только около полудня уехали последние ненцы.

Ночью я послал радиogramму на остров Белый и просил передать в газету «Правда» предложение ямаль-

ских ненцев дополнить статью 35-ю проекта Конституции СССР о составе Совета национальностей выборами в него по одному депутату от каждого северного национального округа.

Через полгода, выехав с зимовки в Ленинград, я получил от товарищей из Арктического института сообщение, что в газете «Правда» среди многих предложений трудящихся о дополнении проекта Конституции было напечатано и наше.

Купив через несколько дней в киоске экземпляр принятой Конституции СССР, я здесь же, на улице, прочитал:

...«Ст. 35. Совет Национальностей избирается гражданами СССР по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по 1 депутату от каждого национального округа».

Стало по-настоящему радостно за этот новый Основной Закон нашего государства, охраняющий интересы даже самых малых народов СССР.

Тар Ямал

Еще весной, кочуя далеко на юге Ямала, я спрашивал у ненцев — кто самый сильный на всей их земле, кто самый богатый, кто самый умный?.. На последний вопрос почти все мне отвечали:

— Самый умный у нас Тар Ямал.

— Почему?

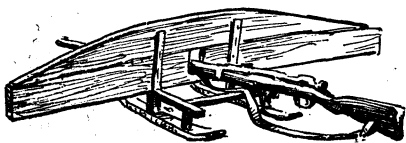
— Потому что он самый старый.

Теперь мне предстояло найти и посетить чум Тара Ямала и побеседовать с самым умным ненцем.

Два чума Тара и его сыновей мы увидели издали на высоком и узком мысу, вырезанном весенними водами на ровной тундре и обрывающемся метров на 30 в узкую в верховье реку Ептарму.

Очень древний старик, согнувшийся под тяжестью лет, одетый позимнему в малицу и гусь, вышел из чума, чтобы приветствовать нас и пригласить в гости.

¹ Гайво Хориче (Лысяя Голова) — такое имя-прозвище дали мне друзья-ненцы

Усевшись на почетных местах в чуме, мы начали неторопливый разговор с общих любезностей.

— Наслышан о тебе, войсоко,— сказал я,— еще когда только вышел из Салехарда. Ямальский народ тебя знает и хорошо говорит о тебе.

— Как не знать!.. Живу я сильно долго и все время кочую здесь. Все знают.

— А как долго ты живешь? Сколько тебе зим?

— Не знаю... Я давно перестал считать зимы и лета, их нельзя и сосчитать.

— А не помнишь ли ты двух нерусских людей, которые и говорили не по-русски? Это были два немца и ездили по Ямалу только немного — от Обдорска вдоль реки Щучьей. Они были очень давно.

— Я хорошо помню их. Я был тогда уже старым человеком, у меня были внуки. Мне было зим 60 и столько же лет¹.

Доктор Брэм, автор знаменитого обширного труда о жизни животных всего мира, в сопровождении доктора Финша был на Ямале в начале 80-х годов прошлого столетия, то есть свыше 50 лет назад.

Я записал в дневнике, что Тару Ямалу 105 лет. Для проверки этой цифры я еще спросил Тара:

— Не помнишь ли ты, войсоко, Ваулю Ненянга — самоедского человека, который отбирал оленей у богачей и раздавал их бедным? Он жил в Тазовской тундре и ходил по рекам Пуру, Тазу, Надьму (в 1837—1838 годах).

— Как же не помнить? Я тогда был мальчиком около 15 лет. Мой отец подкочевал к его чуму, и они долго жили и ездили вместе. Отец был бедный, оленей у него было мало, четыре десятка. Ваулю ему дал сто штук. С них у нас и развелись олени.

Разговаривая со стариком, я все время с любопытством смотрел на куклу, которую он держал на коленях и которой время от времени помазывал лицо, а вернее — зарубку, где должны были быть губы, то маслом, то жиром, то сырым кровавым мясом, то подносил ей кусо-

чек сахару, то хлеба. Нет сомнения, что это «сядай» — идол, предмет культа.

— Войсоко, а зачем у тебя этот сядай на коленях? Разве нельзя его положить на священную нарту или поставить вон туда? — показал я на переднее место в чуме, где часто можно видеть идолов.

— Нет, нельзя. Я дал обещание держать его всегда при себе.

Идол был очень хорош. В отличие от обычных идолов-чурок, слегка обованенных и заостренных на месте головы, с грубыми зарубками вместо глаз, носа и рта, этот идол имел несколько более тщательно вырезанное ножом лицо, выпуклый нос, глаза с надбровными дугами, рот и хорошо выделанные подбородок и шею. Особенно привлекательна была женская одежда — точная копия настоящей, и маленькая шапка-совода, отороченная белым мехом вокруг лица, как песцовым хвостом от ветра у настоящих шапок-капоров.

— Тебе этот идол сильно нужен?

— Да, я без него не могу жить...

— Почему же?..

— Это ведь смерть моя. Смерть уже один раз приходила ко мне, но не взяла меня. Вот за это я ее пою и кормлю сейчас, не боюсь ее больше и говорю ей — пусть живет, только подольше ко мне не придит...

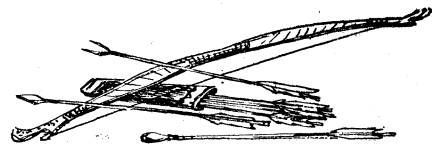
Мне было ясно, что ни взять, ни купить этого идола для музея нельзя. Сильны еще были на десятом году революции суеверия в тундре.

Своеручные узлы

Несмотря на близость весны, метель разбушевалась не на шутку.

Лежим впятером уже третий день в прочной шестигранной палатке среди Ямальской тундры. Здесь, кроме меня — начальника экспедиции, еще охотовед Спицын, молодой зоотехник-оленеvod Королев, шумный высоченный товаровед Каргапольцев и совсем юный, добровольно присоединившийся к нам в Обдорске весельчак Вася Терентьев, отлично знающий три северных языка — коми, ненецкий и хантыйский.

Рядом с нашей палаткой стоит остроконечный чум пастухов олень-

его стада экспедиции и небольшая палатка ветеринарного отряда, кочевавшего вместе с нами.

Олени в метельную погоду жмутся к чуму и подолгу лежат вокруг него и палаток. В открытой тундре в метель они боятся волков.

Пользуясь вынужденной стоянкой, мы устроили совещание для обсуждения опыта первых кочеваний нашего огромного обоза — почти в 50 нарт. Опыт этот оказался неудачным. Запряжка оленей занимала много времени, часть нарт оказалась настолько тяжелыми, что олени в них падали, обоз медленно тянулся шагом, перекочевывали за день небольшие расстояния.

Было ясно, что при таком медленном движении за весну нам не достичь мест, намеченных для летних работ экспедиции, и мы не попадем на Северный Ямал и совсем не исследованный остров Белый. Надо было разгрузить и сократить обоз, насколько возможно, отказавшись даже от части нужных предметов личного снаряжения. Было решено нанять ненцев для перевозки запасного продовольствия вперед, на наши летние кочевья.

Едва затихла метель, мы так и сделали.

За перевозку продовольствия взяли два бедных ненца — Олю Ока-тэтта и Хадампи Яунгад, согласившиеся доставить шесть груженых нарт, куда мы укажем.

Разгрузив обоз, мы вздохнули свободнее. Первая же кочевка прошла легко. Мы прошли за день до 25—30 километров вместо 12—15. Теперь нам надо было особенно торопиться, так как до летних кочевий на реке Тнутей оставалось еще около 500 километров, а весна с таянием снегов и круглосуточным солнцем гналась за нами по пятам.

10 мая над нами высоко в небе пролетел одинокий гусь, держа курс строго на север. Это гусь-разведчик

¹ Рассказ Тара Ямала записан мною в 1927 году.

высматривал зорким взглядом — не появилась ли где-нибудь вода, много ли проталин на снежной равнине. Скоро гусиная лавина хлынет за своим разведчиком.

О наших друзьях с продовольствием не было ни слуху ни духу. Молодежь начала тревожиться: а вдруг они не явятся в условленное место? Это будет для нас катастрофой.

Я успокаивал малOVERов. Прошло еще около двух недель. Тундра стала распускаться: в овражках и низинах под снегом появилась вода. Теперь огромные стаи гусей летели на горизонте справа и слева на север, облетая кочующие по хребту обозы.

Я спрашивал многих ненцев, приезжавших к нам в гости, — не видали ли они Олю Окатэтта или Хадампи Яунгада. Все отвечали отрицательно.

У меня уже давно кошки скребли на душе, хотя внешне я не подавал вида.

Особенно донимал меня длинный Иван.

— А ты, товарищ начальник, все-таки неосторожный человек — отдал продовольствие, оленей и плату вперед. А не думаешь ли ты, что можешь сорвать всю экспедицию, да и нас погубить без продовольствия?

— Нет, не думаю, дружище. Ненцы не обманут, им что-нибудь помешало приехать к нам.

Еще миновало недели полторы. Теперь мы двигались по остаткам снега, лежавшего островками в тундре. Часто обоз шел по летней тундре, выбирая мокрые места, где нарты еще кое-как скользили.

Я не на шутку беспокоился о продовольствии и думал уже, как и чем его заменить. Наше продовольствие заканчивалось, в этом помогали нам и бесчисленные гости, приезжавшие к нам на каждой стоянке.

Был у меня и конфузный случай. Приехали ненцы на 8—10 нартах. Я распорядился, чтобы к чаю не выставляли масла, которого осталось очень мало.

Во время чаепития один из приехавших спросил меня — почему я не угощаю их маслом?

— Масла нету, — ответил я, — кончилось.

— Как нету? Ты, однако, не знаешь... На третьей нарте от конца стоит маленькая бочка, в ней сверху что-то положено, а внизу под доской лежит масло...

Я смутился.

— Неужели там? — сказал я, обращаясь к переводчику. — Ну-ка, Максим, сходи посмотри и, если есть, — неси его сюда.

Ненцы все знают, все замечают, но ничего сами не возьмут. Запоры там не нужны.

Так кончился наш последний запас сливочного масла («хорово юр» — коровий жир).

Через несколько дней в наш стан снова приехала группа ненцев. Они привезли две туши оленей. Я спросил:

— Это зачем? Я ведь не наказывал привезти оленей.

— Да, ты не наказывал, но ведь в твоем стане есть нечего. Мы же, твои гости, все у тебя поели. Теперь мы тебя и твоих людей будем кормить мясом и рыбой.

Трудно описать радость наших пастухов, давно не лакомившихся сырым мясом.

Еще через неделю кочеваний мы приблизились, наконец, к условному месту на реке Тютей, где должны были стоять наши нарты. На последней стоянке, только мы поставили чум и палатки, мне сказали:

— Смотри, начальник, вон вдали гости едут на двух нартах.

— Да, действительно едут. А у нас нечем кормить...

Подъехали двое мужчин и, не здороваясь, стали выпрягать оленей и выпускать их в наше стадо.

«Ночевать хотят, — подумал я. — Значит, сегодня и завтра их надо будет кормить».

Они подобрали сбрую на нарты и подошли к нам.

— Ани дорово, — приветствовали они.

— Ба! — обрадовался я. — Да ты Олю Окатэтта, а ты Хадампи Яунгада? Я вас сразу не узнал... А нарты привезли?

На их лицах недоумение.

— Зачем ты спрашиваешь? Ты ведь сказал, где их поставить. Завтра кочуем один раз и придем к нартам, зачем же спрашивать?..

Я понял, что мой неуместный вопрос обидел их.

За чаем я спросил их, почему они к нам ни разу не приезжали. Они смутились. Олю Окатэтта сказал:

— Мы сначала поехали хребтом, но оказалось очень тяжело. Мы спустились по реке к морю и поехали по льду вдоль берега. Мы давно сюда приехали. Как теперь будет? Мы не сделали, как тебе сказали...

— Ну что же? — ответил я. — Сердца у меня нет, тебя ведь нужда заставила свернуть на другую дорогу.

Когда на другой день мы подъехали к увязанным нартам, он предложил мне подвигать на себя одну из них.

— Что скажешь? — спросил он.

— Сильно тяжело, — ответил я.

— Ты тогда ошибся — тяжело положил, и я ошибся, когда ее пробовал. Мне показалось легко. Я в этой нарте трех оленей задушил.

— Почему же ты не разложил ее на две нарты?

— Зачем так говоришь? Могу ли я твои узлы тронуть, ты ведь их своеручно завязал.

«Милый ты человек, — подумал я, — до чего беспредельно честен — своих оленей душил, а узлы своеручные развязать не посмел...»

— Я тебе из своего стада дам трех самых лучших оленей.

— Как так? Ведь такого уговора у нас не было.

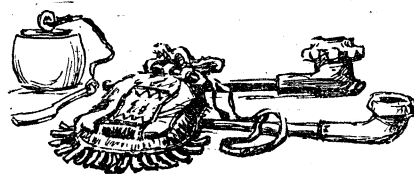
— А разве был уговор, чтобы ты своих оленей губил в моих нартах?

— Нет, такого уговора тоже не было...

— Ну вот. У тебя мало оленей, и ты страдать не должен. Если хочешь, я дам тебе вместо одного быка важенку для расплода.

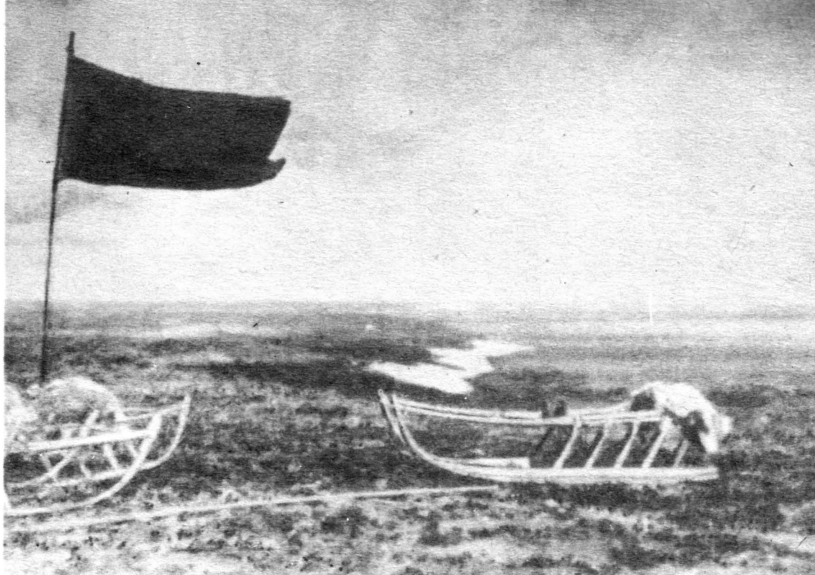
— Хорошо, хорошо! — радостно согласился он.

В дальнейшем мне во многих чумах напоминали об этом случае. По видимому, по своему обыкновению, наши новые друзья широко оповестили об этом ненцев.

**ФОТОГРАФИИ В. П. ЕВЛАДОВА
ВСЕГДА БЫЛИ НЕПРЕМЕННОЙ
ЧАСТЬЮ ЕГО ЭКСПЕДИЦИОН-
НЫХ ОТЧЕТОВ.**

**Красный флаг в 1928 году впервые реял
на северном конце Ямала, собирая нен-
цев к стану экспедиции.**

**Метров на 25 ненцы счита-
ют выстрел из лука в
шею гуся — верным.**

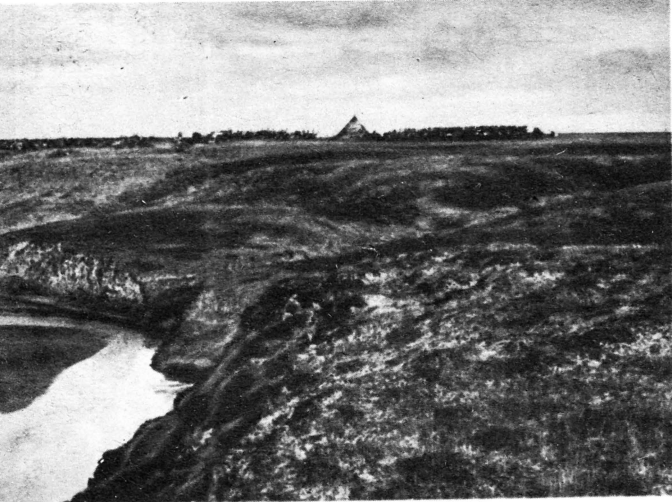

**Все предметы обихода украшаются
щедро, талантливо.**

**Ненцы — большие искусники в обработ-
ке дерева. Простейшими инструментами
создают столярные и резные «чудеса».**

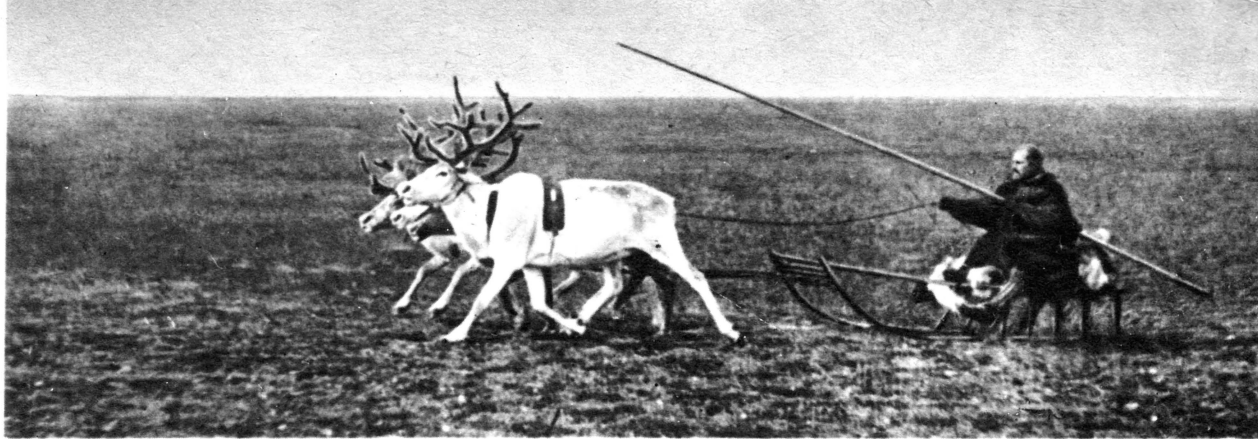
Север... Открытые сердца
он не замораживает. Он
замораживает. Навсегда...

Сборка чума — обычно дело женское,
но укрывание каркаса тяжелыми нюга-
ми, сшитыми из десятков оленьих
шкур, требует общих усилий.

Лакомый завтрак (ай-
барч) готов. Вынув ножи
из ножен, ненцы едят
сырое и теплое еще мясо,
обмакивая куски в кровь...

В нарту Нарьяна Юро (Красного Друга), в знак особого расположения, ненцы всегда запрягали белых оленей, по ним следующий чум издали узнавал, кто подвезжает...

Ручные оленята — авки, потерявшие в раннем возрасте матерей, воспитываются в чуме вместе с детьми и совершенно привыкают к ласковому и даже нежному отношению людей, к лакомствам и играм. Став взрослыми оленями, авки так и держатся у чума, со стадом на выпас не уходят.

Трогательный подарок обдорского художника Н. Пелецкого, влюбленного в красоту Севера.

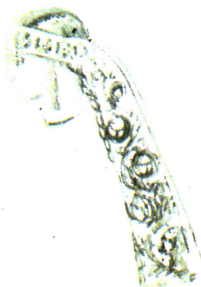

Исследуя необитаемый остров Белый, достигли мыса Седе-вангутте-сале — Двух песчаных нор мыс. Здесь, на промерзшем берегу Красного моря, соорудили из плавника топографический знак, вырезали памятную надпись...

Слайды и репродукции Петра Евладова

Старая Абдыка
Царский
Палатный

Б. М. Кустодиев
1913

Соловьев
Царский

Б. М. Кустодиев
1913

Рисовал Кустодиев

Творчество известного художника Б. М. Кустодиева оставило заметный след в истории русского и советского искусства. Это был талантливый живописец, портретист, театральный художник, книжный иллюстратор.

К театру Кустодиев обратился впервые в 1911 году, когда режиссер Ф. Ф. Комиссаржевский предложил ему сделать эскизы декораций и костюмов к комедии А. Н. Островского «Горячее сердце» для московского театра Незлобина. С большим желанием и радостью художник принялся за работу. С детства он, выросший в среде купеческой и духовной, был хорошо знаком с героями Островского. В его декорациях как бы ожил сам дух произведений драматурга.

Он оформлял и другие спектакли — по пьесам Островского, Гоголя, Щедрина, оперные спектакли. Одним из первых Кустодиев откликнулся на новую революционную тематику, оформив постановку пьесы А. Неверова «Бабы» (1921 год) и Л. Сейфуллиной «Виринея» (1926 год).

Публикуемые в «Уральском следопыте» эскизы костюмов были нарисованы Кустодиевым для оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста» в постановке Большого оперного театра Народного дома в Петрограде в 1920 году. Четыре эскиза декораций для этой постановки были экспонированы на посмертной выставке художника в Русском музее в Ленинграде в 1928 году.

Эскизы костюмов Собакина и девушки в царских палатах сделаны карандашом и акварелью на белой бумаге размером 205×270 миллиметров.

На рисунках: эскизы костюмов Б. М. Кустодиева к опере «Царская невеста». Публикуются впервые.

Наум ШВАРЦМАН
Фото В. Садовского

ШТРИХ ЗА ШТРИХОМ

**Георгий
ЗАЙЦЕВ**

ЭТО РАССКАЗ О ХУДОЖНИКАХ И ИХ СУДЬБАХ, О СТАРЫХ БУМАГАХ И ВЕТХИХ ДОМАХ, О ЗАБЫТЫХ И НЕИЗВЕСТНЫХ КАРТИНАХ, О ПОТОМКАХ ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ, О ФОТОГРАФИЯХ И УТЕРЯННЫХ МОГИЛАХ И О МНОГОМ ДРУГОМ, ЧТО ВСТРЕТИЛОСЬ НА ПУТИ ОДНОГО ПОИСКА АВТОРА...

О доме по улице Гастелло, 42 в Свердловске писали многие: именно в нем родился художник Алексей Иванович Корзухин (1835—1894). Были даже устные свидетельства старожилов, что там, в начале нашего века, еще проживал брат художника Александр и что все стены дома были увешаны картинами.

В 1939 году в газете «Уральский рабочий» была опубликована заметка:

ПОДАРОК ПИОНЕРА

Ученик Свердловской школы № 126 пионер Вася Гладких подарил картинной галерее четыре картины кисти А. И. Корзухина. Картины являются ранними произведениями художника. Это портреты отца, матери, брата и племянника художника. Они принадлежали умершей недавно племяннице А. И. Корзухина, а потом достались Васе Гладких.

...Дом был престарым: покосившиеся толстые бревенчатые стены, два маленьких подслеповатых оконца почти вровень с землей, отгороженный невысоким заборчиком дворик, полуразвалившееся крыльцо с крутой лесенкой... Казалось, и сейчас там сидят с коптящей лучиной и тянут однозвучно старые уральские песни.

В этом домике, согласно преданию, 11 марта 1835 года по ста-

рому стилю в семье горнозаводского мастерового Уктусского золотопромывального завода родился будущий известный художник, академик живописи Алексей Иванович Корзухин.

Описи Уктусского завода, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области, лишь констатировали: дом был. Местоположение его, однако, не указывалось. Но раз есть дом, в котором сейчас живут, то должен быть на него и паспорт в архиве отдела по делам архитектуры Свердловского горисполкома.

Вот тоненькая папочка с документами: «Владенный акт». Управитель Нижнеисетского завода Корнилов и письмоводитель Платонов своими подписями и заводской печатью удостоверили: «1872 года июля месяца 31 дня... уволенному от обязанностей службы мастеровому Александру Иванову Корзухину в том, что принадлежащая ему усадебная земля, находящаяся в Пермской губернии Екатеринбургского уезда в Уктусском селении, по Дорошинской улице, показанная на общем плане Уктусского селения под № 95... со всеми находящимися на ней строениями, ровно под огородом, садом и другими подобными угодьями поименованными ниже, отдается ему Корзухину...»

Такая запись была сделана на основании закона от 8 марта 1861 года и касалась населения казенных

А. К. Денисов-Уральский,
фотография 1911—1914 гг.

горных заводов. Следовательно, этот дом принадлежал семье Корзухиных до отмены крепостного права и именно в нем родился художник.

Почему же так долго составляли «Владенный акт» — целых одиннадцать лет?! Ответ на это есть. В этот год умер отец братьев Корзухиных — Иван Сергеевич. В 1871 году он снимался в фотографии Терехова в Екатеринбурге, и этот снимок хранится в альбоме наследников художника в Москве. А в 1872 году его не стало. Вот дом и перешел к старшему сыну Александру.

Из этого же дела узнаем, когда умер Александр — 21 января 1907 года. В этот день владение дома перешло к некоей Дарье Герасимовне Пикулевой, которая, вероятно, и была той самой племянницей, умершей в 1939 году и оставившей после себя четыре картины Корзухина. А Дорошинская улица, на которой стоял

дом, еще три раза сменила свое название: сначала на улицу Декабристов, потом на улицу Работниц. Лишь в годы войны ей присвоили имя летчика-героя Н. Ф. Гастелло.

В журнале «Отчизна» — литературно-художественном приложении к газете «Голос Родины» — в номере восьмом за 1975 год была помещена статья некоего И. М. Карпинского — «Найдено в частной коллекции». Автор статьи жил в Финляндии и, вспоминая о разных произведениях искусства, которые он видел в предвоенные годы в заграничных собраниях и частных коллекциях, наряду с Корзухиным упомянул и имя другого нашего земляка — Алексея Кузьмича Денисова-Уральского. А вскоре в «Уральском следопыте» (№ 4 за 1976 год) была опубликована статья С. Семеновича «Дарю Екатеринбург...» И вот узнаю: Игорь Михайлович Карпинский — потомок тех самых горных инженеров, из семьи которых вышел и первый советский президент Академии наук СССР, и бывший начальник Екатеринбургских горных заводов П. М. Карпинский, подписавший, кстати сказать, отпускное свидетельство горнозаводскому мастерскому Корзухину, и еще около трех десятков горных деятелей Урала. Поистине — мир тесен. Карпинский приложил и две фотографии с хранящихся у него портретов П. М. Карпинского и его жены, родителей академика А. П. Карпинского, и выразил мнение, что их написал... Корзухин.

И. М. Карпинский пишет о Денисове-Уральском: «...Мне удалось разыскать человека, который жил ранее в Усукирко и был там старостой в тамошней русской церкви в год смерти Денисова-Уральского. Он мне сказал, что художника Денисова-Уральского в Усукирке не хоронили». Все исследователи, однако, считают, что именно в этом поселке находится могила художника.

Далее И. М. Карпинский пишет: «Я узнал также, что последние годы жизни Денисов-Уральский страдал психическим заболеванием и находился на излечении в Выборгской психиатрической больнице и там и умер. Вернее всего, что в Выборге он и был захоронен. Ближе всего к больнице было расположено кладбище в

Растимяки. Вдова Денисова-Уральского умерла в русском убежище для престарелых в Борго, ее имущество унаследовала художница Немилова, которая тоже уже умерла».

Таковы были сведения, сообщенные Карпинским, позволившие внести некоторые уточнения в биографию Денисова-Уральского.

Среди наследства, полученного Немиловой, уточняет Карпинский, не было ни коллекций картин, ни камней.

В связи с этой историей всплыло имя художника Александра Петровича Блазнова. Он был учеником Корзухина.

Внучка Корзухина Гали Федоровна говорила, что ее дед заметил рисунок Блазнова в одной из петербургских парикмахерских, где тот был мальчиком на побегушках. Художник взял его к себе на обучение, и в 1883 году Блазнов поступил в Академию художеств, которую успешно окончил в 1893 году. В Свердловской картинной галерее хранится карандашный портрет Корзухина, нарисованный Блазновым.

Биография Блазнова неизвестна. Даже в Библиографическом словаре художников народов СССР вместо даты смерти стоит знак вопроса, а о нем самом написано всего десять строк.

И. М. Карпинский хорошо знал Блазнова, он учился у него рисованию с 1934 по 1938 год в Райволе и писал под его руководством этюды. У Блазнова, со слов того же Карпинского, было много работ Корзухина, и две из них он подарил в 1922 году брату Игоря Михайловича.

Карпинский также сообщает, что жена Блазнова — художница Мария Петц — была владелицей полутора десятка дач около Райвола, и, возможно, именно на одной из них и работал Корзухин в конце 1880-х годов, когда писал свои работы «Птичьи враги», «Петрушка идет!», «Надоел!».

В книжке «Руководство к обзору II-й выставки, устроенной А. К. Денисовым-Уральским, автором выставленных картин и скульптуры и собственником всех экспонатов», вышедшей шестым изданием в Петербурге в 1911 году, на третьей странице есть автограф художника: «Дорого-

Портрет полковника П. М. Карпинского.
Неизвестный художник.

Портрет М. Ф. Карпинской.
Неизвестный художник.

му Товарищу Константину Иосифовичу Аникину от автора А. К. Денисова-Уральского. 1911.3.IV. СПб».

Кто этот Аникин? Установить это помог Историко-статистический справочник по г. Екатеринбург, изданный в 1889 году И. И. Симоновым. На странице 646, под рубрикой «Живописцы и иконописцы», за номером 1 числится «Аникин Осип Прохорович, мещанин, Обсерваторская, 96». Это — отец того самого Аникина, которому подарена книга. Дома Денисовых и Аникиных стояли почти рядом. Сын Денисова и сын Аникина, очевидно, дружили, иначе не было бы надписи «Дорогому Товарищу...»

И еще один сюрприз: свердловский геолог И. Л. Лучинин заявил: «А я — родня Денисова-Уральского. Моя бабушка по отцу, Валентина

Кузьмовна Лучинина, была родной сестрой художника». И предъявил две фотографии, которые никогда не публиковались ранее. На одной из них, сделанной в ателье Ю. Штейнберга («На Невском проспекте возле Пассажа на углу Садовой, № 50»), художник запечатлен с той же самой пышной шевелюрой, что на снимке, приведенном в книге С. Семеновской. Очевидно, это конец 80-х или самое начало 90-х годов, когда художник был еще полон сил и надежд. На обороте есть надпись: «На память от Алеши. В. К. Д.». Это инициалы сестры художника — Валентины Кузьмовны Денисовой. Вторая фотография относится уже к 1911—1914 годам («Фото М. С. Иоффе. С. Петербург, Невский, 29»). На обороте тоже была надпись, сделанная рукой Денисова-Уральского, но,

к сожалению, она была тщательно по каким-то причинам уничтожена. От трех строчек текста осталось лишь одно «III», что, очевидно, должно было означать «март» в дате подписи.

Никаких других документов, кроме семейных преданий о детских рисунках художника да охотничьих похождениях, в семье Лучининых не сохранилось...

И ПЛАНШИ

Васильки

Хотите, подарю вам васильки,
Цветы родных полей, цветы Рязани,
Где речи величавы, как сказанья,
Добры улыбки, думы глубоки?
Хотите, подарю вам теплый дым
Забывших деревень? Прошу — берите...
В тревожный век космических отплывий
Все пристальней на землю мы глядим.
Я песней уведу вас в шум лесов,
В долины детства, в городок над Цною...
Как дышит прохладною речною!
Как весел сад от птичьих голосов!
Я в песне подарю вам — просто так,
Как мне земля родимая, без платы,
В огне заката розовый большак
И дворик, где творог клюют цыплята.
Там дружит с кошкой иволга хромая,
Птенец спасенный в теплой вате спит.
Мне не вернуться к тем веснянкам мая,
Где скворушка над детством ворожит.
Берите мои радуги и выси!
Там до сих пор летят в закат стрижи,
И дождики блестят, как мелкий бисер,
И васильки качаются во ржи...

Борис КАРПЕНКО

Судьба

И горел — да не сгорел.
И тонул — да вынырнул.
А ввели наркоз — сомлел.
Три осколка вынули.
Доктор вымолвил: — Судьба!
Знать, рожден в сорочке.
Повезло, что мимо лба,
а иначе — точка.
И сестра сказала мне:
— Видно, в самом деле
ты умрешь не на войне,
а в своей постели.
С той поры прошли года.
Вот живу, не охаю.
Вспоминаю иногда
сестричку синеокою.
Где придется, там и сплю —
на траве, на сене,
и в кровати спать люблю,

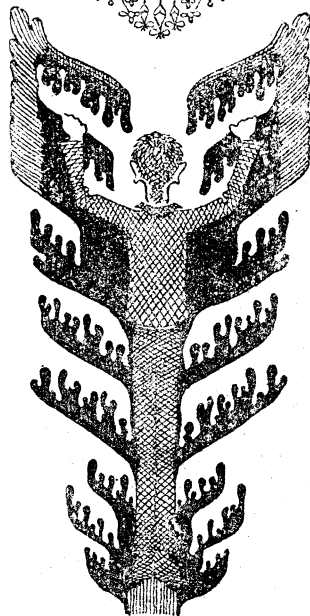
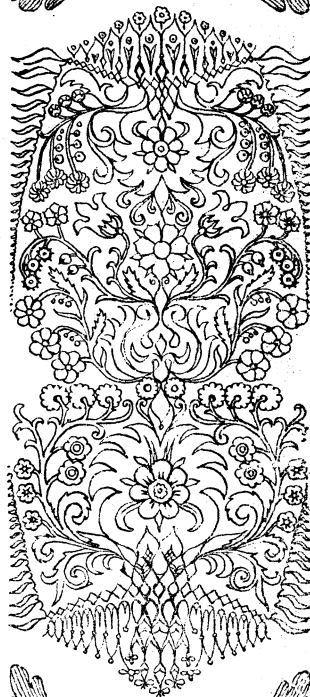
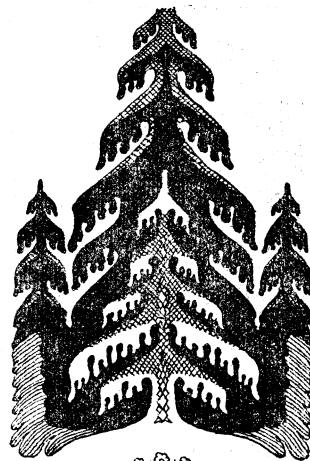
но порой весенней
мне приятней у вербы,
там, где наша баня...
Все подальше от избы,
и от предсказанья!

Поляна

Среди сосен и елей игольчатых,
что макушками держат закат,
колокольцы лесных колокольчиков
на поляне в глуши не звенят.
Ветра нет — не шелохнутся травы.
Все здесь замерло в сказочном сне —
от застенчивой желтой купавы
до зырянки на старой сосне.
Лишь в цветах, в красоте ботаники,
свой рабочий блюдя престиж,
бьют кузнечики в наковаленку,
и дробят молоточками тишь.
И подумать мне здесь не странно:
вот раздвинется синий зенит,
и ковром-самолетом поляна
с места стронется... и улетит.

Майка

Сократов Вася, коновозчик,
в воде по пояс,
в пене мылкой,
попону конскую полощет
для Майки, рыженькой кобылки.
Попону так и этак вертит
и, как гармонь, ее сжимает.
А Майка рядом, в лазарете,
губой овес перебирает.
Здесь Вася днюет и ночует,
покуда Майка бюллетенит.
И ночью ржет она, почуяв
его, сонливого, на сене.
Он вечерами, на закате,
в июле жарком и росистом,
еще в спецовочном халате,
включает ВЭФовский транзистор.
И Майка слушает напевы,
прядет ушами — ловит звук.
Ей снятся клевера посева
и травяной, в ромашках, луг.
Ей снова хочется к остожьям,
туда, где льется красный вечер...
Ах, эта музыка, быть может,
она и вправду Майку лечит.

**Владислав
КРАПИВИН**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО

Прощайте, бастионы

Дуг упал, успев сказать:

— Отойдите от края... Улетайте в долину...

Из дырки под его левой лопаткой выплеснулась коротким фонтанчиком кровь. Растеклась по спине (а спина стала почти белой, и на ней резко выступили веснушки). Дуг вытянул вперед руку и больше не шевелился.

Громко закричала Стрелка. И тогда я очнулся. Толчком швырнул от края площадки Галя.

Скончание. Начало см. в № 1, 2.

А Юлька в ту же секунду повалил на землю Точку. И вовремя — там, где она только что стояла, громкий щелчок выбил из парапета столбик пыли.

— Нагнитесь! — заорал я. — Все на середину!

Они же ничего не понимали, они не знали, что такое пули. А мы с Юлькой знали. Из кино, из книжек, но все-таки знали.

Галь первый сообразил, в чем дело.

— От края! — тоже закричал он. — Отойдите к большой пушке!

Его послушались.

Галь, Тун, Юлька и я, пригибаясь, оттащили к мортире Дуга. Мы с трудом тянули его за руки. Ноги Дуга скребли по жидкой траве и щебню.

Соти закрыла рану Дуга мокрой тряпицей, и мы перевернули его на спину. Глаза его были открыты и неподвижны. И весь он был до ужаса неподвижен. Только волосы шевелились под ветерком, и от этого становилось еще страшнее. Я тогда впервые подумал, что волосы у мертвых шевелятся так же, как и у живых, будто не хотят согласиться со смертью и живут сами по себе...

Галь опустился на колени рядом с Дугом, долго смотрел ему в лицо. Потом оглянулся на Туна и тихо сказал:

— Уведите маленьких в казарму...

Когда я вспоминаю остров Двид, мне кажется,

что этот день был самый тяжелый. Самый-самый горький...

Галь, Тун, Шип и я стали думать, как похоронить Дуга. Нечем было вырыть могилу в каменистом грунте. Для такой работы годился лишь мой кинжал: он втыкался в камни, как в пластилин. Однако разве выроешь глубокую яму маленьким клинком...

Мы отнесли Дуга в глубокий подвал под квадратной башней и положили в нишу, где раньше хранились всякие припасы. Положили на подстилку из жесткой сухой травы. Укрыли рваной курткой, сшитой из мешковины. Стали складывать перед нишей стенку из камней. Камни сверху подавали все ребята. По цепочке. Сначала никто не плакал. Но потом наверху, у входа в подвал, громко зарыдал Винтик. Тогда слезы вырвались у всех, даже Галь не выдержал.

Особенно убивался Юлька. Он выронил камень, съехался в дальнем углу, и там его, как вчера, опять колотило от плача. Его никто не трогал и не успокаивал.

Мы плакали и укладывали камни. Ряд за рядом, слой за слоем. И Дуг становился все дальше от нас, превращался из человека в воспоминание...

Галь, кажется, первый понял до конца, что мы теперь одни. Он выпрямился, вытер локтем глаза и громко сказал:

— Хватит! Пошли наверх!

Он стал командиром.

Наверху Галь собрал всех у мортиры, перелотнул и решительно заговорил:

— Никто не подходит к обрывам — подстрелят... Соти, Стрелка, Точка, идите в башню и готовьте завтрак. Шип и Уголек, зажгите костер. Остальные — умывайтесь. Только воду берегите... Малыш, иди сюда!

Юлька, вздрагивая, подошел.

— Спасибо тебе, Малыш, — сказал Галь.

Юлька поднял мокрые глаза.

— Почему... спасибо?

— За Точку. Если бы не ты, ее бы тоже застрелили.

Юлька удивленно посмотрел на меня. Он, видимо, не помнил, как сбил Точку на землю.

Галь спросил меня:

— Птица сможет унести нас в Синюю долину?

— Сможет, если по очереди... Только надо лететь в темноте, а то обстреляют.

Галь кивнул, а не хуже меня понимал опасность. Птица в полете была почти невидима, но те, кто полетят с ней, — будут как мишени.

Беззащитные мишени для тяжелых дальнобойных пуль.

«У нас давно нет огнестрельного оружия», — вспомнил я слова Тахомира Тихо. Гады! Когда перепугались и решили воевать с мальчишками, все отыскали: и пули, и порох, и ружья...

— Ночью тоже светло. Луна... — вздохнул Галь.

— Ну, все-таки не день. И, может быть, ночью стражники дрыхнут и не караулят...

Мы договорились, что будем улетать по двое. Галь хотел покинуть бастионы последним, но я ему доказал, что он должен лететь в первой паре: чтобы там, в долине, отыскать место для жилища и встретить ребят. А мы с Юлькой отправим всех и прилетим сами.

День тянулся бесконечно и тяжело. Галь все время старался найти для каждого работу. Иначе было нельзя: стоило остаться без дела, и сразу наваливались мысли о Дуге. Маленькие начинали плакать... Но отыскать занятие для всех оказалось очень трудно.

Собирать пожитки в дорогу? Но у нас почти не было вещей.

Устроить стирку и мытье? Не хватало воды.

Наконец тех, кто постарше, Галь отправил чистить котелки, а остальных усадил в казарме и заставил решать задачи на сложение и вычитание. Решать — и никаких разговоров. Дуг всегда говорил, что заниматься цифрами и чтением надо каждый день...

Вечер был сумрачный. Небо затянуло дымкой и появились редкие тучки. Когда стемнело, мы увидели, что луна протупает неярким

размытым пятном. Что ж, чем темнее, тем лучше.

Я вызвал Птицу. Она прилетела, как всегда, через четверть часа после свистка. С шумом опустилась, подошла и положила мне голову на плечо.

Милая, милая Птица! Я ей так обрадовался! Я погладил ее шелковую шею, шептал ей хорошие слова. А она слушала и ласково пощелкивала клювом.

— Птица, увези нас в Синюю долину, — сказал я. — У нас большая беда. Если останемся здесь, то все погибнем. Нам обязательно надо в Синюю долину. Понимаешь, Птица?

Она понимала. Она села на брус, и мы привязали качели. Галь взял с собой Соти. Она очень боялась, и он примотал ее к сиденью веревкой.

Я сказал:

— Держитесь, ребята... Лети, Птица.

Она шумно снялась с бруса и сразу растаяла. Мы увидели, как темные скорченные фигурки быстро уходят в высоту. Да, их было все-таки видно! И мы со страхом ждали выстрелов. Но стояла глухая тишина. Видимо, часовые ничего не заметили. Может быть, в самом деле дрыхли. Или ушли совсем...

Птица вернулась к середине ночи. К ноге ее было привязано ожерелье Соти. Это означало, что все в порядке.

Улетели Шип, Стрелка и Точка. Девочки были такие легкие, что мы подумали: Птица поднимет и троих. И она подняла...

Второй раз Птица прилетела перед рассветом, когда мы все клевали носами у полупогасшего костерка. На ее ноге была красная ленточка Стрелки. Я сказал:

— Спасибо, Птица. Теперь спеши домой, а вечером прилетай снова...

Почти весь день мы спали, потому что прошлая ночь была бессонная: тревожились за тех, кто улетел, ждали Птицу...

Когда пришли сумерки, отправились в полет Уголек и Винтик, за ними Тун и Лук. И к утру мы с Юлькой остались на бастионах одни. Мы да еще Дуг, лежавший глубоко в подвале, за глухой каменной стеной.

Как обычно, мы легли спать в мортире. Я уснул моментально, но и проснулся в середине дня. Юльки рядом не оказалось. Я испугался. Выпрыгнул на площадку, стал озираться. Солнце заливало бастионы. Звенела тишина. Травинки не шевелились. Было пустынно и одиноко до ужаса.

— Юлька, — негромко позвал я.

Он не отозвался.

Кричать, громко звать было почему-то очень страшно. Я молча стал искать Юльку.

...Он стоял в подвале у каменной стенки, которую мы сложили вчера. Прижимался к ней лбом.

— Юлька...

Тогда он оглянулся. Посмотрел на меня сухими глазами. И эти глаза без капельки слез показались мне страшнее, чем самый громкий Юлькин плач.

Юлька проговорил ровным голосом:

— Я все думаю: он погиб из-за меня?

Я понял, что эта вина будет выше Юлькиных сил.

— Да нет,— сказал я как можно спокойнее.— Слуги Ящера караулили нас давно. Вот ты и попался в конце концов... А караулили они крепость из-за меня, знали, что я улечу сюда. После той свалки на площади они боялись бунта, вот и решили всех нас перебить на всякий случай. Ты здесь ни при чем.

У него в глазах появилась надежда. Он, кажется, поверил. Да и сам я почти поверил тому, что сказал. Потому что скорее всего так и было.

...Мы вышли в солнечную тишину. Эта тишина просто наваливалась на нас тяжелыми глыбами. Все было знакомо: желтые стены бастионов, уснувшие пушки, трава, камни. И дальние дали вокруг. Но сейчас меня зажимал непонятный страх. Никогда я не думал, что солнечный день может быть жутким, как ночь на кладбище. Тишина просто разрывала уши своим звоном.

Юльке, видимо, тоже было плохо. Он вцепился двумя руками в мой локоть.

— Юлька,— прошептал я.— Может, рискнем? Если даже обстреляют, может, не попадут. Трудно попасть на лету...

Юлька торопливо кивнул.

Я дунул в ключ.

Сразу стало спокойнее. Тишина разбилась, где-то ожил, завел трескотню кузнечик. Мы встряхнулись, аккуратно собрали остатки имущества: два котелка и узелок с чьей-то забытой одеждой. Потом нарвали в тени за квадратной башней мелких здешних цветов — желтых и синих — и унесли в подвал Дугу...

Прилетела Птица, ласково посмотрела на нас, пощелкала: «Здравствуйте...»

Я вдруг подумал: «Какое счастье, что Птица есть на свете!»

Счастье, что я ее встретил тогда в лесу.

Счастье, что она такая добрая и умная.

Сколько раз она спасала меня и моих друзей! А мы? Как могли мы ее отблагодарить?

Но Птица не требовала благодарности. Она терпеливо ждала, когда мы привяжем качели и устроимся на доске.

Мы сели.

— Лети, Птица! — сказал я.— Сразу лети выше, чтобы в нас не попали пули!

Она рванулась. Мы вцепились в веревки.

Воздух обнял нас упругими потоками, откатнул назад, зашумел в ушах. В этом шуме нельзя было услышать ни выстрелов, ни свиста пуль. Поэтому не знаю, стреляли в нас или нет.

Я посмотрел вниз. Бастионы были уже дале-

ко и делались все меньше. Становились похожими на песочную крепость, которую когда-то я строил для пластмассовых солдатиков.

Юго-западный ветер

Мы прилетели в Синюю долину под вечер.

Ух как обрадовались нам ребята! Они обнимали меня и Юльку, будто мы не виделись тыщу лет. И Юлька оттаял. Конечно, он по-прежнему ходил невеселый, но от ребят не прятался и несколько раз даже улыбнулся.

...Горе немного отступило, отодвинулось. Оно было еще близким, но не давило нас, как в первый день. Дуг остался далеко-далеко, в скале под бастионами, Юлькиной беде тоже нельзя было помочь, а время шло, и приходилось думать, как жить дальше.

Мы поселились в доме лесника, недалеко от брошенной деревни. Дом был большой и крепкий еще, только крыша немного прохудилась. Мы заделали ее старыми досками, оторванными от забора.

Говорят, раньше люди жили в долине спокойно. Ядовитый туман стал появляться лет сто назад, после землетрясения, и тогда жители поспешно ушли в другие места. В домах осталось немного утвари.

В доме лесника сохранилась посуда, мебель и каменный очаг. В сумерки мы поужинали, уложили малышей, а сами сели у очага. Потрескивал огонь, булькал котелок с грибной похлебкой на завтра. Малыши посапывали на плетеных лежанках. Соти постукивала деревянной ложкой в глиняном кувшинчике — готовила какое-то снадобье. Было спокойно и уютно. И все-таки очень грустно.

Юлька сидел на полу у края очага и прижимался щекой к закопченному камню. От огня у него золотились ресницы...

Осторожно подошли Винтик и Уголек. Винтик присел в ногах у Галя, и тот ласково запустил в его растрепанные волосы пятерню. Так же, как недавно это делал Дуг. Уголек притерся боком ко мне.

И все молчали, молчали. Огонь догорал, искорки на Юлькиных ресницах погасли. Галь сказал наконец Винтику и Угольку:

— Шли бы спать. А то завтра не встанете и не увидите туман...

Они поднялись и, непривычно послушные, тихие, пошли к лежанкам. А остальные сидели, хотя тоже собирались проснуться на заре, чтобы посмотреть на появление синего тумана.

Говорили, что это очень красиво. Когда над кромкой скал восходит солнце, среди росистой травы и у расщелин камней как бы вспыхивают

язычки синего пламени и появляются голубые дымки. Они крутятся, колеблются, делаются похожими на разных зверей и человечков. А когда солнце встанет повыше, таинственный этот туман растекается в воздухе и тает...

Да, наверно, это красиво. Пока... А потом? Что будут делать ребята через несколько лет, когда воздух Синей долины станет для них смертельным?

Я не выдержал и шепотом спросил об этом Галя.

Он как будто ждал вопроса, не удивился.

— Мы не будем ждать, когда вырастем,— жестко сказал он.— Мы только подрастем. Пускай малыши наберутся сил...

— А потом?

— На острове не одна крепость. В других тоже сохранились пушки. Есть, наверно, и порох.

Юлька нервно шевельнулся, посмотрел на Галя, потом на меня...

— А если не найдем порох, все равно...— добавил Галь.— Вы научили нас делать луки...

— Стрелы против пуль?— еле слышно спросил Юлька.

— Ничего,— сказал Галь.

А Шип с усмешкой заметил:

— Смотри какие стрелы. Соти придумает, чем помазать наконечники...

Утром никто не увидел тумана. Среди ночи пришел в долину ровный плотный ветер. Гнул верхушки деревьев, прижимал траву и слизывал туман, едва он выступал из-под земли.

А небо оставалось ясным, и над Синей долиной занимался чистый рассвет.

Потоки воздуха разлохматили нам волосы, когда мы вышли на прогнившее крыльцо.

Галь печально сказал:

— Ну вот, начался он, юго-западный ветер. Пора вам, Женька, домой.

«Домой!» У меня будто все нервы рванулись в дальнюю даль, к горизонту. Неужели пришло время для такого счастья?

И сразу же стало не по себе: а как же ребята?

Юлька стоял рядом и смотрел в землю. У него было очень странное лицо—бледное, с красными пятнами. Он царапал доски крыльца рваным своим башмаком. Так царапал, что отлетали гнилые щепочки...

— А как же вы...— пробормотал я, не решаясь взглянуть на Галя.

Он сказал:

— Ну что мы... Это наш остров. А у вас есть своя земля.

Юлька резко вскинул голову, а мне обожгло щеки.

— Ты что...— проговорил я.— Ты думаешь, что если мы... если не отсюда, то нам все равно? Мы же столько вместе...

Галь стоял передо мной прямой, строгий, тонкий, и ветер трепал у него за плечами остатки синей куртки. Я решил, что сейчас он скажет: «Конечно, мы были вместе, но лучше бы вас не было...» Но он покраснел, как-то обмяк и виновато заговорил:

— Разве не понимаешь? Вам же в сто раз опаснее, чем нам. Если мы попадемся, нас запишут в приют, вот и все. А вас главный суд острова приговорил к смерти.

— Как же мы попадемся? Сам говорил, что слуги Ящера сюда не сунутся.

— Кто их знает... Вдруг придумают маски от газа?

Ничего себе, успокоил! Я спросил с тревогой:

— А почему ты думаешь, что вам ничего не сделают, если поймают?

— Не посмеют. Закон не позволяет убивать детей, которые родились на острове.

— Дуга убили...

— Он был уже большой.

— В Точку стреляли.

— Ну... это, наверно, случайно...

Я вздохнул и отвернулся. Галь не успокоил меня. Да, по-моему, и сам не верил тому, что сказал.

— Надо лететь, Жень...— опять проговорил Галь.— Вас дома ждут.

И снова я весь как бы рванулся к дому. И опять остановила тоска: неужели расстанемся навсегда?

Хотя, если по правде говорить, кому мы здесь нужны? Зачем?

— Ладно,— горько сказал я.— Полетим. Здесь от нас какой прок? Одни несчастья...

Галь укоризненно мотнул головой:

— Зачем ты так? Вы рассказали нам про порох... Без вас мы бы всю жизнь просидели на той скале.

— А Дуг...

Галь сжал губы, помолчал и сказал очень тихо:

— Ну что ж... Раз это война...

Прощались мы недолго. Когда Птица опустилась на перекладину покосившихся ворот, мы встали тесным кружком и замолчали.

Потом Юлька прошептал:

— Ребята, вы простите меня...

— Не надо про это, Малыш,— сказал Галь.— Ты наш друг...

...Пока мы видели ребят с высоты, они все махали, махали нам. Но скоро их скрыли деревья. В горле у меня словно сидел занозистый кубик, я старался его проглотить. А потом опять подумал: «Домой летим!». И стало легче. Я посмотрел на Юльку. Он виновато улыбнулся мне. На губах у него еще не совсем зажили порезы...

До дома еще далеко...

Я думал, что Птица сразу полетит на северо-восток, и мы скоро окажемся над морем. Но Птица повернула к западу и вдруг начала опускаться.

Внизу был темно-зеленый лес и яркие проплешины лужаек. Мы приземлились на краю большой поляны, где росли кусты с желтыми цветами.

— Ты что, Птица? — начал я. — Нам надо домой! Понимаешь, Птица? До-мой...

И вдруг я узнал место! Это была та поляна, где я впервые встретил Птицу. Вот и дерево с темной грудой гнезда. И голова птенца торчит над хворостом. Он подрос, птичий малыш, голова стала крупнее и клюв крепче.

— Юлька, не бойся, — заговорил я. — Это дом нашей Птицы. Она залетела, чтобы покормить птенца. Ведь она улетает надолго, а он один остается...

Птица затрещала клювом и закивала, словно хотела сказать: «Правильно. Вы не волнуйтесь, я долго не задержусь...»

Я отвязал от птичьих ног сиденье. Птица тут же поднялась и улетела. Юлька посмотрел ей вслед с большой тревогой. Он, видимо, боялся: вдруг она не захочет унести нас домой? Но я был уверен в птице и ни капельки не волновался.

— Давай полежим, — сказал я Юльке.

Мы легли в траву и стали смотреть на редкие желтые облака. Они быстро бежали под юго-западным ветром.

— Кто-то идет, — неожиданно проговорил Юлька. Нервы у него все время были как струнки.

Я прислушался. В самом деле, кто-то неторопливо шел среди деревьев. Юлька затравленно глянул на меня. Я кивнул ему: «Давай за мной», и мы, не поднимаясь из травы, уползли за деревья. Залегли.

Шаги опять приблизились. Тогда мы, пригибаясь, побежали в глубину леса. Я боялся не только за себя и Юльку. Не хотелось мне, чтобы кто-нибудь увидел гнездо Птицы.

Высокая трава, заросли и лианы мешали нам, а тот человек шагал, будто по ровной дороге, и все приближался. И наконец мы услышали голос:

— Не убегайте и не бойтесь. Я никому не причиняю зла.

Я узнал этот голос. И остановился. Выпрямился. Взял в ладонь рукоятку кинжала.

— Юлька, это Отшельник.

Отшельник подошел — спокойный, неторопливый, в своем сером балахоне, подпоясанном травяной веревкой.

— Мир вам в этом лесу...

— В лесу, конечно, мир... — насмешливо сказал я.

Он узнал меня, но не удивился. И ничего не изменилось в его бледно-голубых глазах.

— Ты жив, — проговорил он. — Это хорошо. У тебя счастливая судьба.

— Жив, — откликнулся я. — А как вы живете, Отшельник? Нашли Главную и Вечную Истину? Он качнул головой:

— Не нашел. И, наверно, не найду, жизнь коротка. Я теперь думаю иногда о других вещах...

— О каких? О совести? Вы знаете, что такое совесть, Отшельник? — проговорил я, сдерживая злость.

Он вопросительно смотрел на меня и, кажется, немного забеспокоился.

— Совесть — это такое чувство, — объяснил я. — Ну, например, если ты приютил в своем доме человека, а потом выдал его врагам, от этого делается плохо. Не спится. Мысли разные... Не было с вами такого?

Он посмотрел себе под ноги, глянул на Юльку, потеревил травяной жгут на поясе. После этого опять поднял на меня водянистые глаза.

— Ты напрасно осуждаешь меня. Совесть неспокойна у тех, кто творит зло. А я не делаю ни зла, ни добра. Пусть люди живут, как хотят, я им не мешаю.

— Не мешаешь?! — взорвался я. — А зачем показал не ту дорогу?!

Он вздохнул:

— Как же не ту? Другой дороги не было.

— Была! Назад, в обход города, к бастионам!

— Но зачем идти назад, если шел вперед? Нельзя убежать от судьбы. Это нарушит законный ход событий. А когда нарушается этот ход, найти Истину еще труднее...

— Врешь ты все, — сказал я. — Ты просто боялся, что придут слуги Ящера и возьмут за шиворот: «Почему не выдал беглеца?».

Он кивнул:

— Да, ты прав. Это помешало бы мне искать Истину. А Главная и Вечная Истина гораздо важнее жизни одного человека.

«Вот скотина», — подумал я и сказал:

— Уходи. Ты предатель.

— Ну и что? — возразил Отшельник. — Еще неизвестно, плохо это или хорошо. Рядом с тобой стоит твой друг, он тоже предатель, но ты не гонишь его...

Я плечом ощутил, как Юлька покачнулся. Будто в него камнем попали. И я заорал на Отшельника:

— Сравнил! Ты!.. Тебя бы в такое дело пихнуть! Молчи лучше! Уходи! И попробуй еще раз выдать нас!

Отшельник слегка откачнулся, но лицо его не изменилось.

— Я не собираюсь вас выдавать. Да вы и не спрашиваете дороги, сами идете... Прощайте...

Он обошел нас и стал уходить, не оглядываясь. Трава и заросли будто сами расступались перед ним.

Меня опять взяли злость и обида.

— Не найдешь ты истину, Отшельник! — громко сказал я ему в спину. Он не оглянулся. Тогда я крикнул: — А хочешь, я тебе ее скажу?! Хочешь?

Отшельник остановился. Обернулся.

— Надо быть человеком — вот и вся Истина, — сказал я. — Понимаешь? Че-ло-ве-ком! А ты червяк! Сидишь в своей норе, и на всех тебе наплевать... Ну и сиди, пока не сдохнешь!

Я взял Юльку за руку. И мы пошли. Долго шли, потому что успели убежать далеко, когда перепугались шагов.

У дерева с гнездом нас дожидалась Птица.

Мы мчались в потоке теплого зюйд-веста, но не замечали его: Птица летела быстрее ветра. Встречный воздух трепал наши волосы и упруго отталкивал нас вместе с доской и веревками. Мы сидели как на качелях, которые сделали взмах назад и не могут опуститься.

Лес кончился, и внизу распахнулось пространство ярко-синей воды. Но это еще не было открытое море — вдали виднелся высокий берег. Птица несла нас над заливом.

Волны с белыми барашками с высоты казались неподвижными. Среди этих замерзших волн я увидел черную лодку и разглядел в ней двух человек. Один греб, а другой сидел на носу и держал не то палку, не то короткое весло.

Сквозь шум встречного воздуха я услышал Юлькин вскрик:

— Женя, берегись!

Чего беречься? Я не понял. А человек на носу лодки поднял палку, и над ней появился маленький белый дым. Ах вот что! Вы нас повсюду ищите. Объявили тревогу по всему острову. Напрасно стараетесь, голубчики! Разве можно прицелиться с прыгающей лодки по стремительной птице? Вот мы и пронеслись, а вы болтаетесь там среди волн.

Над лодкой опять вспыхнул дымок. Что-то сильно щелкнуло по доске. Между Юлькой и мной в дереве появилось круглое отверстие, края у него ошетинились щепками. Я невольно поджал ноги, будто это могло спасти от пуль. Посмотрел на Юльку. У него глаза были громадные от страха (да и у меня, наверно, такие же). Мы разом оглянулись на лодку. Но она уже скрылась за гребнями.

— Пронесло, — сказал я. Юлька облегченно улыбнулся и кивнул.

В это время большая теплая капля ударила меня по колену. Я вздрогнул: на колене будто раздавили красную ягоду. Еще одна капля шлепнулась на доску рядом с пробоиной.

— Они ранили Птицу! — отчаянно крикнул Юлька.

Я поднял глаза. На голубых блестящих перьях я заметил черную точку. С нее срывались и летели в нас тяжелые шарики крови.

Нас тряхнуло. Мчались мы с прежней скоростью, но полет стал неровным. Раньше крылья Птицы были распластаны почти неподвижно, а теперь она беспорядочно взмахивала ими, стараясь удержать высоту. Но высота быстро уменьшалась.

— Она упадет! — громко сказал Юлька.

Я умоляюще зашептал:

— Птица, миленькая, лети. Лети до берега...

Птица летела. Ее длинная шея стала прямой, как копье, нацеленное на ближайший мыс. Земля была уже недалеко. Но волны были гораздо ближе. Я видел белые гребешки как с высоты третьего этажа...

— Она не дотянет! — крикнул Юлька.

— Может, дотянет! — откликнулся я. А что еще я мог ответить?

— Она не донесет двоих! — опять крикнул Юлька. — Я прыгну!

Я увидел его решительные, совсем незнакомые глаза.

— Не смей, Юлька!

— Я хорошо плаваю!

До берега было метров триста.

— Юлька, не надо!

Но он оттолкнулся от доски и ухнул вниз. Ну, не мог же я его оставить...

Мне даже не удалось испугаться. Доска, с которой я неловко соскользнул, ударила меня по затылку, и я пришел в себя среди теплой соленой воды. Вынырнул. Шипучий гребень сразу накрыл меня, но я вынырнул опять и стал искать глазами Юльку. Сначала кругом были только синие склоны волн и пена. Потом волна подняла меня, на соседнем гребне я увидел Юлькину голову. Юлька махнул рукой к берегу: плыви!

Мы поплыли, постепенно сближаясь. Гребни иногда накрывали нас, но плыть было нетрудно. Волны сами несли нас к земле. Наконец, я коснулся ногами дна и через полминуты прибой выкатил меня и Юльку на гладкий белый пляж.

Птица, прямая и спокойная, стояла на песке и ждала нас.

Я обрадовался! Я сразу подумал, что рана у Птицы, наверно, неопасная, просто царапина, мы подлечим ее немного, и все будет хорошо.

Но когда мы выскочили на сухой песок, ноги у Птицы подломились, и она упала. Голова ее откинулась к самой воде. На тяжелый клюв, на глаза набежала длинная плоская волна.

Мы не могли просто так оставить Птицу. Стали рыть яму. Юлька подобрал какую-то щепку, а я рыл кинжалом — он, к счастью, не потерялся.

Последний раз я погладил на шее у Птицы шелковые перышки, и потом песок этого проклятого острова закрыл ее.

Мы с Юлькой не плакали. Нисколько. Наверно, слишком много слез мы потратили раньше. Теперь во мне была горькая сухая злость. И упрямство.

Синяя долина осталась за лесами, за широким заливом, пути в нее мы не знали. Да и какой смысл был возвращаться? Мы решили пробираться через лес к северо-восточному берегу острова. Там найдем лодку или свяжем плот...

Мы заметили направление по солнцу и углубились в чащу.

Сначала шли по ровной земле. Потом начался подъем. И вдруг мы уперлись в каменный обрыв. Это была серая скалистая стена высотой метров двести. Вверху ее раскалывали длинные трещины, там громоздились уступы и росли ползучие кусты. Но у земли тянулся сплошной отвесный гранит, и не было ни подъема, ни прохода.

Мы стали пробираться вдоль обрыва, чтобы найти хоть какую-то щель. Мы измучились, исцарапались о высокий шиповник, хотели пить и есть. Но все же мы отыскивали проход. И это была не трещина, не тропинка на скалистых уступах. Это была лестница!

Очень прямая, очень длинная, она прорезала каменную толщу и уходила в высоту между отвесных скал. Она была очень белая среди темных плоскостей гранита.

Мы подошли и увидели, что лестницу не просто вырубали в скале. Ее ступени сложили из чистого, как сахар, мрамора. Края их были украшены резьбой.

Мы переглянулись: откуда здесь, в глуши, лестница, которая годилась бы для дворца? Вернее, для сотни дворцов, если взять всю ее длину...

Юлька опустился на ступень коленками и провёл по ней ладошкой. Я тоже. Мрамор был гладкий и очень холодный. Юлька поднялся, вытер локтем исцарапанный в шиповнике лоб.

— А я знаю,— сказал он серьезно и уверенно.— Я догадался. Это подъем на Плато.

Игла Кашея

Казалось бы, к чему нам Плато? Нам нужен был берег, от которого можно уплыть под юго-западным ветром. Но мы собрали силы и стали подниматься. Во-первых, другой дороги все равно не было. А во-вторых... может быть, лестница оказалась на нашем пути не зря? Вдруг она приведет нас к какой-нибудь неожиданной удаче?

По крайней мере, так я думал сначала. А по-

том я уже ни о чем не думал. Ровный подъем по лестнице оказался еще тяжелее, чем путь по камням и зарослям. Я машинально считал ступени и нисколько не надеялся, что дойду до верха. Двигал ногами только потому, что стыдно было перед Юлькой.

Юлька сейчас держался крепче и уверенней, чем я. Он словно решил для себя что-то важное и знал, зачем идет. Шагал чуть впереди и почти не оглядывался.

Стены с двух сторон лестницы уходили в высоту. Далеко-далеко синела над нами прямая прорезь неба. Гранит словно грозил расплющить нас в великанских ладонях. Он был плоский и безжалостный. Лишь изредка попадались выбитые в камне полукруглые ниши...

Юлька вдруг остановился.

— Женька, смотри!

Что-то двигалось по лестнице.

Что?

Я пригляделся и понял, что теперь — конец. На нас катился по ступеням громадный каменный цилиндр. Жернов или каток. Он занимал всю ширину лестницы, и там, где его края чиркали о гранит, взвивались клубки каменной пыли.

Я кинулся назад, хотя знал, что все равно не спасусь. Но Юлька схватил меня за руку, рванул вверх. Вверх, вверх! Я ничего не понимал, но у Юльки появилась громадная сила. Он тащил меня навстречу смерти, которая летела к нам со скоростью поезда!

И когда этот каменный ужас повис над нами, Юлька отчаянно толкнул меня к стене. Я спиной влетел в маленькую нишу. И сразу наступила темнота.

Это край каменного катка отгородил меня от всего мира.

Сколько продолжался мрак? Наверно, долю секунды. Но в этот черный миг я успел пережить такую тоску, такую жалость к погибшему на ступенях Юльке... И теперь мне кажется, что я провёл там в непроглядной темноте несколько часов.

...А когда круглый камень пронесся и в меня ударил свет, я увидел невредимого Юльку. Он сжался в такой же, как моя, нише, напротив меня.

Мы посмотрели друг на друга, вздохнули и оба начали смеяться. Все громче, громче! И никак не могли остановиться. Но это не был какой-нибудь там нервный смех или истерика. Мы смеялись от радости. Много было позади несчастий, много крови и слез, но могло быть в тысячу раз хуже, если бы Юлька не втолкнул меня в укрытие и не спрятался сам. А сейчас мы снова были вдвоем, невредимые, и у нас была надежда...

Мы взяли за руки и двинулись дальше. Идти стало еще труднее. Каменный вал разрушил мягкий мрамор ступеней: кое-где раздробил их в щебень, а местами в пыль. Белый порошок до ко-

лен покрыл наши коричневые ноги, припудрил все царапины и ссадины. И я вдруг вспомнил пионерский парад девятнадцатого мая. Как мы, горнисты, в белых гольфах, желтой юнармейской форме и красных пилотках стояли впереди дружинного строя и готовились заиграть сигнал «Слушайте все»... Неужели этого больше никогда не будет?

Будет! Прорвемся!

Я стиснул Юлькину руку, обогнал его, потянул за собой. Он понял меня, хотя, конечно, думал о своем. Улыбнулся и сказал:

— Ничего, дотянем. Только не надо зевать.

Да, в самом деле. Может быть, впереди еще немало всяких ловушек.

Я проговорил сквозь зубы:

— Кому-то, выдать, не хотелось, чтобы мы поднялись по этой лестнице.

— А раз им не хотелось — надо подняться, — тяжело дыша, сказал Юлька.

И мы поднялись.

Перед нами открылось поле, желтое от множества цветов. Они, как бабочки, качались на верхушках высокой травы. А трава гнулась под юго-западным ветром. И ветер гнал в яркосинем небе маленькие белые облака.

Этот солнечный простор после гранитной щели показался мне таким радостным, что я подумал: «Самое трудное, наверно, позади...»

И, кажется, Юлька подумал так же.

На краю каменной площадки, где кончилась лестница, лежал валун. Сверху в нем было выбито большое углубление — как чаша. В этой чаше синела вода. Может быть, осталось от дождя, а может быть, там бил родничок.

Мы напились холодной вкусной воды, а ветер, плотный, но ласковый, будто сдул с нас усталость. Он подталкивал нас в спину, торопил.

И мы пошли на северо-восток. Через высокую траву с цветами-бабочками. Они осторожно трогали нас за локти. Идти было легко, земля оказалась очень твердой. Наконец мы поняли: это выложенная каменными плитками и теряющаяся в травяных стеблях тропа.

Ну что же, тропа так тропа. Тем лучше.

Мы шли, наверно, минут двадцать. Тихо и спокойно было на плоскогорье. Пусто. Я чувствовал, что на Плато нет никого, кроме нас.

И мне даже больно стало от страха, когда я увидел людей!

Юлька их тоже увидел.

Мы присели в траве. Я взял в ладонь свой деревянный кинжал. Мы стали ждать.

Люди были очень далеко. Они, видимо, дышали на невысоком пригорке. Сколько их там, я не мог разглядеть. Двое или трое... Лишь у одного четко видны были голова и плечи на фоне чистого неба.

Мы долго ждали. Однако люди ни разу не шевельнулись. Будто заколдовал их кто-то...

Юлька медленно встал. Я испуганно посмотрел на него, но он улыбнулся.

— Они не живые. Это, наверно, та скульптура...

В самом деле! Как я не догадался?

Скульптура была ближе, чем казалось вначале. Мы ведь думали сперва, что там взрослые люди, а это были мальчишки — в свой натуральный рост. Они словно присели ненадолго на верхушке плоского каменного холмика.

Недалеко от этого холмика трава кончилась, и мы вышли на площадку, выложенную обширными серыми плитами. Отдельные стебли росли из трещин среди плит, но не закрывали пригорок.

Я пригляделся и вздрогнул. Это был не просто каменный пригорок. Это оказался вырубленный из обломков скал громадный спрут.

Юлька, который никогда не видел живого Ящера, смотрел спокойно. Кажется, он ничего не понял. А мне стало тошно. Спрут был не такой чудовищный, как на самом деле, но все равно жуткий и противный. Я различал свернутые в кольца гранитные щупальца, круглую голову со слепыми каменными глазами.

Я проглотнул, подавил страх и отвращение. Стал смотреть внимательней. Понемногу успокоился. Стало ясно, что спрут изображен мертвым, бессильно упавшим с высоты. Победенным. Недаром на его круглом темени серебрились фигурки двух мальчишек.

Юлька взял меня за руку, и мы стали подниматься по треснувшему щупальцу на голову осьминога-гиганта. И наконец увидели скульптуру прямо перед собой.

Она была отлита из какого-то серого сплава. Ребьячи тела тускло блестели — как старый алюминий. Один мальчишка сидел, подогнув ноги и опираясь правой рукой на рукоять боевого клинка. Нельзя было понять, кинжал у него или меч: лезвие почти до отказа ушло в каменное темя чудовища. Мальчик с оружием держал на коленях голову товарища.

Тот, второй, был ранен или убит. Скорей всего, убит. Он лежал, разбросав тонкие руки, и глаза его были закрыты.

Что-то знакомое почудилось мне в лице убитого мальчишки. Маленький печальный подбородок, горько сжатые губы, морщинка над переносицей — след беспокойных мыслей. Она не разгладилась даже сейчас.

Это был Юлька — и тоска резанула меня как стеклом...

— Жень, смотри, это ты... — Юлька показывал на сидящего мальчишку.

Тот смотрел на лежащего друга, и лицо его было опущено. Я присел и вгляделся в это лицо.

В самом деле — я? Не знаю. Сначала пока-

залось, что ничего похожего. Но тут же чуть шевельнулся солнечный свет (может быть, прошла тень от легкого облака?), и я увидел себя как бы в зеркале.

— Юлька... почему так? Откуда?

Он взглянул на меня насупленно, опустил глаза и сказал непонятно:

— А вот так...

Этого не могло быть. Но это было. Какая-то непонятная нить запутала нас, привязала к этому острову, привела сюда... Значит, судьба?

Значит, человек, делавший скульптуру, знал про нас много веков назад? Знал, что мы придем?

Значит... знал, что Юлька будет лежать вот так, раскинув руки, а я буду держать на коленях его голову? И ничего уже не сделать?

Да вы что! Мало вам Дуга?! Мало Птицы?! Не отдам Юльку!

— Не отдам!! Идите вы к черту!! — заорал я и двумя ладонями с размаха ударил в плечо сидящему мальчишке. В свое плечо...

В глубине души я понимал, что металлический монолит ответит жестким ударом в ладони и не шелохнется. Но, видимо, скульптура была из очень легкого сплава. Она отодвинулась, будто откатилась на подшипниках, и я влетел в квадратную яму, которая открылась под металлической площадкой.

Яма оказалась неглубокая, мне по грудь. Я не ушибся, только слегка оцарапал ногу о какой-то колючий выступ.

Это был угол большой узорчатой шкатулки...

Шкатулка оказалась очень тяжелой. Мы с Юлькой кое-как подняли ее и поставили на край ямы. Потом вылезли сами. Сели на корточки над нашей находкой.

— Клад? — неуверенно сказал Юлька.

Нет, мы оба понимали, что это не клад. Здесь другое. Наверно, очень важное. Может быть, какая-то древняя тайна острова Двид? Может быть, наше спасение?

А может быть, наоборот?

Это был сундучок из очень темного дерева. Углы, ребра и выпуклую крышку украшали медные накладные узоры — завитки и листья. Такой же узорчатой была бляшка на передней стенке — со скважиной для ключа.

Конечно, мы сразу решили, что шкатулку надо открыть. Страшновато было, но ни Юлька, ни я не колебались. Не для того же мы шли сюда по бесконечной лестнице, не для того же увидели и сдвинули скульптуру, чтобы найти шкатулку и оставить запертой!

А заперта она была прочно. Я попытался поддеть крышку кинжалом, но клинок не пролазил в еле видимую щель. Тяжело дыша, я нагнулся над шкатулкой. Надавил кинжалом сильнее.

Бесполезно... С досады и хотел уже трахнуть кулаком по узорчатой крышке. В это время ключ, висевший на шее, выскользнул из-под майки и закачался у меня под носом. Будто напомнил о себе!

Он столько раз выручал меня, мой ключик от родного дома! Вдруг поможет и сейчас?

Ключ сначала не вставлялся, хотя скважина была вроде бы в самый раз. Но вдруг что-то щелкнуло, и стержень ускочил внутрь по самое колечко.

— Жми, — поторопил Юлька. Он горячо дышал у моей щеки.

Я стал поворачивать ключ. Он легко сделал пол-оборота, а дальше застрял. Ни туда, ни обратно.

— Кинжал... — нетерпеливо прошептал Юлька. Я сунул клинок в колечко ключа. Надавил. Ключ не двинулся. Колечко слегка изогнулось, а шкатулка приподнялась одним краем. Тогда Юлька упал на нее животом, а я встал на рукоять кинжала коленкой.

Обыкновенный деревянный кинжал тут же разломился бы на щепки. Но волшебное оружие Толика не отказало и здесь. Раздался пружинистый скрежет (вроде как в старинном бабушкином диване, когда я прыгал на него с разбега). Крышка подскочила и подбросила Юльку. Потом снова опустилась, но щель теперь сделалась широкой.

Мы отвалили тяжелую крышку...

Все что угодно ожидали мы увидеть: свитки старинных документов, клубок ядовитых змей, компас, который покажет нам дорогу домой, ключи от какой-нибудь тайной кладовой... Но под крышкой оказалась гладкая черная панель с кнопками и рычажками, как у транзисторного магнитофона.

Пока мы удивленно смотрели на эту технику, в уголке панели разгорелся и замигал зеленый глазок. А на внутренней стороне крышки засветился экранчик размером с открытку. И появились на экране голубоватые кусты, берег с пологими холмами, ребристая серая вода.

— Что это? — прошептал Юлька.

А я понял, что это. Узнал озеро, где жил Ящер.

На нижнем крае панели торчали рычажки — серебристые шарики на стерженьках. Я прикусил от волнения губу и двинул вперед самый левый рычажок. На экране медленно вспучилась вода. Показалась круглая макушка, а потом глаза чудовища. Я испуганно дернул рычажок назад. Голова Ящера осела под воду.

— Жень... — тихо сказал Юлька. Я оглянулся. У Юльки были спокойные понимающие глаза.

— Это и есть... тот гад? — спросил он.

Я кивнул.

Юлькины глаза стали решительными.

— Игла Кашея... — сказал он.

— Какая игла?

— Ну, помнишь сказку? «В дупле сундучок, в сундучке утка, в утке яйцо, в яйце игла... Как ломаешь иглу, тут Кащей и конец...»

Я понял! Но неужели это правда? Неужели жизнь и смерть Ящера в наших руках?

А как сломать иглу?

— Смотри,— сказал Юлька.

В правом верхнем углу панели белела одинокая кнопка. Над ней было оттиснуто маленькое изображение осьминога. Его крест-накрест перечеркивали две красные полосы. Так перечеркивают рисунок дымящейся сигареты в вагонных купе — чтобы не курили...

Значит, все же не зря мы с Юлькой попали на остров Двид?

Я положил на белую кнопку дрожащий палец...

— Подожди,— попросил Юлька.— Ну-ка подними еще раз эту тварь.

Я снова двинул левый рычажок. Опять появилась на экране голова Ящера (я вздрогнул), затем он встал над озером во всю высоту, и потоки воды летели с него, как водопады...

Юлька тихо надавил второй рычажок. Ящер заколебался на тонких ногах-щупальцах и, перебирая ими, двинулся к берегу. Юлька дернул шарик назад. Ящер попятился...

— Ну, хватит, наверно...— как-то хмуро сказал Юлька. Он потянул руку к белой кнопке.

— Можно?..

Можно, Юлька! Жми! За Дуга! За Птицу! За свою боль и горе! За всех ребят... Чтобы к чертям разлетелось «равновесие порядка», ради которого убивают!

— Давай, Юлька!

Я ожидал увидеть, как согнутся щупальца, и Ящер рухнет. Но случилось другое. Стекло экрана растворилось, экран превратился в окошко. Это было похоже на зеркальце, которое показал мне при первой встрече Ктор Эхо.

Из окошка долетел до нас запах озерной воды и сырого песка.

Мы с Юлькой растерянно переглянулись и опять посмотрели на Ящера.

Ящер приближался. Он вырастал на глазах, словно летел головой вперед прямо на нас. Вот уже одну только голову его видно в экранном окошке. Вот уже только часть головы, круглая макушка...

Мы с Юлькой машинально отодвинулись от шкапулки: вдруг чудовище прорвется сквозь окошко сюда?

Оно не прорвалось. Но голова приблизилась вплотную. Выпуклый металл обшивки даже выступил над рамкой экрана — будто выдавился к нам, наружу. Я увидел две круглые заклепки. К одной прилипли темные листики водорослей. Тогда, почти не думая, схватил я кинжал, размахнулся и ударил между заклепками.

Клинок пробил металлический лист, будто фольгу.

Откуда-то издалека, из-за горизонта, донесся глухой вой. И смолк. Желтый огонь метнулся над экраном. Я уронил кинжал. Но тут же пламя погасло, и мы увидели, что экран затянулся стеклом. Проступило изображение. В дыму и брызгах рушились в озеро обломки Ящера.

Экран работал без звука, да и картинка была теперь маленькая. Все казалось нестрашным. Но я-то знал, что там творится на самом деле...

Неожиданно экран погас. А зеленый глазок на панели разгорелся ярче, стал просто ослепительным. Шкатулка начала гудеть и мелко задрожала. Все сильнее. Мы смотрели на нее с испугом: а если рванет, как бомба?

— Бросаем! — крикнул Юлька.

Мы вскочили и ногами спихнули шкатулку с пригорка. Юлька прыгнул в яму и дернул меня за собой.

В тот же миг ударил негромкий упругий взрыв...

Когда мы выбрались из ямы, внизу, между щупалец каменного спрута, колыхалось темное облако. У моих ног валялся медный узорчатый уголок.

— Вот и все, — устало сказал Юлька. — Теперь на этом острове управятся без нас...

Мы стали думать, что делать.

Если бы с нами была Птица, мы помчались бы в Синюю долину, чтобы ребята поскорее узнали про гибель Ящера. А потом — домой! Но как быть сейчас?

— Надо идти в город, — сказал Юлька.

Он это правильно решил. Мы были победителями, и теперь нам в городе ничто не грозило. Пускай только попробуют не отправить нас домой! Мы поднимем всех мальчишек столицы, и Тахомир Тихо заплатит за все! Впрочем, он и так заплатит...

Башни города смутно маячили у очень далекого горизонта, за сизыми гребешками леса. Уже вечерело, мы были голодные, измотанные, но Юлька сказал:

— Идем?

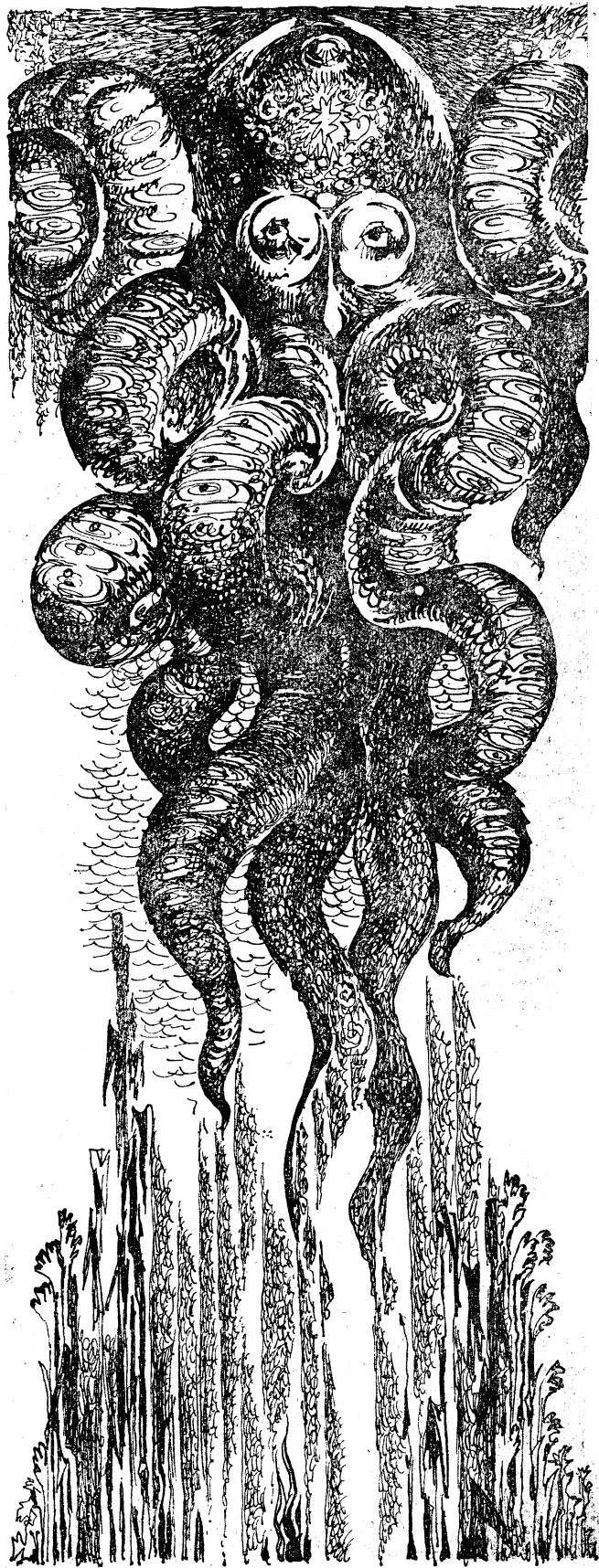
И я сказал:

— Идем.

Но сначала мы подвинули на место скульптуру. Теперь мальчишки не казались так похожими на нас. Если и было сходство, то несильное и, наверно, случайное.

Я постарался отыскать кинжал и ключ. Мне повезло. Кинжал торчал в расщелине камня. Он был целый, только закоптился. Ключ валялся на краю каменной площадки. Ему тоже ничего не делалось, только шнурок наполовину сгорел.

Я сунул кинжал за пояс, а ключ положил в карман.

Последний разговор с Тахомиром Тихо

Мы двинулись в путь, и по дороге говорили, конечно, о гибели Ящера и о шкатулке.

— Непонятно, почему она была тут запрятана. В таком далеком месте,— сказал я.

— А что! Это хитро придумано,— возразил Юлька.— Наверно, Правитель боялся, что шкатулку кто-нибудь отберет или похитит, вот сюда и схоронил. Ну, кто бы догадался, что именно здесь Ящера смерть? Вот подумай— те, кто был против Ящера и Правителя, приходили сюда, чтобы поглядеть на скульптуру, верно? Но они же не стали бы ее с места стаскивать. Наоборот, они ее берегли... А потом люди сюда совсем дороге забыли... Или боялись всяких ловушек, вроде той каменной штуки...

— Кто же тогда Ящером управлял?

— А может, никто! Может, он сам работал, как автомат. Высунется и спрячется. А люди пугались... Да теперь уж все равно...

В самом деле, теперь было все равно. Главное, что Ящера нет и никто не станет нагонять страх на жителей острова Двид.

Долго рассказывать, как мы добирались до города. Это был тяжелый путь. Мы две ночи провели в лесу. Первый раз, когда спустились с Плато, второй— у самого города. Нам хотелось прийти в город на рассвете, отдохнувшими, сильными.

Нас донимал голод. Правда, в лесу попадалась трава с толстыми съедобными корнями (нас научила отыскивать ее Соти). Мы жевали эти корни, но вкус у них был, как у горькой сырой картошки: много не съешь, противно...

Мы хотели проснуться на заре, но, видимо, от усталости проспали. Когда встали, солнце било сквозь листву крепкими лучами. Вовсю голосили птицы.

Мы умылись в холодном ручейке. Немного кружилась голова, ноги были слабоваты, но в общем-то мы чувствовали себя по-боевому.

...Сквозь пролом в старой городской стене мы попали на улицу. Здесь было пусто. Мы взяли за руки и пошли по середине мостовой. Ее отполированные булыжники горели солнечными бликами.

И вдруг эту сверкающую полосу пересекли тени. Через дорогу шли ребята.

Они шли как раньше! Длинной вереницей, с опущенными плечами, молчаливые. И сзади шагал тощий воспитатель в своей дурацкой треугольной шапке.

Мы замерли.

Ребята нас не видели: они смотрели в затылок друг другу. А воспитатель смотрел на них и нас тоже не заметил.

Но мы зато видели все. И все поняли!

— Живут, как раньше...— с горькой досадой прошептал Юлька.

— А может, это по привычке?— спросил я.— Может, еще не поняли?..

В это время из переулка донесся знакомый вопль:

— Здравствуйте, почтенные жители столицы! Приветствуйте светлое утро нашей счастливой и спокойной страны! Оно, конечно, радостное и бодрое! Каждое утро на нашем острове полно спокойной радости, потому что не может быть горестей и бед, где царит незыблемое равновесие порядка! Разве это не так? Разве не хранит нас от несчастий могучий и справедливый Ящер?!

Юлька дернул меня за руку. Мы убежали с мостовой и прижались к белому каменному забору.

— Вот негодяи...— тихо сказал Юлька.

А меня такая злость взяла! Неужели опять все зря? Нет, голубчики, не выйдет...

— Юлька, давай во дворец! Мы им покажем «равновесие» и Ящера...

— А пробьемся?

— Надо пробиться. Теперь, Юлька, до конца надо...

Он подумал секунду и как-то очень спокойно кивнул:

— Угу... Пошли.

...Мы пробрались к дворцовому парку переулками и пустырями, мимо развалин старинных башен и храмов. Несколько прохожих все-таки заметили нас и удивленно смотрели вслед: виду нас был очень потрепанный. Но никто не поднял тревоги...

Скоро я привел Юльку к знакомой решетчатой калитке. Ее, как и прежде, никто не караулил. Мы проскользнули в сад.

Было светло и тихо в утреннем саду. Посвистывали птицы. И голубой флаг с драконьей головой лениво полоскался над куполом дворца. Журчали фонтаны.

Мы подошли к дверце, из которой я когда-то первый раз выбрался в парк.

Здесь оказался часовой.

Слуга Ящера в плюшевом комбинезоне и медной каске сидел на каменной скамеечке и бесстыдно нарушал устав караульной службы: клевал носом и тихо посапывал. На коленях у него лежало ружье. Оно было похоже на старинный мушкет, но сбоку торчал изогнутый магазин— как у автомата.

Я нерешительно посмотрел на Юльку: «Проскользнем?». Но Юлька сердито усмехнулся и спокойно подошел к часовому. Положил на мушкет руку. Дернул к себе.

Слуга Ящера вскинул голову и обалдело открыл рот. Кажется, хотел завопить. Юлька злым шепотом сказал:

— Тихо ты, скотина. Встань!

Широкий ствол смотрел прямо в лицо часовому. Юлькин палец аккуратно лежал на спусковом крючке. Юлька слегка шевельнул пальцем, и слуга Ящера взлетел, как от пружинного удара.

— Не плачь! Руки вверх,— приказал Юлька.

Он ни капельки не был похож сейчас на прежнего Юльку.

Слуга Ящера вскинул руки так старательно, что они почти по локоть вылезли из плюшевых рукавов.

Я торопливо шагнул к Юльке, встал рядом. Юлька спросил меня:

— Что теперь с этим дураком делать?

— Пусть покажет, где Тахомир...

— Веди,— приказал Юлька.

Дверца была низкая. Слуга Ящера не решился опустить руки и, чтобы пройти, смешно присел. Я не выдержал, хихикнул. Юлька хмуро сказал:

— Трусы они все-таки. Только с безоружными и могут воевать.

Мы прошли знакомым коридором с желтыми светильниками. Наш пленник вдруг замедлил шаги. Нерешительно оглянулся.

— Только, пожалуйста, не нажимайте спуск,— сипло попросил он.

— Там видно будет,— безжалостно сказал Юлька.

— Веди к Правителю и не вздумай фокусничать! — прикрикнул я.

— Их превосходительство, наверно, еще спят...

— Ничего, проснется превосходительство,— буркнул Юлька.

Мы поднялись по винтовой лестнице, потом еще по одной — прямой, устланной ковром, и оказались у широкой узорчатой двери. Слуга Ящера опять оглянулся.

— Открывай,— велел Юлька.

— Я не смею...

— Открывай! — гаркнул я.

Слуга Ящера опять слегка присел и, не решаясь опустить руки, надавил дверь всем телом.

Мы вошли.

Их превосходительство господин Правитель острова Двид почивали на кровати под высоким балдахином с открытым пологом. Белое атласное одеяло на круглом животе господина Правителя поднималось и опускалось. Тахомир похрапывал. Тихий такой, добрый дядюшка с румяным лицом.

А Дуг? А Птица? А ребята с поникшими плечами, бредущие поперек мостовой?

— В угол... — шепотом сказал Юлька слуге Ящера и мотнул стволком. — Не вздумай оборачиваться.

Слуга, приседая, убежал в дальний угол и там замер, не опуская рук.

Недалеко от кровати я увидел столик на гнутых ножках. На столике стояла ваза с громадными желтыми грушами. У меня от голода заболело в желудке, и я начал часто глотать слюну.

Юлька подошел к столику, взял грушу и протянул мне. А потом выбрал для себя.

— Позавтракаем,— сказал он с усмешкой и сел на столик. Я тоже — с другой стороны.

Мы сидели, завтракали и смотрели на спящего Тахомира Тихо. Я ел грушу за грушей. Сок тек у меня по подбородку и капал на майку.

Тахомир спокойно дышал. Мне хотелось разозлиться на него изо всех сил, но я почему-то не мог. И, по правде говоря, не знал, что делать дальше.

Но надо было что-то делать. Ваза опустела. Не знаю, что меня толкнуло, но я положил вазу на бок и катнул со стола. Она была, видимо, серебряная и отчаянно загремела в тишине спальни.

Тахомир Тихо быстро сел.

— А? — сказал он. Увидел нас и опять сказал: — А? А-а...

— Доброе утро, господин Тахомир,— проговорил я и вспомнил, как мы зарывали Птицу. — Хорошо спали, господин Тахомир?

Он сначала растерянно заулыбался. Поморгал. Потом лицо его стало серьезным, и он сказал озабоченно:

— Какие вы неосторожные. Вас могли здесь убить.

— А что вы беспокоитесь? — насмешливо спросил Юлька. — Вы ведь этого и хотели...

— Не хотел я,— проникновенно заговорил Тахомир, прижал к груди пухлые кулаки и бросил быстрый взгляд на кинжал, который я покачивал на ладони. — Разве я хотел? Это обстоятельства...

— Теперь обстоятельства другие,— сказал я. — Вы же знаете, что Ящера больше нет. Вы боитесь, что мы про это всем расскажем? Так, Правитель?

Он, кажется, немного пришел в себя. Покачал головой, как мудрец при разговоре с глупыми детками.

— Люди столько лет жили с Ящером. Кто же поверит, что его не стало?

— Поверят,— зло сказал я. — Мы поймаем вашего Крикунчика и заставим голосить об этом на каждом углу... А потом все пойдут к озеру и сами убедятся.

Тахомир опять покачал головой:

— Не так-то легко научить человека кричать совсем не то, что он привык... А если даже и получится... Конечно, люди скоро все узнают. Ну и что? Они сделают нового Ящера. Или придумают. Народу для нормальной жизни нужен страх.

— Да? — язвительно спросил Юлька. — Сам

ты, небось, жил без страха и не очень мучился от этого...

— Да нет, он боялся,— возразил я.— Поэтому он заманивал ребят и убивал их...

— Это было необходимо для безопасности государства,— солидно возразил Тахомир.

— Убивать детей для безопасности государства? — спросил Юлька. Он спросил это медленно, негромко и перевел ствол ружья от слуги Ящера к Тахомиру.

Правитель быстро откинул одеяло и спустил с кровати толстые волосатые ножки. Он был в смешной рубаше с кружевами на подоле. Не отрывая глаз от ружья, Правитель быстро и убедительно заговорил:

— Да, это было необходимо. Я тут ни при чем, это закон истории. Вы плохо знаете историю. Детей убивали во все времена, во всех странах. Так же часто, как взрослых. Ради общего блага. А вы все валите на меня...

— Ах ты несчастный,— усмехнулся Юлька. А мне захотелось плакать, и я сказал:

— Вот за всех, кого убили... такие, как ты... и ты сам... За Дуга... мы ведь тоже можем убить тебя, Правитель. Ты не успеешь даже крикнуть.

Он замигал, съезжил плечи, лицо его сильно вытянулось. Но он взял себя в руки и уверенно сказал:

— Нет, вы не сможете. Не решитесь.

— Потому что противно...

— Не в этом дело. Вы не так воспитаны. Вы не привыкли убивать людей.

— Разве ты человек... — сказал я.

— Да! И у меня есть человеческие чувства. Я жалел тебя...

— Ты?! Не ври. Меня здесь никто не жалел... Ну, может быть, Ктор, да и то лишь сначала. Чуть-чуть...

— А ты знаешь, кто такой Ктор?

Тахомир мягко встал, провел пальцами по лицу, по груди, привстал на цыпочки...

И превратился в Ктора.

Кружевная рубаша, которая была ему до щиколоток, стала до колен.

— Вот так,— слегка самодовольно сказал Ктор.

Он думал, наверно, что мы грохнемся на пол от удивленья. Но я уже много всего насмотрелся на острове Двид. Я, конечно, очень удивился, но не подал вида. А Юлька не знал Ктора и вообще ничего не понял.

— Ну и что? — сказал я Ктору.— Значит, ты еще больше гад, чем я думал. Двуличный гад.

— Вовсе нет,— с достоинством возразил Ктор.— Не в этом дело. Правитель не имеет права быть снисходительным и добрым, а у меня мягкий характер. Вот я и научился превращаться, чтобы проявлять доброту... Между прочим, в глубине души я ненавижу Ящера, да!

— Неужели?

— Да! И не забудь, что это я открыл тебе тайну подземного хода...

— Конечно! И потом ждал на площади, потому что все было подстроено!

Я подумал, что он в самом деле заслужил смерть.

Кажется, Ктор угадал мои мысли и перепугался по-настоящему. Он осел и распух — снова превратился в Тахомира.

— Вы не имеете права убивать меня! — визгливо сказал Тахомир.

— А ты имел?

— Но вас же судили по закону! А вы? Разве вы судьи? У меня есть мой народ, пусть он судит меня! А вы кто такие? Пришельцы из другой страны! Что вам надо у нас? Почему вы вмешиваетесь в наши дела?

Мы с Юлькой посмотрели друг на друга, приснули и начали хохотать. Так весело, что слуга Ящера даже обернулся и чуть-чуть опустил руки (правда, тут же опять их вытянул вверх).

— Ну, ты даешь, Правитель,— сказал я сквозь смех.— Ну ты изворачиваешься... Мы вмешиваемся! А кто нас сюда притащил?

— Ну... да. Я признаю. Но я же объяснил: этого требовали государственные интересы... Но я исправлюсь! Да! Я же вас и отправлю обратно!.. Имейте в виду, кроме меня вам никто не поможет. А у меня есть воздушный шар, прекрасный, новенький. Юго-западный ветер моментально донесет вас домой. А?.. Вам давно пора домой. Что вам еще делать на нашем острове? Вы убили Ящера, вы победили! Теперь пусть сам народ решает, как ему быть! Разве вы имеете право решать за народ?

«А в самом деле, какое мы имеем право решать? Да и что мы можем решить?» — подумал я. И мне очень-очень хотелось домой.

Я посмотрел на Юльку. Он опустил глаза.

— Ты, наверно, опять врешь,— сказал я Тахомиру.— Посадишь нас на шар, а потом прикажешь обстрелять.

Он снова прижал к груди пухлые кулаки.

— Я клянусь!.. Зачем стрелять? Вы же полетите домой, навсегда...

Я опять посмотрел на Юльку и понял, что он тоже всей душой рвется к дому.

— Летим? — шепотом спросил я.

Юлька молча спрыгнул со стола.

Возвращение

В дальнем углу парка, где кусты были непострижены, а клумбы заросли случайной травой, стоял каменный сарайчик. Тахомир и слуга Ящера выволокли из него груды белого шелка, закутанную в сеть, и громадную корзину из желтых блестящих прутьев.

Посреди лужайки слуга Ящера вбил крепкий кол и привязал к нему корзину короткой толстой веревкой. Потом они с Тахомиром приволокли стальные баллоны. Тахомир суетился, путаясь в кружевном подоле — он так спешил, что даже не переоделся. Слуга перепуганно хлопал белесыми ресницами и каждый раз, как только опускал ношу, вскидывал над головой руки.

Газ ровно зашипел в шлангах. Шелковая куча зашевелилась, начала расти, превратилась в белый складчатый холм. Этот холм приподнялся, натянул сеть, качнул корзину. Прошло еще несколько минут, и белая ткань расправила складки, натянулась. Она выпуклыми квадратами выступила сквозь ячейки сети. Блестящий от солнца шар встал над вершинами вязов и каштанов. Юго-западный ветер слегка раскачивал его.

Привязанная к толстому колу веревка натянулась, и корзина косо повисла в метре от земли.

— Вот и готово, вот и все, — потирая ладошки, заговорил Тахомир. — Садитесь и... ни пуха ни пера. Хороший был шар, второго такого нет на всем острове. Да уж ладно...

— Садись, Женя, — сказал Юлька, не взглянув на суетливого Тахомира.

Я схватился за край корзины, подтянулся, перевалился внутрь. Сразу протянул руку Юльке.

Юлька на сгибе левого локтя держал мушкет. Он сердито качнул стволом в сторону Тахомира и слуги:

— Ну-ка, отойдите...

Тахомир заулыбался, закивал и отбежал. Слуга тоже засеменил в сторону, не опуская рук. Юлька сказал мне:

— Дай кинжал на минутку...

Я не понял, зачем ему кинжал, но дал. И поторопился:

— Садись быстрее. Давай ружье...

Юлька снизу смотрел на меня печально и виновато.

— Женя... я не полечу.

Я сразу понял. Не знаю, почему, но в одну секунду я почувствовал, что Юлька твердо решил остаться. Сейчас мне кажется даже, что я заранее догадывался об этом, но боялся поведать.

— Юлька, не дури. — Я хотел сказать это строго, но получилось жалобно.

Он вздохнул:

— Ничего не поделаешь...

— Да зачем?! — отчаянно крикнул я, потому что больше всего на свете хотел домой, но знал: если останется Юлька, останусь и я.

Юлька насупленно проговорил:

— Они там, в Синей долине, еще ничего не знают. Кто им расскажет?

— Узнают! Скоро об этом весь остров узнает!

— Все равно... Еще, наверное, будут бои. Ребятам надо помочь... Я им принесу ружье.

— Юлька, не будет боев! Слуги Ящера не умеют воевать, они трусы! Ты же видел!

— Трусы, если без оружия. А стреляют они метко.

— Они не посмеют стрелять, Юлька! Раз нет Ящера, они побоятся...

— Кто их знает, — тихо сказал Юлька.

Я понял, что он все равно останется, и с отчаянием проговорил:

— Ладно, сейчас спущусь...

Он быстро сказал:

— А тебе надо лететь.

— Дурак ты. Одному?

— Женька, кто-то должен лететь! Чтобы расказать дома!

— Почему я, а не ты?

— Потому что... — Он опустил голову и почти прошептал: — Женька, я не могу быть предателем второй раз.

Тогда я заорал:

— Не можешь? Значит, это предательство? Значит, второй раз нельзя, а первый можно? Мне можно, да?

Но я не сделал движения, чтобы выпрыгнуть из корзины.

Он опять поднял печальные глаза.

— При чем здесь ты? Ты все сделал, как надо. А я... Женька, лети. Ладно?

— И ты лети, — со всей твердостью сказал я. — Юлька, ты подумал об отце с матерью? Ты у них один сын... был...

— А птенец? — спросил Юлька. — Он ведь тоже сын... нашей Птицы. А Птицу убили. Кто выкормит птенца? Ведь никто из ребят не знает даже, где его гнездо. А я знаю...

Как я мог забыть о птенце? Он, наверно, уже умирает от голода! У меня от стыда зазвенело в ушах, как от хорошей оплеухи. Уже ни о чем не думая, перекинул я ногу через край корзины...

Но Юлька ударил кинжалом по веревке.

Меня бросило на плетеное дно, прижало к нему. Засвистел летящий сверху вниз воздух.

Когда я поднялся и сумел перегнуться через край, не было видно ни Юльки, ни лужайки с каменным сараем. Проплывали внизу белые домики окраины и делались все меньше...

Как я молотил кулаками по упругим прутьям! Я их даже кусал от отчаянья и давился щепками вперемешку со слезами...

Я, честное слово, прыгнул бы вниз, если бы это хоть чуточку могло что-то исправить. И если бы я не боялся, что даже в последнюю секунду буду мучиться от стыда и от тоски по Юльке...

Шар поднимался, поднимался и наконец остановился под самыми облаками. Казалось, он по-

вис неподвижно, потому что и его самого и облака ветер гнал с одной скоростью. Меня окружили полная тишина и покой. Ни синему небу, ни облакам не было дела до моего горя.

Вдруг я подумал: в каждом воздушном шаре есть клапан, который можно открыть, если хочешь опуститься. Обычно от него тянется веревка. Но никакой веревки я не увидел. Да и куда опуститься? Внизу уже расстилалось ребристое, как стиральная доска, море и нигде не было земли.

Шар летел гораздо выше, чем когда-то летела с нами Птица. Шару было все равно. Делалось все холоднее. Сначала было просто зябко, но потом холод сдавил так, что от озноба стало трудно дышать. Я съежился на дне корзины, обнял себя за ноги, уперся лбом в колени. Холод не отпуская. Но мне было уже безразлично. Я понял, что замерзаю, и, кажется, не испугался.

Жаль, конечно, что так получилось. Жаль, что никогда не увижу маму и папу. И бабушку. И Толика... Жаль, что никогда не узнаю, что стало с Юлькой...

Эх, Юлька, Юлька, зря ты обрезал веревку. Хотел, как лучше, а получилось вон что. Но я не сержусь. Не могу и не хочу на тебя сердиться... Пускай тебе повезет на этом проклятом острове, Юлька. Сделай все, что надо, и вернись домой...

Юлька, вы с ребятами постарайтесь победить, ладно? До конца. Потому что мы так и не победили Ящера. Мы взорвали тупого железного робота, а настоящий Ящер — это Тахомир с его слугами, с его Крикунчиком, с его квартальными воспитателями...

Ты, Юлька, держись... А я...

А что я?

Что я?!

Отчаянье опять встряхнуло меня. Так нельзя! Неужели все пропало? Нет, я вернусь и всем расскажу про остров Двид! Пускай он хоть сверхневидимый, все равно мы его найдем! И Юльку!

Но холод снова сжал меня. Давил все сильнее, сильнее, сильнее... Мне показалось, что я превращаюсь в ледяной, обросший инеем шарик.

И этот шарик покатился в синюю тихую пустоту.

...Я очнулся от тепла. Закоченевшие руки и ноги не разгибались, горло распухло так, что я не мог даже кашлянуть. Шар летел очень низко — над плетеными краями проносились ветки.

Я кое-как приподнялся.

Были сумерки. Шар несло вдоль берега — между березовым лесом и водой. Своим днищем корзина иногда царапала песок.

Я узнал это место: слева светилось под закатом наше озеро, справа была дорога в Рябиновку...

Впереди темнели высокие кусты. Корзина мчалась прямо на них. Я зажмурился.

Был удар и треск, меня швырнуло в пружинистые ветки. Я открыл глаза. И последнее, что помню, — это светлый шар. Освободившись от груза, он быстро улетал в неяркое вечернее небо...

«Где ты пропадал, Женька?»

Меня нашли на следующее утро. Толик нашел. Никто даже не думал увидеть меня живым, потому что еще много дней назад ребята отыскивали на берегу мое деревянное ружье, и все решили, что я утонул. Но Толик все равно ходил по берегам озера и окрестным лесам.

Когда Толик увидел меня, я был без памяти. У него хватило сил взвалить меня на плечи и вынести к дороге. Там он остановил первую машину...

В школу я пошел только в ноябре. Почти всю осень пролежал с воспалением легких и всякими осложнениями. Плохо срасталась сломанная рука.

Первые две недели я вообще не приходил в себя. А когда очнулся и понемногу начал соображать что к чему, бабушка прошептала:

— Слава тебе господи, наконец хоть узнавать стал. А то на маму смотришь, а сам какие-то ужасы говоришь: про птенцов каких-то, про ящериц. Юльку какую-то звал, стрелять хотел...

И я понял, что никто-никто не поверит моему рассказу про остров Двид. Решат, что это был бред.

Все теперь думали, что я пропадал, потому что заблудился в лесу. Есть недалеко от города большой лес, и случалось, что люди блуждали в нем по несколько дней. В глубине леса скрывается Гнилое озеро, а вокруг него трясина и путаные тропинки. Можно долго ходить по кругу, а можно и совсем сгинуть.

По ночам я видел сны про недавнюю жизнь на острове Двид. Опять я летал с Птицей, убежал от Ящера, готовил к стрельбе большую мортиру. Я встречался с Юлькой и смеялся от радости, потому что знал: теперь мы ни за что не расстанемся. Мы вдвоем кормили подростка птенца... А потом белый шар срывал меня с места, и я просыпался от страха и горя...

Но днем, когда я видел бабушкину комнату с полинялыми обоями, слушал радио, смотрел телевизор, когда разговаривал с мамой, папой, бабушкой — остров Двид отодвигался в памяти. Кругом все было настоящее, знакомое, крепкое, а то, что случилось на острове, делалось похожим на сон.

А может быть, я действительно заплутал в

лесу, и мне — голодному, больному — привиделись все эти приключения?

Иногда я начинал думать, что так и было. Мне даже казалось, что я припоминаю, как бреду по берегу Гнилого озера, и под ногами у меня пружинит и чавкает болотистая почва...

Но тогда... Тогда, значит, ничего не было? Ни Птицы, ни ребят на бастionaх, ни полетов, ни боя на площади... Значит, не было Юльки?

Почему же тогда у меня ощущение вины? В чем я виноват перед Юлькой, которого нет?

Пожалуй, ни в чем.

Я виноват перед птенцом, я забыл про него после гибели Птицы. А перед Юлькой? Нет, я, кажется, не виноват. Но почему же тогда горькая тяжесть на душе? Просто мне очень жаль Юльку. Я здесь, а он там. Мне очень жаль его и жаль, что я не с ним. Сильная жалость чем-то похожа на ощущение вины...

А может быть, все же есть на мне вина? Ведь я помедлил секунду, когда надо было выскочить из корзины... Да, но если бы он не разрубил веревку так быстро, я бы выскочил, честное слово!

И зачем теперь мучиться, если все равно ничего не было?

А если было?..

Первый месяц я лежал у бабушки, врачи не разрешали перевозить меня. Мама и папа приезжали каждый день. А Толику не позволяли часто навещать меня, говорили, что я очень слаб. Все же он приходил несколько раз. Садился на край постели и осторожно, будто стесняясь, рассказывал про ребячьи дела: про футбол, про школу, про большого змея, которого недавно запустили Степка Шувалов и Стасик Малыгин. Но скоро заглядывала бабушка, шептала:

— Хватит, хватит, ребятки. Женечке надо спать...

Зато когда я перебрался домой, Толик стал прибегать каждый день. С ним было хорошо. Мы клеили кораблики из журнала «Малый модельаж», крутили мультики на расхлябанном кинопроекторе «Луч». Иногда он объяснял мне, как решать задачки, чтобы я не отстал от класса... И ни разу мы не заговорили про то, как я пропал и как он отыскал меня. Наверно, Толик опасался, что я начну вспоминать жуткий лес у Гнилого озера и опять заболую. А может, боялся показаться хвастуном: вот, мол, нашел человека в кустах, дотащил до дороги и теперь намекает, какой герой.

Мама и папа несколько раз пытались расспросить, как же все-таки я заблудился. Но я говорил, что ничего не помню, и потом надолго замолкал. Их пугало это молчание, и меня перестали спрашивать...

К зиме я совсем окреп. Стал, как все мальчишки. Мы строили снежные крепости, залили на пустыре каток, вылепили целую армию сне-

говиков. У нас было весело во дворе. Но, как прежде, игра угасала, когда мимо проходили родители Юльки Гаранина. А я... что я мог сделать? Кто поверил бы моей сказке, если и сам я верил меньше, чем наполовину?

...Больше всех игр я любил кататься на лыжах. К лыжам приучил меня Толик. Мы уходили к оврагам и там носились по крутым спускам — так, что снежные вихри кружились над откосами.

Это было немного похоже на полеты с Птицей.

Мама радовалась, что я всегда с Толиком. Одного меня она боялась отпускать: ей все казалось, что опять могу исчезнуть. А Толика она считала надежным другом. Да так оно и было...

Однажды, уже в начале марта, мы возвращались от оврага домой по хорошей накатанной лыжне. Снег блестел под ярким солнцем по-весеннему, хотя еще не таял. Легкие лыжи весело поскрипывали. Я шел впереди. Мы о чем-то болтали и смеялись.

И вдруг Толик замолчал — будто пропал. Не ответил на мой вопрос. Я оглянулся. Толик стоял и смотрел на меня странно: с какой-то напряженной требовательностью. Будто не было только что болтовни и смеха. Я остановился, сделал шаг назад. Мы встретились глазами, и он спросил:

— А все-таки где же ты пропадал, Женька? Я сразу понял, о чем он. Опустил голову...

Толик подъехал вплотную. Тихо сказал:

— Ты был тогда исцарапанный, оборванный, от сандалий одни ремешки остались. Но на них не было ни тины, ни болотной грязи...

Я опять посмотрел Толику в глаза. Тогда опустил голову он. И проговорил виновато, но с упрямой ноткой:

— По-моему, ты что-то помнишь, а сказать... или боишься, или не хочешь.

— Я хочу! Но... как? Если я сам не знаю...

А ты согласишься?

...В общем, я рассказал ему все. Начал на лыжне, а кончил уже поздно вечером. Толик остался у нас ночевать, и мы лежали вдвоем на широком диване, а в окно светила круглая луна. Почти такая же, как над островом Двид, когда мы с Юлькой ночевали в мортире.

Толик спросил:

— Ты когда-нибудь писал стихи?

— Я? Никогда в жизни.

— Значит, сам придумать не мог...

— Что?

— Ну... то стихотворение... Юлькино... Может быть, ты его читал где-нибудь?

— Где?

— В книжке какой-нибудь...

— Нет... не помню.

— Жень... А ведь можно все очень просто

проверить. Спросить у Юлькиной мамы: писал он такие стихи или нет.

В самом деле! Как же я не догадался?

Да, но... как подойти к Юлькиным родителям? Как заговорить о пропавшем сыне? Я, наверно, не посмею...

— А если стихи по правде были, тогда что? — нерешительно спросил я. — Тогда надо все рассказать? Или лучше не надо?

— Я тоже думаю: как тогда быть? — откликнулся Толик.

— Думай лучше. А то у меня все в мозгах перепуталось.

— У меня тоже. Почему-то голова гудит...

— Слушай, Толька, а ты не заболел? — встревожился я. — Ты какой-то горячий. Может, простыл?

— Да нет, что ты... — сказал он.

Ключ

Еще бы ему не быть горячим! Утром оказалось, что у него температура тридцать девять.

Но это была не простуда, а скарлатина.

Мама ужасно перепугалась. За меня. Ведь мы с Толиком целую ночь лежали рядом, и я наверняка наглотался микробов. Не хватало мне после всех болезней еще скарлатины!

Но на этот раз пронесло, я остался здоров. А жаль. Лучше бы уж лежать вместе с Толиком, веселее.

К Толику меня не пускали целых три недели. Не потому, что он тяжело болел, а просто боялись, что я подцеплю инфекцию.

К Юлькиным родителям я, конечно, не ходил. Я оправдывался перед собой, что нехорошо без Толика: это ведь он придумал узнать про стихи. А потом я перестал видеть Юлькиного отца и мать на улице. От ребят я узнал, что они, кажется, уехали до лета в какой-то санаторий, лечиться...

Как будто можно вылечиться от горя...

Когда я услышал про их отъезд, меня крепко заела совесть: ведь я мог бы их, наверно, хоть чуточку успокоить, дать какую-то надежду (если, конечно, они помнят стихи). И все же испытывал облегчение: тяжелый разговор откладывался.

С Толиком я увиделся на весенних каникулах. Сказал ему, что Юлькиных мамы и папы нет в городе. Он вздохнул, кивнул, и больше мы про них и про Юльку не говорили — будто молча согласились не касаться этого дела раньше времени.

Апрель был холодный. В середине месяца все еще падал снег и даже случались метели. А когда наступала оттепель, было пасмурно и сыро. И только перед самым маем пришло теп-

ло. Зато это было настоящее летнее тепло! У почек сразу появились зеленые клювики, а на городском пруду за день слизнуло весь лед.

Наши ребята повытаскивали из чуланов велосипеды и с утра до вечера носились по просохшим переулкам. Все уже бегали в рубашках или футболках, только меня мама заставляла надевать свитер.

В воскресенье приехала бабушка. Привезла банку варенья, свежий пирог с капустой и газетный сверточек. Повздыхала и сказала маме:

— Я вот Женечкину одежду нашла прошлогоднюю. Думаю, может, еще пригодится летом бегать-то. Маечка вот, штанишки, я постирала, зашила...

Она зашуршала газетой, и я увидел выгоревшую майку с оленем и серые шортики с широкой резинкой в поясе. Все было старенькое, заштопанное, но чистое и отглаженное...

Что-то скользнуло из одежды и тяжело стукнуло о половицы. Отскочило к моим ногам.

Это был ключ. Я поднял его, положил на ладонь. Хрипловато спросил у бабушки:

— Откуда он взялся?

— Да в кармашке лежал. Я туда и положила...

У ключа было погнуто узорное колечко...

Я взял сверток и начал суетливо переодеваться. Мама смотрела на меня с испугом. Я маму понимал: ей казалось, что если я натяну эту одежду, со мной снова что-нибудь случится.

Но она молчала, и я оделся.

Говорят, что ребята быстро вытягиваются, когда болеют. Но я почти не вырос, и потрепанный прошлогодний наряд оказался мне совсем впору. Я почувствовал себя легким, свободным, упругим...

Но это была не такая радостная легкость, с которой выскакиваешь на улицу в первый летний день и, как на крыльях, летаешь за футбольным мячом. Это была тревожная легкость. Как перед прыжком с обрыва в воду, когда жутковато, но уже решился.

Я сжал в ладони ключ и пошел к двери.

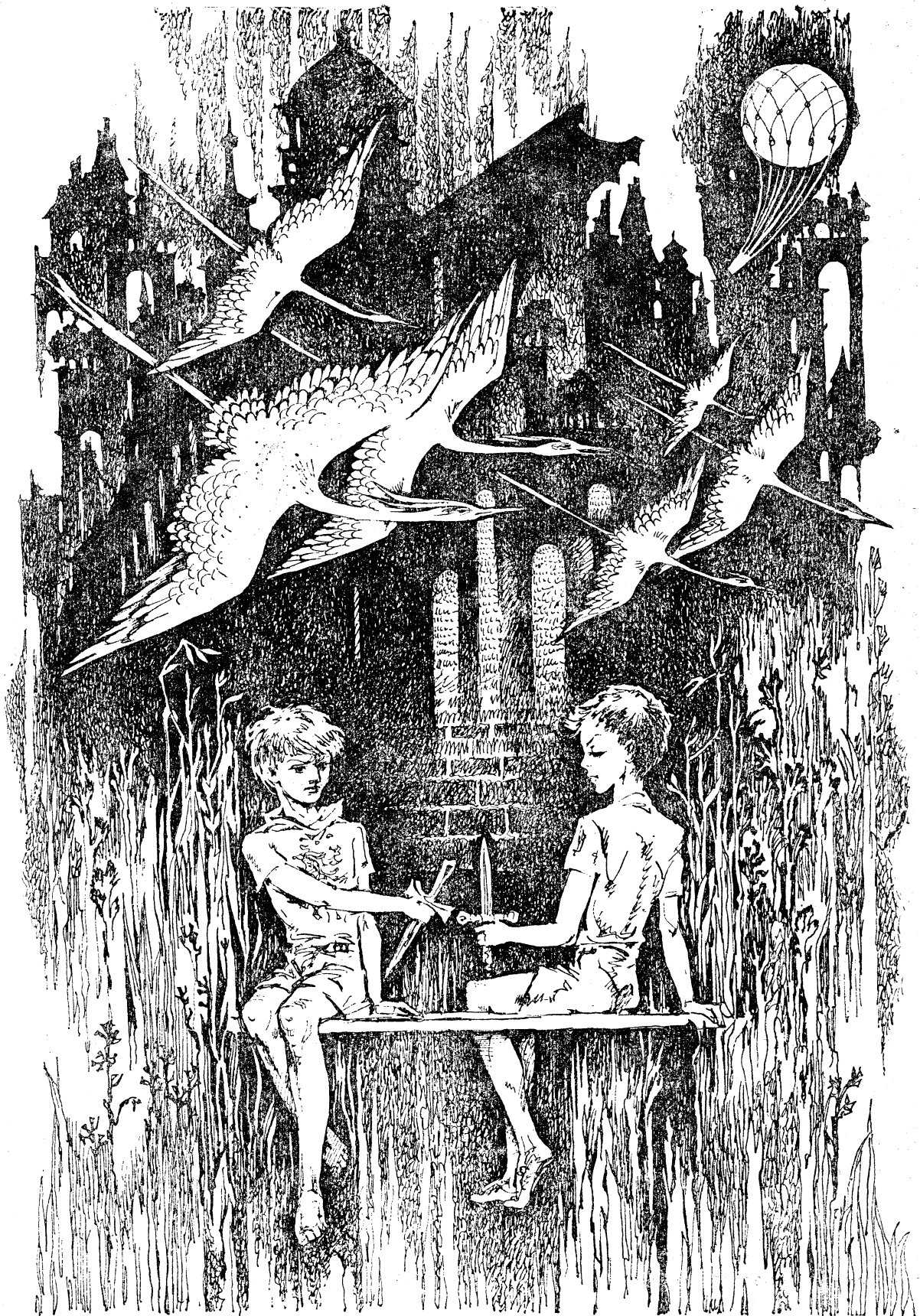
— Женя, ты куда? На улице еще холодно, — торопливо сказала мама.

— Я только на крыльцо...

У меня как-то странно вело себя сердце: его будто равномерно сжимали и отпускали холодные ладони. От этого сбивалось дыхание.

На дворе было вовсе не холодно. Солнце крепко прогрело доски крыльца, кирпичные стены, землю. В небе летели пушистые облака. Тополь был увешан длинными сережками. Их качал теплый ветер (юго-западный ветер!).

На куче песка дошколята и первоклассники строили крепость. Это была крепость с желтыми полукруглыми бастionsами.

Я посмотрел на облака, вздохнул поглубже и поднес к губам ключ.

Свистнул...

Ничего, конечно, не случилось. Только вышел из дома Степка Шувалов и сказал:

— Жень, айда в кино. В клубе строителей «Неуловимые» идут...

— Ага... потом.

Вышла мама и увела меня в дом. Велела выпить горячего молока, после этого слегка отругала и усадила обедать.

Когда я равнодушно жевал котлету, за окном пронеслась полупрозрачная тень. Туда и обратно. Я опрокинул стул и бросился на крыльцо. Тень широким полукругом еще раз прошла надо мной и заскользила к облакам. Превратилась в серое пятнышко, исчезла...

Я вскинул к губам ключ... и опустил. Все равно Птица не сядет в незнакомом дворе, где множество чужих людей. Она осторожна. Она услышала сигнал, но пока не знает, кто его подавал. Скорее всего, она меня не узнала. Ведь она была совсем птенцом, когда я помог ей вернуться в гнездо...

Нет, видимо, она меня узнала. Потому что на следующее утро, когда я шел в школу, серая тень опять пронеслась надо мной по широкому кругу...

Ну что же, это хорошо, что надо мной кружит тень. Я знаю теперь, что делать. Рано утром я выйду на пустынный берег озера...

Нет, сначала я оставляю дома записку, чтобы не тревожились. Тревожиться все равно будут, но недолго, на этот раз я вернусь очень скоро...

Да, надо еще сделать из доски и веревок сиденье...

А почему с этой Птицей не вернулся Юлька? Если он выкормил ее, она должна его любить и слушаться. Уж не случилось ли что-нибудь с Юлькой?

А может быть, Птица слушает лишь того, у кого есть ключ? Или просто еще не настало время для возвращения?

Как они там, в Синей долине? Знают ли, что Ящер издох? Добрался ли до ребят Юлька?

А может быть, там уже не один синий фламинго? Может быть, молодая Птица отыскала в лесу друзей? И тогда... Может быть, однажды над городом пронесется стая синих птиц, и отчаянные мальчишки начнут прыгать на крыши и завяжут последний бой?

Когда-то должно прийти время для такого боя. Кто-то должен дать сигнал. Может быть, для сигнала нужен ключ?

Это будет стремительный синий десант.

Синий десант...

Эти слова запали мне в голову и повторяются сами собой.

Синий десант. Синий десант...

Я пришел к Толику и неловко сказал:

— Помнишь тот кинжал?.. Можешь сделать такой же?

Он, конечно, спросил:

— Зачем?

— Ну... так...— Я опустил глаза. Не мог я позволить, чтобы он рисковал вместе со мной.

Толик больше ничего не говорил и к вечеру выстругал мне кинжал с фигурной рукояткой. Он отдал мне его и тут же протянул палку и ножик.

— Ты тоже выстругай. Мне.

— Я же не умею.

— Неважно. Как получится. Лишь бы рукоятка да клинок.

Он смотрел серьезно, даже сумрачно, и я почувствовал, что чем-то обидел его. Или чуть-чуть не обидел. Торопливо и старательно я начал терзать ножом палку, и через полчаса получилось что-то похожее на мешалку для краски, только с острым концом.

— Вот...— пробормотал я.

Мы сидели на лавочке позади Толькиного дома, у кирпичной стены. Было тепло и очень тихо. Толик покачал на ладони сделанный мною кинжал, развернулся и с размаха ударил им в стену.

Деревянный клинок вошел в кирпичи, как в масло.

— Годится,— сказал Толик и посмотрел на меня без улыбки, но и без обиды.— Когда летим? Завтра?

Эпилог

Вот и все.

Если рассказывать дальше, будет карусель из ветра, свиста крыльев и яростных криков десанта...

Да и что рассказывать, если все равно я не знаю конца. Не знаю, как живет нынче остров Двид. Помню только, что в тот день дети стали смеяться смелее, а многие взрослые помолодели...

Мне уже никогда не попасть на остров, где ржавеют обломки Ящера, где похоронен Дуг и где светловолосая девочка со спокойными глазами промывала мои ссадины и раны. Ключ я привязал к ноге самого большого синего фламинго, когда мы прощались с птицами на берегу ночного озера. Да и не помог бы сейчас ключ: я вырос, и Птице не унести меня через море. А другого пути я не знаю.

Где он, этот остров Двид? За какими далями? А может быть, не только за далями, но и за временем?

Многое осталось непонятным. Почему из на-

шого озера лодка вышла в море? Почему, когда над озером светила круглая луна, в небе острова висел над закатом узкий месяц? Да еще внизу рогами — теневой стороной к солнцу!

И еще одно... Читая фантастические истории, как люди попадали в разные загадочные королевства, я удивлялся: страна незнакомая, а герой всех понимает. Разве там говорят по-русски? Вот так же неясно и с островом Двид. По-нашему говорили его жители? Или я, попав туда, начал сразу понимать их язык? Может быть, на острове такой закон природы?

Скорей всего так. Потому что даже сейчас, через двенадцать лет, когда мы встречаемся с Толиком, он приветствует меня:

— Салидо, амиа флета! Кэ виа дельтас? Ноа тен монтас каливас?

Это совсем не похоже на испанский язык, который мы с ним учили в институте, но я понимаю: «Приветствую тебя, о мой летающий друг! Как поживает твой дельтоплан? Вы еще не грохнулись на склоне Лысой горы?»

И еще я помню клич Юльки, когда он, выпустив ноги Птицы, прыгает на купол дворца. Прыгает, сшибает ногой драконье знамя и кричит вниз обалдевшим стражникам:

— Бросай оружие, вы, болваны! А потом мы вам покажем «равновесие»...

На том языке это звучало короче и резче...

Впрочем, неважно. Гораздо крепче мне запомнился другой Юлькин крик. Врезался навечно. Это когда Юлька, оставив нас, бежит по улице Красных Летчиков к своему дому:

— Мама! Мамочка! Мама-а! Я пришел!..

Вести из КЛФ

Наш клуб родился три года назад, и с тех пор мы собираемся два-три раза в месяц, с небольшим перерывом на лето. Осенью прошлого года провели свое пятидесятое заседание. Провели торжественно: подвели итоги, поговорили о планах на будущее.

На наши заседания ходят самые разные люди. И по возрасту, и по профессии, но только не по интересам: всех объединяет любовь к фантастике. В активе клуба — инженер-математик Е. Филенко и работник Камского бассейнового управления пути Ю. Симонов, преподаватель пединститута А. Грузберг и студент-выпускник университета М. Шаламов. Среди членов клуба — школьники, учащиеся профессионально-технических училищ, рабочие.

Чем занимается клуб? Самыми различными делами. Прежде всего, мы стремимся поглубже познакомиться с современной фантастикой. Недавно А. Грузберг рассказал, например, о жизни и творчестве Айзека Азимова, американского фантаста, который не забыл и гордится тем, что родился недалеко от Гжатска — родины Юрия Гагарина. Несколько раньше Ю. Симонов провел также же заседание по творчеству А. Р. Беляева, еще раньше был в клубе разговор о братьях Стругацких, Станислазе Леме, Роберте Шекли, Кирилле Булычеве и многих других писателях-фантастах.

КЛФ — эффективная форма объединения людей по интересам. Недаром в последние годы такие клубы возникают у нас по всей стране. Мы, например, поддерживаем связь с любителями фантастики Хабаровска, Калининграда, Абакана, Днепропетровска, Кемерово. Знаем о существовании клубов в Иркутске, Ленинграде, Москве, Таллине, Ростове. География обширная. Жаль только, что клубы эти никто не объединяет. В Польше, например, они давно уже слились в Общепольский клуб и ежегодно проводят свои конгрессы. А в Болгарии на первом НФ фестивале в Пловдиве, посвященном 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, собралось 250 представителей от 40 клубов. Кстати, мы тоже отметили эту знаменательную дату: нашли воспоминания о том, как относился Владимир Ильич к романам А. Богданова, к проблемам жизни вне Земли...

В апреле мы отмечаем и другую дату, дорогую сердцу каждого любителя фантастики, — День космонавтики. Отмечаем своеобразно: обсуждаем фантастику предыдущего года, стараемся выявить лучшие ее произведения. В 1979 году среди этих лучших, на наш взгляд, — рассказ свердловчанина Сергея Другала «Экзамен», повесть пермяка Владимира Соколовского «Облако — золотая полянка».

Несколько слов о наших собственных авторах. Самый младший — школьник Вадим Костыря — уже опубликовал свой первый рассказ в страничке клуба, вышедшей в газете «Большая Кама». Евгений Филенко — фантаст со стажем: «Юный техник» напечатал один из его рассказов еще в 1964 году, когда автор учился в третьем классе. Рассказы Юрия Симонова появлялись и в Перми, и в Хабаровске... Есть у нас и свои художники-фантасты: братья Михаил и Андрей Ларкины, их рисунки постоянно появляются на страничках нашего клуба в газетах «Молодая гвардия» и «Большая Кама».

А. ЛУКАШИН,
председатель Пермского городского КЛФ.

Лауреаты премии Мечты

Вл. ГАКОВ

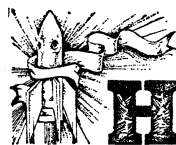

Ежегодно в последние августовские дни мир американской научной фантастики лихорадит: в одном из городов США проходит традиционный всеамериканский съезд любителей этой литературы, который — тоже дань традиции — упрямо именуют «Всемирной Конвенцией». Считанное число раз конвенции собирались за пределами Соединенных Штатов (трижды — в Англии, два раза — в канадском городе Торонто, по одному — в Австралии и Западной Германии), они как были, так и остались мероприятием чисто американским: какой-то непостижимой смесью дружеского, даже запанибратского застолья, рекламного «шоу» и серьезной научной конференции.

Чем же там занимаются, на этих конвенциях? Буквально: всем понемногу. Слушают доклады и участвуют в дискуссиях и семинарах, «стреляют» автографы у приглашенных знаменитостей мира НФ, торгуются на аукционах и веселятся на традиционном маскараде. Толпятся на книжных базарах, где книги обычно продаются со скидкой, ночи напролет смотрят фантастические фильмы, — да что говорить, если тут столько случаев познакомиться, обсудить новинки, поспорить до хрипоты!.. Незаметно пролетят три-четыре суматошных дня, и вот наконец наступит событие, которое одно только и можно рассматривать как «серьезное» во всем этом вселенском гвалте: на торжественном банкете представитель жюри оглашает список лауреатов высшей награды в мире англоязычной фантастики — премии «Хьюго».

Удостоенные премии не скрывают счастливых улыбок, поднимаясь на трибуну, где под гром аплодисментов им вручают сверкающую модель ракеты на массивном постаменте, — и те, кто уже собрал изрядный урожай наград, и те, чьи имена прозвучали в списке лауреатов впервые. Ведь для работающих в фан-

тастике появление в этом списке означает нечто большее, чем просто дань уважения со стороны читателей. Это еще и реклама (лучше не придумаешь!), открывающая дорогу к успеху, — а в Америке любят и ценят тех, кто с успехом на дружеской ноге...

Начало всему этому было положено давно, еще до войны. Летом 1939 года, в самый разгар работы Всемирной выставки в Нью-Йорке (проходившей, кстати сказать, под «научно-фантастическим» девизом: «Миру завтрашнего дня»), энергичные местные «фэны» — так называют себя в Америке энтузиасты фантастики — под водительством Сэма Московича решили организовать свой собственный «всемирный» форум. Правда, народу собралось всего сотни две с небольшим, да и то своих — нью-йоркских, но начало традиции было положено. Первая конвенция прошла бурно: «фэны» не на шутку переругались и, рассорившись вконец, даже разделились на враждующие группировки. Корреспондент солиднейшей «Нью-Йорк таймс», которого каким-то чудом занесло на это в высшей степени несерьезное мероприятие, язвительно обозвал присутствующих «шумными, суеязящимися книжными жучками»!

Высокомерие не позволило репортеру разглядеть главное: среди «шумных, суеязящихся жучков» были те, о которых впоследствии не единожды напишет та же «Нью-Йорк таймс» — но насколько же изменится ее тон! Юные дебютанты 1939 года — Айзек Азимов, Роберт Хайнлайн, Альфред Бестер и Теодор Старджон. И еще — постоянно улыбающийся долговязый юноша, при-

ехавший из далекого Лос-Анджелеса на деньги, собранные тамошними «фэнами»: Рэй Брэдбери...

Потом — война, и только с 1946 года «Всемирные Конвенции» стали собираться регулярно. Росло количество участников (так, на предпоследней, 38-й по счету, проходившей в августе 1979 года в английском курортном городке Брайтоне, присутствовало уже более трех тысяч человек), росла и крепла популярность научной фантастики. Многие из вчерашних «фэнов» становились знаменитыми — и на конвенции, как мухи на мед, потянулись издатели, редакторы журналов, книгороторовцы...

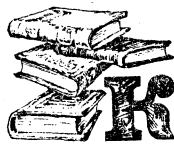
И вот на 11-й конвенции (Филадельфия, 1953 год) «фэны» сделали еще один принципиальный шаг к самоутверждению: у научной фантастики отныне появилась своя ежегодная премия¹.

Идея отмечать премией лучшие произведения года пришла в голову «фэну» Холу Линчу совсем незадолго до конвенции. Было решено увековечить таким образом имя Хьюго Гернсбека, основателя и редактора первого в мире специализированного НФ журнала². Научная фантастика как самостоятельный раздел художественной литературы сформировалась, разумеется, задолго до «изобретения» Гернсбека, но вот журналами, созданием пестрого и многочисленного мира энтузиастов фантастики, наконец, самими конвенциями — всем этим «фэны» действительно были обязаны Гернсбеку. И надо сказать, легенда об «отце-основателе» укоренилась в их среде.

Вообще, американские «фэны» чрезвычайно кичились собственной самостоятельностью. Научная фантастика родилась в этой стране без какой бы то ни было помощи извне (да и литературные традиции не были здесь сильны, как, скажем, в Англии), все было доморощенным: авторы, периодика, критика, съезды. Почему бы в таком случае не обязываться и собственными премиями? «Пускай всякие там киношны присуждают «Оскар», а у нас был свой «Хьюго», — напишет впоследствии Айзек Азимов, сам в прошлом активный «фэн»...

Итак, идея пришла по вкусу. Быстренько набросали эскиз — «стоящая вертикально на стабилизаторах серебристая ракета на постаменте» —

и на банкете, знаменующем собою окончание работы конвенции, были оглашены имена первых лауреатов. Ими стали писатель Альфред Бестер (за роман «Разрушенный», в русском переводе «Человек Без Лица»), известный популяризатор науки Вилли Лей, активнейший «фэн»-коллекционер Форрест Эккерман.

как присуждается премия «Хьюго»? Кто ее присуждает? И за что?

Как только кончается год, организаторы следующей конвенции заблаговременно составляют списки наиболее значительных произведений ушедшего года. Основные классы следующие: роман, повесть, короткая повесть (или, наоборот, длинный рассказ), рассказ. Кроме того, премии обычно присуждаются редакторам, художникам-иллюстраторам, драматической постановке (сюда входят кинофильмы, радио- и телеинсценировки, а в последние годы — даже и «НФ диски!») и, наконец, «фэнам»-активистам.

На предварительном этапе учитываются пожелания и предложения читателей. (В адрес Оргкомитета приходит множество писем. По данным последних лет, в голосовании принимают участие тысячи любителей фантастики США, Англии и других стран...) Затем составляются специальные бюллетени, где указано по несколько претендентов на каждый класс. Эти бюллетени рассылаются всем без исключения желающим принять участие в конвенции и уплатившим определенный взнос, причем для голосования личное присутствие не обязательно: правила предусматривают особый взнос, чуть меньше обычного, за заочное голосование. Голосующий должен проставить свои оценки кандидатам (если, скажем, по данному классу выдвинуто шесть кандидатов, то за первое место голосующий ставит 6 баллов, за второе — 5 и так далее), запечатать конверт с заполненным бюллетенем и отослать его в адрес Оргкомитета. Там баллы суммируются, и во время традиционного банкета произведение, набравшее абсолютное большинство голосов, провозглашается лауреатом.

Многие до сих пор относятся к системе присуждения премии «Хьюго» с плохо скрываемым недоверием, если не с предубежденностью. Говорится при этом, что мир «фэнов» — это узкая каста энтузиастов-фанатиков, обладающих весьма консервативным и неразвитым литературным вкусом. И что сборный спи-

сок лауреатов дает в высшей степени неполную и необъективную картину эволюции научной фантастики США и Англии.

Все это говорится не без оснований. Действительно, отнюдь не все достойные и показательные произведения отмечены этой наградой, причем в немалой мере — из-за вкусовщины, царящей в среде «фэнов». Часто, например, фактом присуждения премии «Хьюго» любители фантастики выражают свое уважение признанным авторитетам, а не литературным достоинствам конкретных книг (так было в случае с последними романами Кларка и Азимова). И верно, конечно, что «фэны» с большей охотой присуждают премии доброй старой — и что говорить, такой «понятной!» — фантастике образца сороковых-пятидесятых...

Однако следует помнить и о том, что «Хьюго» — прежде всего премия лучшему произведению года. Не автору, не преобладающей тенденции — а книге, повести, рассказу. Год же на год не приходится: бывало, что лауреатами «Хьюго» становились произведения не ахти какие — но именно потому, что год и в целом выглядел весьма бледно. Случалось и так, что кандидатами назывались сразу несколько высококлассных произведений, а приз в итоге должен был достаться одному из них.

И все-таки в массе своей произведения-лауреаты составили бы весьма неплохую, представительную и яркую библиотечку, по которой смело можно было бы знакомиться с американской (и с некоторыми оговорками — с английской) фантастикой. Эта библиотечка дает весьма объективную картину того, как эволюционируют вкусы и привязанности читающей публики.

Теперь уже не покажется удивительным, что наряду с признанными «грандами» — Робертом Хайнлайном, Айзеком Азимовым, Артуром Кларком и Фредериком Полем, а также продолжающими их линию авторами нового поколения — Ларри Нивеном и Джо Холдманом, среди награжденных мелькают имена и авторов-бунтарей, последователей «Новой Волны». Достаточно назвать хотя бы роман-гигант «Плечом к плечу на Занзибаре» англичанина Джона Браннера, который традиционным уж никак не назовешь!

Сводные же данные таковы. Десятку наиболее отличившихся ветеранов возглавляет Фриц Лейбер (6 наград). За ним следуют П. Андерсон (5), А. Азимов и Р. Хайнлайн (по 4), Филипп Хозе Фармер и А. Кларк (по 3), а также Джеймс Блэш, К. Саймак и Ф. Пол. За исключением, может быть, Фармера, который у нас пока не переводился, — знакомые все лица! (Увы, нет в этом списке имен Джона Уиндэма и

¹ В 1951—1957 годах английские «фэны», правда, присуждали «Интернациональную премию по фантастике» — ее лауреатами стали, в частности, Артур Кларк, Клиффорд Саймак, Теодор Старджон и автор трехтомной фантастической эпопеи «Повелитель Кольца» Дж. Р. Р. Толкин. Но большого резонанса эта премия не имела...

² О Гернсбеке и его «детнице» см. в прошлогоднем октябрьском номере «Уральского следопыта».

Рэя Брэдбери. Свои «главные» произведения они написали, в основном, в эпоху «до Хьюго». Кроме того, Рэя Брэдбери давно уже не числят по ведомству фантастики...» А в аналогичной «десятке» молодых — Харлан Эллисон (7), Ларри Нивен (5), Урсула Ле Гуин (4), Роджер Зелазни (3) и дважды лауреаты: Роберт Силверберг, Брайн Олдисс и Джеймс Типтри (псевдоним ученого-психолога Алисы Шелдон)¹.

Иногда на конвенциях присуждают так называемые «специальные премии». Ими награждались (как «наиболее перспективные молодые авторы») Б. Олдисс, Ф. Фармер, Д. Блиш и Р. Силверберг, а также писатели, выступавшие в амплуа критиков. Дважды присуждением «Хьюго-специальной» фантастика салютовала Айзеку Азимову: в 1963 году «за общий выдающийся вклад в развитие НФ», а в 1966 году — «за лучшую НФ серию всех времен» (трилогия «Основание»). Наконец, в 1960 году сам престарелый Гернсбек поднялся на трибуну, чтобы получить премию, названную его именем...

Но все-таки самое экстраординарное событие произошло в 1969 году. На очередной конвенции, собравшейся в городе Сент-Луисе, специальной премии «Хьюго» были удостоены астронавты Армстронг, Олдрин и Коллинз. Да еще с какой формулировкой: «за лучшую из когда-либо осуществленных посадок на Луну!». Так и останется этот факт примером неиссякаемого оптимизма, чувства юмора и какого-то непреходящего юношеского задора любителей фантастики.

Что может быть символичнее: фантастика награждает своими премиями людей, неумолимо превращающих ее в реальность!

Тринадцать лет премия «Хьюго» оставалась единственной значительной наградой в мире научной фантастики. Но вот в 1966 году у нее появилась первая серьезная конкурентка.

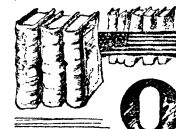
Годом раньше издательство «Даблдэй» предложило писателю Ллойдю Бигглу-младшему, в то время секретарю-казначее Ассоциации «Научные фантасты США», составить сборник лучших рассказов и поэстезей года. Биггл, в свою очередь, предложил Ассоциации взять под контроль издание такой антологии, превратить ее в ежегодную, а на доходы от продажи книги учредить новую премию по фантастике и присуждать ее на традиционных весенних встречах-конференциях членов Ассоциации.

Идея не залежалась под спудом. Известная писательница Кейт Вильхейм (жена писателя-фантаста Деймона Найта) нарисовала первый эскиз, а окончательную редакцию предложила еще одна «жена фантаста» (на этот раз — супруга Джеймса Блиша). Свержающая спиральная туманность, водруженная на основание из какого-то горного минерала, и все это впамяно в идеальный прозрачный параллелепипед... — получилось красиво, и название новой премии, «Небьюла» (так по-английски звучит «туманность»), закрепилось. Весной 1966 года «Небьюлу» впервые представили членам Ассоциации. И с той поры к привычной уже для американских любителей фантастики «осенней лихорадке» прибавилась еще и «весенняя».

Писатели-профессионалы решили также ограничиться четырьмя основными классами: роман, повесть, короткая повесть, рассказ. С 1974 года «Небьюлу» присуждают и драматической постановке. А со следующего, 1975-го, члены Ассоциации стали голосовать еще за одну премию, названную эффектно: «Великий Мастер», что в точности соответствует немецкому «гроссмейстер». Этим титулом писатели отдавали дань уважения своим коллегам-ветеранам: первым обладателем его стал Роберт Хайнлайн, а за ним — Джек Уильямсон, Клиффорд Саймак, Л. Спрэг де Кэмп.

Вначале казалось, что при присуждении премии «Небьюла» большее внимание будет обращаться на литературные достоинства произведений, а не на их соответствие неписаным канонам жанра. Однако накопленный статистический материал (полтора десятка лет — срок немалый) не дает оснований для подобных выводов. И среди неоднократных лауреатов мы встретим все те же знакомые имена — хотя, действительно, поколение шестидесятых представлено значительно солиднее и полнее. У «стариков» это Ф. Лейбер (3), П. Андерсон, А. Азимов, А. Кларк и Ф. Пол (все — по 2); у «молодых» — Сэмюэл Дилэни и Р. Силверберг (по 4), У. Ле Гуин, Х. Эллисон, Р. Зелазни и Д. Типтри (все — по 3)...

Стоит еще, пожалуй, отметить, что наиболее значительные вещи, из ряда тех, «о которых все говорят», как правило, делали дубль — завоевывали по своему классу обе премии сразу. Уникальным стал в этом отношении 1971 год, когда и профессионалы, и любители назвали лучшими одни и те же роман, повесть и рассказ.

О чем это говорит? О том ли, что любители заметно подросли в своих вкусах? Или, наоборот, о том, что снизили свои критерии профессионалы? Скорее всего, ни о том, ни о другом. Просто такова уж природа времени: уравнивать крайности, замазывать отдельные выбросы-флуктуации, исправлять волно или невольно допущенные досадные несправедливости.

В чем обе премии и вызывают обоснованные претензии, так это прежде всего в «проамериканском шовинизме»: в списках лауреатов даже англичане — редкие гости. А ведь конвенции по-прежнему именуются «Всемирными»... Это, видимо, и привело к тому, что в семидесятых годах стали возникать самые разнообразные альтернативные премии. Да что там возникать — посыпались, как из рога изобилия!

Тод 1972-й прошел для американской фантастики под знаком траура: скончался один из почитаемых «отцов-основателей», писатель и редактор Джон Кэмпбелл. Он умел открывать таланты десятками, создал целую эпоху в развитии американской фантастики, и неудивительно, что, как только его не стало, немедленно возникли сразу две новые премии. Одна из них, именуемая просто «Премия имени Кэмпбелла», присуждается на тех же «Всемирных Конвенциях» самому перспективному молодому автору года. А вот вторая, названная «Кэмпбелловской-мемориальной», оказалась в полном смысле слова революционной!

Во-первых, присуждают ее профессионалы, но не вся Ассоциация, а компетентное жюри, куда входят известные писатели — англичанин Брайн Олдисс, живущий в Ирландии Гарри Гаррисон, швед Сэм Лундвалл, американец Джеймс Ганн, а также три литературоведа — амери-

¹ Подробнее об этих писателях и их книгах можно прочесть в брошюре автора этой статьи «Виток спирали» (М., «Знамя», 1980).

канские профессора Т. Шиппи, М. Хиллегас и В. Мак-Нейли.

Вы заметили? Состав-то жюри — интернациональный! И интернационализация не осталась событием только внешним: в 1974 году премию разделил роман известного французского писателя Робера Мерля «Мальвиль», а в 1977-м почетное второе место заняла повесть братьев Стругацких «Пикник на обочине». А будь у советских книг, выпускаемых в США издательством «Макмиллан» (жюри рассматривает работы только на английском языке), чуть погромче реклама — неизвестно еще, кто бы вышел победителем!..

Ряд новых премий возник в особом поджанре фантастики — «фэнтэзи» (очень условно можно перевести это как «литературную сказку для взрослых»). Те, кто читал чудесную сказочную повесть Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит»¹, помнят, разумеется, доброго волшебника Гэндальфа — его-то именем и названа высшая премия в жанре «фэнтэзи». Высшая, но не единственная: на параллельных «Всемирных Конвенциях» (не уже любителей «фэнтэзи») присуждается свой аналог премии «Хьюго», и одним из последних лауреатов стал Рэй Бредбери.

Наконец, зашевелились и критики. У всех премии — а у них, критиков, что? И вот Ассоциация «Исследователи НФ США» учреждает собственную ежегодную награду, названную «Пилигримом» (в честь одной из пионерских работ в фантастиковедении — монографии Д. Бэйли «Пилигримы пространства и времени», вышедшей в свет в 1947 году). Отрадно отметить, что среди лауреатов премии «Пилигрима» — советский ученый, профессор Юлий Иосифович Кагарлицкий.

От критиков постарались не отстать и преподаватели научной фантастики, которая, по последним данным, изучается — как самостоятельная научная дисциплина — примерно в 1000 колледжей и университетов США и Англии. Ассоциация «Преподаватели НФ США» начала ежегодно присуждать премию «Юпитер»: за произведение, оказавшее — по мнению членов ассоциации — наибольшую помощь в их работе.

И так далее... Премия за лучшее поэтическое произведение в жанре фантастики (названная именем слепого космического барда Райслинга, героя известного у нас рассказа Р. Хайнлайна «Зеленые

холмы Земли»), премия популярной научно-фантастической газеты «Локус», издающейся в Сан-Франциско, премии Уэллсовского общества и Общества Толкина... В 1977 году учреждены сразу три именные премии: имени покойных Эдмонда Гамильтона и Джеймса Блиша — и пребывающего в добром здравии Фрица Лейбера!

А ведь есть еще специальные премии в мире НФ кино... Американцы, если уж чем увлекутся, то, как правило, без чувства меры: создается впечатление, что сейчас каждый год постоянно кто-то что-то кому-то присуждает — и не видно этому конца!

Однако что Америка — национальные премии по фантастике, как грибы после дождя, возникают и в других странах. В Англии местные профессионалы присуждают свой эквивалент «Небьюлы», во Франции и Италии существуют даже по две премии: «Аполло» и «Премия за лучший НФ роман» во Франции, «Серебряная комета» с «Итальянской премией по фантастике» — в Италии. Австралийская премия «Дитмар», «Немецкий Хьюго» (именно так назвали свою премию любители фантастики в Западной Германии), норвежская «Нова», венгерский «Золотой метеор», японский «Сейю»... Никто не хочет остаться в стороне!

Стал присуждать ежегодные (точнее, раз в два года) премии и Еврокон — Европейский конгресс научных фантастов, организация, в состав которой входит и Советский Союз. На Евроконе-4, состоявшемся летом 1976 года в польском городе Познани, премией был награжден почетный гость, летчик-космонавт Алексей Леонов. Награжден — за его фантастическое «хобби»: живописные полотна, на которых запечатлен ближний Космос, каким его увидел воочию художник-космонавт, и Космос дальний, увидеть который помогла ему фантазия...

Перечисляя национальные премии по фантастике, я намеренно «забыл» Швецию. Просто потому, что о премии имени Жюль Верна, которой шведские любители фантастики награждают лучшую НФ книгу года, вышедшую в Швеции, мне бы хотелось сказать отдельно.

У меня с этой премией связаны приятные личные воспоминания. Дело даже не в том, что собранная мною антология советского НФ рассказа «Весна света» в 1977 году

была названа лауреатом (тоже, что и говорить, приятно). Важнее другое: в следующем году премией опять была награждена советская книга — повесть Стругацких «Пикник на обочине». И вот эту-то премию, для последующей передачи авторам, мне посчастливилось получить лично.

Не забуду начало октября 1979 года, банкетный зал стокгольмского отеля «Амарантен», где собрались на прощальный ужин участники только что закончившегося скандинавского Конгресса НФ. Когда председательствующий Сэм Люндвалл, умело совмещавший официальные обязанности с нелегким положением тамады, провозгласил имена новых лауреатов — Аркадия и Бориса Стругацких, все взоры обратились к нам, членам советской делегации.

А я, принимая премию для Стругацких, жал руку Люндваллу, видел вокруг улыбающиеся добрые лица, и чувство гордости за нашу фантастику переполняло меня, в голове же шевелилась мысль: а почему — Швеция? Почему не у нас дома? Ведь все это можно было бы организовать и у нас: премии, рукопожатия, торжественную и в то же время безыскусно-дружескую церемонию...

же тогда я знал, что быть со временем и нашей отечественной премии по фантастике. Премии, которой мы сами могли бы отмечать лучшие книги года. И вот сейчас, когда я отбиваю на клавиатуре машинки эти слова, такая премия создана, и не за горами переезд ее присуждения.

Что ж, теперь советским любителям фантастики не придется подавлять в себе острое чувство зависти, читая, как где-то там кто-то что-то присуждает. У нас теперь хватит своих собственных переживаний в канун каждого апрельского Дня Космонавтики: кого же жюри назовет лауреатом? Лауреатом нашей, советской премии — «Аэлиты»?

¹ Книга вышла на русском языке в издательстве «Детская литература»; там же предполагают выпустить и гигантскую трилогию-эпопею Толкина, прологом к которой является «Хоббит».

Людмила ЖАРКОВА

Рисунок
Т. Анпилоговой

Утро — ясное и тихое мы, выпускницы Центральной женской снайперской школы, встретили на перроне Ржевского вокзала. Снаряжение боевое: винтовка, скатка, каска, вещмешок, противогаз, лопатка. Перед нами два товарных вагона, один отправится на Ленинградский, другой — на Калининский фронт.

Мы с Валею Драгуновой, снайперской моей парой, едем на Калининский фронт. Сколько было переживаний! Валею сразу зачислили в боевые списки, а меня вознамерились оставить в школе младшим командиром. Ну, нет! Все равно поеду на фронт! Ходила к майору Никифоровой, ревела целый час. Я плакала, а она улыбалась. Поймите же, говорю, у меня права не ехать на фронт, у меня по огневой одни отличные оценки.

Все-таки добилась своего!

...И вот мы на перроне. К строю подкатила легковая машина, вышли секретарь ЦК ВЛКСМ И. А. Михайлов и писатель В. П. Славский. Спросили: «Как настроение?» «Нормально», — отвечаем. Вручили нам два мешка подарков. Я получила финку, русско-немецкий словарь и бумагу для писем.

Только поезд дал ход, мы сразу запели: «Прощай, Москва, прощай, моя любимая. Стучат колеса, мчится эшелон. Приказ был ясен: явиться в час назначенный. И вот на запад уходит батальон...» Кто-то предложил подзаправиться, мы весело развязали мешки, достали НЗ. Ели с невиданным аппетитом. По эшелону из леса кто-то стрелял. Приказали закрыть двери. Потом состав заметила немецкая «рама». Паровоз набрал пары, мы же убежали в лес. Но

обошлось благополучно, поехали дальше. Я все про себя да про себя говорю, а нас, девчат, целый вагон. И какие!

Вот Галя Кочеткова из Рязани — черненькая, с карими глазами, отлично поет, голос сильный, только глаза почему-то печальные. Вот Тося Болтаева из Абакана — высокая, с большими серыми глазами, черными волосами, всегда веселая. Вот Ульяна Популлова — круглолицая, с веснушками, всегда серьезная. Вот Маша Галеня — небольшой рост, черненькая, опекает нас, как старшая сестра. Сима Самойлова, Саша Трофимова...

Я лежала и думала: милые подруги, как я раньше не замечала, что вы такие красивые! Майор Никифорова, сопровождающая, сказала, что нам присвоили звание ефрейторов, и мы с большим старанием стали нашивать лычки.

...Рано утром прибыли в Великие Луки. Город разбит порядком, особенно вокзал. Быстренько выгрузились. Построились. Поступила команда: громко не разговаривать, спички не жечь. Пришли в полупустой дом, спустились в подвал. На стенах — немецкие рисунки. На одном из них — немец в ушаге, а русская женщина моет ему спину. Ну, думаю, фриц, подожди, намалим тебе спину, поежишься.

Скоро застучали копыта, прибыл полковник верхом на лошади. Никифорова доложила о нашем прибытии. Он посмотрел строго и сказал: «Я-то думал, снайперов доставили, а тут одни девчонки!» Всю дорогу пели строевые песни: «Галю», «При лужке». Полковник заметил: «Ну, поете хорошо, посмотрим, как стреляе-

те». Отвели нам землянки со свежим сеном на нарах. Только сложили пожитки, как команда: «Становись!». Приказали готовить ужин из НЗ. Вот так раз! Мы же все съели. Стыдно было и смешно. Ужином нас все-таки накормили. Уснули, как мертвые.

Всю неделю били по мишеням. Иногда и ночью. А я тосковала по родному городу Энгельсу. Небольшой он, тихий, стоит на берегу Волги. Летом, бывало, целыми днями на реке пропадал. Или косим с отцом сено на займище. Какая красота! Столько цветов! И ветер нежный, кажется, не дует, а обдувает. Иногда отец рассказывал, как воевал у Чапаева. «Однажды бились с белками сутки, вышибли их из деревни, устали, я и уснул. Пришел связной из штаба. Будит, будит; а я не могу проснуться. Связной взял трубу, да как загудит в ухо. Я и вскочил. Пришел в штаб, а там комроты Сыров, сам Василий Иванович. Благодарность мне объявили. Хорошо, говорят, с белыми дрался, молодец».

Когда отец рассказывал, всегда почему-то плакала.

Не думала, что придется и мне быть на фронте. И вот мы на передовой. Какая она, настоящая передовая? Землянки врыты в склон сопки. Накаты в четыре слоя. Не пробьет! Походную кухню солдаты звали «балериной». Кормили хорошо — щи со шпиготом, гречневая каша, или, как ее называют, «темная ночь». Старшина заметил, что хлеб будем получать по 800 граммов в день, вместо махорки можно брать сахар. Навели мы в землянке порядком, нары застелили хвойными ветками, заправили плащпалатками. На столике поставили букет цветов.

На передовой впервые пришлось кланяться неприятельским минам. Связной, сопроводивший меня, смеялся: «Видишь, каких поросят бросают. Страшно? Ничего, привыкнешь». Вот и привыкала, наблюдала за немецкой обороной, окопами и амбразурами. Немцы ковырялись в окопах, выбрасывали вверх глину. Я не выдержала и дала выстрел по лопате. Но немцы в ответ помахали: дескать, не попала. Мой шеф, опытный снайпер — я звала его Коля, — осудил: «Не стреляй зря, не трать патроны! Да и себя ненароком обнаружишь». Коля объяснил мне, когда немцы ходят на обед, когда меняют посты. Я все высматривала, запоминала... Поздно вечером за мной забегала Валя Драгунова, и мы отправились в землянку. Дорога немцами простреливалась. Вообще, при отходе они занимали гос-

подствующие высоты, поджидали нас, били из пулеметов. Вот мы и передвигались затемно, то перебежками, то по-пластунски. Надевали летние маскхалаты, каски, плели на голову венки из веток, маскировались. Приходили в землянку, радовались, что живы, и спрашивали друг друга: «Ну как охота? Сколько?». Мои подруги уже открыли свой счет, а я ничем не могла похвалиться. Как-то вижу — бежит командир взвода лейтенант Миша Копейкин: «Ты ничего не знаешь — твою подругу ранило». Я быстро побежала, но опоздала. Валу уже отправили в батальон. Скорехонько — туда. Успела! Валя сказала: «Смотри, хорошенько маскируйся, видишь, немецкий снайпер попал мне прямо в оптику». И мне поручили заняться этим снайпером. Ночью выпозла на нейтралку. Окопалась. Замаскировалась. Стала наблюдать. Утром заметила кустик, которого вчера вроде не было. Вот, думаю, где ты, гад! Вдруг в кусте блеснула оптика, я ударила. Точно! Выбиралась ночью. И в землянке на столе ждал меня букет белых астр.

Так я открыла счет...

В октябре мы были на Всеармейском слете снайперов. Устроили и соревнования по стрельбе. Состязались с мужчинами. И мы заняли первое место. Острее глаз у девушек. На слет приезжал начальник снайперской школы подполковник Кольчак и военный корреспондент, писатель В. П. Ставский. Владимир Петрович попросил: «Девушки, я вот привез фотографа, давайте фотографироваться». Предложение, конечно, с радостью приняли. Ставский сказал, что будет писать книгу о девушках-снайперах. И обещал побывать у нас на переднем крае.

Немцы часто били по нашей обороне, мы несли потери. Назревала атака — очень хотелось освободить деревню. Но мешала река. Наступление назначили на утро. Разведчики бесшумно переправились, залегли. Ребята они смелые, отчаянные и — красивые. Мы, девочки, волновались за них. Как все обойдется? Зайдем ли деревню? Перед атакой писали письма. Настроение — приподнятое, будто готовились не к бою, а к празднику. Всех охватила какая-то удаля. Да и обороняться порядком надоело. Пришел лейтенант Чечин, спросил: «Ну, девчата, возьмем деревню?» И сам же ответил: «Конечно, возьмем, иначе и быть не может. А сейчас все, отбой!»

С рассветом разведчики завязали бой. Рота побежала к мосту. Заработал немецкий пулемет. Рота залегла. Чечин крикнул: «Снайперы, пулемет справа!». Но мы уже сами видели. Валя сняла пулеметчика. Я заметила, как выкатился на берег

еще и миномет. Ничего, думаю, не выйдет! В оптику увидела немецкого офицера в кителе нараспашку. Я его сразу сняла и кричу: «Валя, ты видишь миномет?» — «Вижу!» Мы били почти одновременно. Рота бежала через мост, уже многие дрались в немецких окопах. Немцы ударили из пушки, снаряд попал в середку моста. Не раздумывая, прыгнули в холодную воду и поплыли на победный берег. Деревню мы взяли! Досталось врагу порядком, но и у нас были потери. После боя все были возбуждены, страшно усталие, а главное, тяжело переживали гибель товарищей.

В начале ноября 1943 года батальон отправился для выполнения боевого задания в тыл к немцам. Пробрившись лесом. Заснешь на ходу — и идешь куда-нибудь в сторону, тебя хватают за руки, ставят в строй. Ночью подошли к реке, сделали привал. Было холодно. Ветер продувал насквозь. Мы, девочки, сидели на берегу, плотно прижавшись друг к другу. Разговаривать нельзя. Кашлянуть нельзя. Темнота. Холод. Не знаю, о чем думали подруги, а мне вспоминался дом... Вспоминалось, как нас, комсомольцев, Энгельский горком направил на уборку урожая под Сталинград.

А там уже шли тяжелые бои. Нас распределили по колхозам. Я попала в колхоз имени Сталина Ровенского района. Мне поручили работать агитатором. Оказалось, что агитировать надо хорошей работой. А работать тяжело... Мужчин не было, женщины да дети. Конями правили мальчишки 13—15 лет. Я на быках возила воду в бригаду. Один бык был косой и рыжий. Его звали Гитлером, а другого — черного, хромого, — Геббельсом. Солнце пекло, быки бросались к каждой луже. И никак оттуда не выгнать. Сажу на бочке в луже, плачу... По ночам караулили коней, чтоб волки не задрали. Немецкие самолеты летали через нас бомбить Саратов и Энгельс. И душа болела о доме. Как там?

...Когда саперы построили мостик, мы по одному перешли речку. Потом сбили плоты, стали переправлять коней, пушки. Пока управилась, рассвело. Дальше пошли лесом. Как красиво в лесу! Вся дорога устлана золотыми листьями. В обед сделали привал. Вдруг услышали в лесу крики. Конная разведка сообщила: рядом немцы. Нас подняли и объявили, что если обнаружат, примем бой. Но мы тихо-тихо прошли под носом у немцев. Только к ночи добрались до назначенного пункта. Постучались в дом. Открыли не сразу. Когда мы сказа-

ли, что свои, красные, хозяйка не поверила глазам: «Откуда вы, родные?». Разрыдалась. Обнимала нас, целовала. «Немцев в деревне нет, проходите в избу». Плакала, рассказывая, как мужа расстреляли, как дочку забрали за связь с партизанами, да и деревню почти всю сожгли. Одна-одинешенька теперь. Нас, девчонок, разместила на русской печке. Здесь, в деревне, мы и встретили праздник 7 ноября 1943 года. Пришли в гости местные партизаны. Мы пели для гостей, читали стихи. Одно плохо: хоззвод застрял где-то в пути, и нечего было есть. Здесь, под деревней Пугачевка, и простояли целый месяц. Наступила зима. Нам, снайперам, выдали шубы, валенки. Остальные бойцы носили телогрейки, ботинки. Мерзли. Каждый день немцы обстреливали из минометов. Мы внимательно просматривали в стереотрубу немецкие окопы, что надо, засекли. Говорили, что на Птаху (Птахинская высота), где шли тяжелые бои, приехал Ставский. Мы очень обрадовались и ждали его каждый день. Но потом пришла печальная весть о его гибели. На нейтралке стоял танк. Владимиру Петровичу очень хотелось посмотреть хваленую пантеру, и как ему ни запрещали, он все-таки ее осмотрел, но и немцы его засекли... Схоронили Владимира Петровича Ставского в Великих Луках.

Бой начали на рассвете. Сначала наша артиллерия била по немцам. Командир Сергей Лапо поднял роту в атаку. Немцы открыли пулеметный огонь. Сергея Лапо ранило в ноги, он упал. Пулемет так и сек бойцов. Залегли. Лейтенант Михаил Копейкин, вскочив на бруствер, крикнул: «За мной, славяне! За Родину! Ура!». Бойцы ринулись вперед. А Миша Копейкин, пробежав несколько метров, упал. Пуля попала в голову. Убило двух санитаров. Майор Назаров приказал забрать у санитаров сумки, заняться ранеными. Тося Болтаева, Валя Драгунова, Сима Самойлова, Саша Трофимова, Юля Популова и Женя Шаврук вытаскивали бойцов из-под огня, грузили их на подводы. Раненых становилось все больше, но немцев из траншей выбили. Всем хотелось пить, но воды нигде не было. Кругом черный снег... Немецкая артиллерия не унималась. Засыпало землей майора Назарова. Мы его откопали. Обрадовался. Я все перевязывала и перевязывала раненых. Смотрю, подходит ординарец капитана Салихова, наш сын полка Коля, и говорит: «Смотри, Люда, какую птичку поймали!». Оглядываюсь — впереди Коля немецкий танкист. С такой ненавистью смотрел на меня этот здоровенный

фриц! Я забеспокоилась за Колю — доведет ли? Ведь совсем ребенок, 14 лет. Но Коля сказал: «Не волнуйся, мне и не таких еще доверяли». И повел фрица на КП.

Немцы били и ночью. Командование взял на себя майор Назаров. Он приказал разыскать любым путем воду и продукты. Шли под обстрелом. Горели танки. Двигались грузовые машины с ранеными, раненые кричали, и от этих криков поднимались волосы на голове. А мы все шли. Когда набрали на своих, очень обрадовались. Набрали сухарей, воды, спирта, навешали на себя сколько могли и отправились назад. Утомленные бойцы обрадовались, стали делить сухари, пить воду. Настроение поднялось. Тосю направили в блиндаж к раненым. А мне приказали сидеть на КП у телефона. Майор Назаров вызывал по радиации артиллерию и просил подбросить огонька. Немцы хотели нас выбить из своих траншей. Бойцы выходили из строя. Положение становилось тяжелым. Мы ждали подкрепление. Снаряд попал в наш блиндаж. Разбросало накаты, ранило радиста. Связь оборвалась. Майор Назаров сказал мне: «Отправляйся в распоряжение врача Феди Тарана, у него полно раненых, а я пойду в роту, будем, доченька, держаться до последнего». Майор Назаров был пожилым человеком, я подумала: откуда у него берутся силы? Когда мы вышли из блиндажа, уже рассветало. К нам подошло подкрепление. Мы так обрадовались! Пришла и наша «балерина». Но кормить старшине было почти нечего. От батальона осталось семь человек. Седьмым был майор Назаров, этот небольшого роста, большой души, совсем уже пожилой человек, который был для нас и отцом, и другом. Мы учились у него храбрости, мужеству, честности.

Он и повел нас в тыл.

...И снова мы на передовой. Немцы на сопке, а мы внизу. Они стреляют буквально в упор. Передвигаться можно только ночью. Связь обрывалась каждую минуту, связисты гибли один за другим. Начались сильные холода, ледяные метели. По ночам мы, девчонки, вытаскивали тела убитых и хоронили их тут же в братских могилах. Прощальный залп давали из снайперских винтовок. Вскоре нас перебросили занимать исходные рубежи для наступления. Шли озером. И здесь я как назло заболела. Кружилась голова, подкашивались ноги. Комбат приказал мне остаться. Меня подобрал следом идущий хоззвод, доставил в медсанбат. Медсестра Шура Смирнова поместила меня в избу. Раненые на лавках, на полу, кричат в бреду. Хозяйка уложила

меня на русской печке, где спали трое малышей. Через несколько дней мне стало легче, температура спала, я пошла догонять часть.

А батальон держал оборону. Немецкие окопы за озером, в кустарнике. Немцы ходили смело, во весь рост. Мы с Тосей Болтаевой поработали на славу, заставили немцев ползать. Однажды я сменила позицию, меня обнаружили. Мина разорвалась рядом, меня с головы до ног засыпало листовками. Чего только не сулили нам немцы, чтобы мы переходили на их сторону. Бойцы, конечно, смеялись над листовками. Наступил Первомай. В Пустошке, в тылу у немцев, на здании школы развевался красный флаг, который мы хорошо видели. Это придавало сил. Из-под Пустошки Марию Галеня, Тосю Болтаеву и меня откомандировали в школу снайперов, где мы должны были готовить пополнение. В сентябре 1944 года пригласили на армейский слет снайперов. Я получила из рук генерала Юшкевича орден Славы III степени. И — отпуск домой на целый месяц...

Война, война... Вот ведь сердце человеческое какое — памятью живо, любовью.

И все потому, что воевали мы против зла, за красоту, добро и счастье на земле.

ПОКОРИТЕЛИ ЗОЛОТЫХ ВЕРШИН

Владимир
КРАСНОЯРОВ

О. А. Фирсова
за работой.
Лето 1943 г.

В ясный летний день или в хмурым осенний, на утренней заре или в зимних сумерках он всегда неповторимо прекрасен — Ленинград — город трех революций. Его мосты — величественные на Неве, ажурные, изящные на каналах и малых реках, его золотые вершины — шпили и купола, отражающиеся в зеркале вод, составляют своеобразие ленинградского пейзажа.

Шпиль собора Петропавловской крепости, только несколько лет назад уступивший первенство телевизионной башне; символ морской славы и одна из эмблем города — Адмиралтейская игла; шпиль Инженерного замка, золотая шапка Исаакия и купол Казанского собора... Днем они словно горят на солнце в дымчато-серой северной палитре красок, ночью сверкают в темноте, подсвеченные прожекторами. Ими любят все, — и жители города, и его гости, которым нет числа.

Но ленинградцы помнят дни, когда перестал сверкать могучий шлем Исаакиевского собора, померкли шпили Адмиралтейства и Инженерного замка, погасло сияние Петропавловского шпиля.

Это была Великая Отечественная война.

25 июля 1941 года была создана специальная служба технической маскировки города, штабом которой стало архитектурно - планировочное управление исполкома Ленгорсовета. По его решению были укрыты многие памятники. Огромные футляры скрыли Медного всадника, памятники В. И. Ленину у Финляндского вокзала и С. М. Кирову у здания

Кировского райсовета. В подземные «конюшни» отправились конные группы Аничкова моста, сошла с пьедестала скульптура Петра I у Инженерного замка.

В начале сентября 1941 года фашисты заняли Шлиссельбург, перерезав все сухопутные связи Ленинграда со страной. Берега Невы стали фронтом. Начались вражеские артиллерийские обстрелы и бомбардировки.

С Вороньей горы хорошо просматривались даже невооруженным глазом яркие, ослепительно блестящие на солнце шпили и купола. Они служили отличными ориентирами, по которым вражеская артиллерия вела прицельный огонь.

Нужно было решить, чем замаскировать золотые вершины и как осуществить это в кратчайшие сроки. Покрасить купол Исаакия было нетрудно, так как с верхней площадки собора можно было надежно страховать верхолазов. А вот для маскировки Адмиралтейской иглы, Петропавловского шпиля, куполов Никольского собора требовались опытейшие верхолазы - смельчаки. О строительстве лесов не могло быть и речи. Во-первых, уже не оставалось времени, во-вторых, первая же зажигательная бомба подожгла бы их.

Но как покрыть масляной краской под цвет ленинградского неба Адмиралтейскую иглу?

— Красить?! — районный архитектор Ольга Николаевна Шилина разволновалась. — Ни в коем случае нельзя покрывать краской Адмиралтейский шпиль. А как потом будем

снимать ее? Вы же знаете: поверхность шпиля — это тончайшие золотые пластины. Краской мы погубим их...

Ольга Николаевна предложила другой способ маскировки: надеть на шпиль маскировочный чехол. С Шилиной согласились. Но где найти людей, которые бы выполнили эту работу?

— А что, если пригласить альпинистов, — предложил кто-то.

Через несколько дней оставшиеся в городе альпинисты собрались в кабинете Н. Н. Белехова, начальника отдела охраны памятников. Их было четверо, молодых людей, готовых на подвиг, — пианистка Ольга Фирсова, делопроизводитель добровольного спортивного общества «Искусство» Александра Пригожева, недавний рабочий оптико-механического завода младший лейтенант Михаил Бобров, осветитель со студии «Ленфильм» Алоизий Земба.

Каждый из них не раз поднимался на горные вершины. Но то, что им предложили, было неизмеримо опаснее, сложнее. Тонкие, гладкие, колеблющиеся на ветру шпили Адмиралтейства, Петропавловского собора, Инженерного замка (амплитуда колебания Петропавловского шпиля достигает в сильный ветер полутора метров) гораздо труднее для подъема, чем горные вершины.

В своей послевоенной книге «Архитектура и строительство Ленинграда» Н. В. Баранов, в годы войны главный архитектор города, так писал о смельчаках-верхолазах, которым было поручено осуществ-

вить уникальные маскировочные работы:

«Дерзкий по своей вызывающей смелости, получивший мировую известность ремонт поврежденного ангела, венчающего шпиль Петропавловского собора, произведенный в 1830 году в спокойной мирной обстановке русским кровельщиком Петром Телушкиным, поблдедел перед маскировочными работами, проведенными полуголодными альпинистами осажденного Ленинграда».

Ранней осенью сорок первого, когда замкнулось кольцо блокады, Ольга Фирсова, Михаил Бобров, Алонзий Земба и Александра Пригожева пошли на свое первое задание. Позднее в бригаду пришли архитектор В. Н. Захарова, художница Т. Э. Визель, спортсменка Н. Г. Левина, выполнявшие страховку и подсобные работы. Техническое руководство возложили сначала на архитектора С. Н. Давыдова, а затем на М. И. Шестакова. Выпускник Ленинградской консерватории, опытейший альпинист, Шестаков с первых же дней войны ушел в народное ополчение и воевал под Ленинградом и был откомандирован с фронта для выполнения сложных маскировочных операций.

Смелая мысль о том, чтобы захелить, а не красить шпиль Адмиралтейства, стала претворяться в жизнь.

Теперь верхолазы воочию убедились, что красить шпиль было нельзя. Краска непременно повредила бы позолоту из тончайших лепестков золота, наложенных на специальный клей. Купол Исаакия и шпиль Петропавловского собора позолочены способом гальванопластики. На этих поверхностях был достаточно прочный слой позолоты, с которой без ущерба для нее можно было смыть краску каустической содой.

За одну ночь в Адмиралтействе был сшит из мешковины гигантский чехол. Но чтобы эту свернутую «юбку» для шпиля водрузить на 72-метровую высоту, распушить и натянуть на 32-метровую иглу, надо было на самой верхней точке укрепить блок.

Но как укрепить блок? До балкона подняться легко. А дальше? Внутри шпиля — сплошные деревянные конструкции: человеку там не протиснуться. Скоб на поверхности восьмигранника тоже нет. К тому же в своей верхней части шпиль тонок, венчают его так называемое яблоко, корона и вращающийся по ветру кораблик, сделанный из листовой меди и имеющий тонкий, непрочный каркас.

И тогда кому-то пришла счастливая мысль: использовать для укрепления блока аэростат. Укрепить блок было поручено старшему лейтенанту

В. Г. Судакову. Но не так-то просто оказалось выполнить задание. Легкий одноместный аэростат легко поднимался с земли, но ветер, который никогда не унимается на высоте, не давал приблизиться к шпилю. Каждую минуту грозила опасность: стоило шару лишь слегка задреть за острую пластину кораблика — катастрофа неминуема.

Только на пятнадцатый день повезло, когда выдалась штилевая погода. Судаков пришвартовался к шпилю, укрепил блок...

Теперь приступили к работе альпинисты. Сначала на шпиль поднялся Михаил Бобров. Он укрепил второй блок — для подъема чехла. За ним пошел Алонзий Земба. Оба они использовали альпинистскую технику восхождения.

Бобров и Земба с помощью второго блока подняли вверх чехлы для яблока и короны иглы. Как на скальном маршруте высшей категории, альпинисты поочередно брали высоту — находиться наверху мог лишь один человек. Надели чехлы на корону и яблоко, диаметр которого более метра. А затем настал черед наиболее сложной работы: нужно было поднять к вершине гигантский маскировочный «халат» весом около полутонны, а затем, постепенно расправляя мешковину, зашить чехол. Эту операцию поручили Ольге Фирсовой и Александре Пригожевой. На пронизывающем ветру, под обстрелом, когда вокруг свистели осколки снарядов, женщины сшивали озябшими пальцами мешковину, сменяя друг друга через 3—4 часа. Сидеть приходилось в неудобной позе — на тоненькой доске, подвешенной на веревочных петлях к блоку, как качели.

Когда чехол был зашит, вдруг хлынул сильнейший ливень. Намокнув, а затем высохнув на солнце, мешковина села, натянулась и даже местами полопалась. Ветер трепал обрывки, стегал ими по шпилю, грозя повредить позолоту. Снова и снова поднимались девушки на шпиль. Починив чехол, они обвили иглу, виток за витком, крепкой толстой бечевкой.

До конца войны еще много раз приходилось подниматься на шпиль, чтобы чинить чехол, который рвало осколками бомб и снарядов. Сначала это делали две женщины — Александра Пригожева и Ольга Фирсова, а после смерти Александры хранительницей шпиля осталась одна Ольга.

Закончив работы на Адмиралтействе, верхолазы перебрались на Инженерный замок. И здесь нужно было сначала установить блок для подъема чехла и верхолазов. Это сделали М. Бобров и А. Земба. На этот раз обошлось без аэростата. Шпиль Инженерного замка значительно ни-

же Адмиралтейского. Одна пожарная лестница была приставлена под углом с земли до крыши замка, к опозованию шпиля, другая, упираясь в верхнюю часть первой лестницы, дотянулась до креста, венчавшего шпиль.

Укрепив там двойной блок, Бобров и Земба подтянули наверх брезентовый чехол, а затем перешли работать на Петропавловский собор. Защищать чехол остались Фирсова и Пригожева.

Работать на высоте становилось все труднее. В осажденном городе наступил голод. Но маскировочные работы продолжались. Поздней осенью 1941 года началась маскировка шпиля Петропавловского собора. Подъем на шпиль проходил так: вначале по винтовой лестнице верхолазы добрались до слухового окна, потом Бобров по внутренним конструкциям шпиля поднялся до основания шара. Здесь он дредлю проделал отверстие, пропустил страховочный трос с петлей наружу. Затем Земба поднялся уже снаружи от слухового окна к шару.

— В этот момент, — вспоминает Бобров, — начался артиллерийский обстрел. Оттуда, с самой высокой точки города, видно было, как рушились стены зданий. А мы с Алонзием Зембой, стиснув зубы, устанавливали блоки — два для самих себя и еще два для подъема ведер с краской. Надо было торопиться...

Потянулись долгие, томительные дни. Метр за метром покрывали Бобров и Земба краской позолоту шпиля.

В один из налетов бомба упала у Петропавловского собора. Михаила, висевшего как раз со стороны площади, взрывной волной подбросило вверх и отнесло от шпиля, он не успел подстраховаться и ударился головой о шпиль. Алонзий работал на пять метров ниже шара. Он добрался к Михаилу и оказал ему помощь.

На другой день Земба снова поднялся на шпиль. И так каждый день — больной, полуголодный, часами висел он над городом.

Краска застывала на морозе. Одно и то же место приходилось перекрашивать по нескольку раз. Потерев варежкой обожженные на морозе щеки, они работали, работали...

Шли дни, месяцы. Редела бригада смельчаков. Не стало Александры Пригожевой и Алонзия Зембы. Где-то далеко на Кавказе воевал Михаил Бобров.

Весной 1942 года, когда понадобилось отремонтировать обветшалую мешковину на шпилях Адмиралтейства, Инженерного замка, покрасить купол Петропавловского собора, пополнилась бригада верхолазов. С фронта в Ленинград откомандировали Михаила Ивановича Шестакова.

Но нужен был и еще один человек, который страховал бы верхолазов, поднимал ведра с краской, не боялся высоты. Таким оказался... виолончелист оркестра радиокомитета Андрей Николаевич Сафонов. Пришла в бригаду и художница Татьяна Эмильевна Визель.

Однажды осенью 1942 года, когда бригада работала на шпиль Петропавловского собора на высоте 120 метров, над головой смельчаков разыгрался воздушный бой. Татьяна Эмильевна Визель до последних дней жизни хранила пустую гильзу, которая упала к ее ногам с самолета.

Незабываемая весна сорок пятого года. Хотя небо нередко хмурилось и Нева поздно освободилась ото льда — ленинградцам казалось, что погода стоит отличная. Предчувствие близкой победы поднимало настроение, вливалось новые силы. Уже вернулись на Анничков мост Клодтовы кони, освободился от укрытия Медный всадник, восстанавливались дома, улицы, площади, набережные. И только скрытые чехлами и краской золотые шпили и купола еще не излучали света, не радовали глаз.

В последний день апреля 1945 года специальная маскировочная бригада получила приказ демаскировать золотые вершины города.

В своей выдавшей виды брезентовой штормовке Ольга Фирсова висит под облаками на обтянутом серым чехлом шпиле. А кругом — необъятная ширь, залитые солнечными потоками, одетые в кумач улицы и проспекты. Совсем рядом, на балконе Адмиралтейства, в нескольких метрах от нее, крепко держат страховочные веревки Михаил Шестаков и Татьяна Визель. Вспомнились Алоизий Земба и Аля Пригожева — больно защемило сердце. Не дождался они этой минуты. А где-то сейчас Судаков? Может, на западе, возможно, под Берлином? А Михаил Бобров, уехавший на Кавказский фронт? Что с ним? Жив ли?

...А ветер не унимался. Ольга Афанасьевна извлекла из куртки остро отточенный нож, вспорола маскировку, облежавшую кораблик. И вдруг, словно вынырнув откуда-то, ослепительным блеском засиял фрегат. Ветер тотчас же надул чехол. Еще взмах ножа — и мешковина полетела вниз.

Теперь надо было сделать, пожалуй, самое трудное — распороть сверху вниз гигантский чехол, облежавший шпиль, и обязательно с подветренной стороны. Тогда ветер станет союзником, прижмет мешковину к шпиле. Медленно тянутся минуты. Наконец, Фирсова надрезала веревку, опоясывавшую чехол, и гигантская одежда, плотно прижимаемая ветром к шпиле, стала медленно сползать к балкону, где ее принимали, складывали.

И вот ослепительно засияла, за-

сверкала на солнце игла. Оставалось выполнить последнюю, весьма опасную операцию: снять со шпиля блоки. Это взял на себя М. И. Шестаков. Сначала он открепил и опустил вниз один блок. Наконец настал миг, когда верхолаз, сняв второй блок, должен был сам спуститься вниз. Шестаков прикрепит себя к канату, пропущенному им уже без блока, через крестовину короны. Спускаться нужно было очень осторожно, чтобы веревка не перетерлась.

В первые же послевоенные недели Шестаков, Фирсова и Визель демаскировали шпили Инженерного замка, Предтеченской церкви, купола Никольского собора.

Пожалуй, труднее всего оказалось снимать маскировку со шпиля Петропавловского собора. Тут требовалось не только убрать блоки и металлические тросы, но и смыть затвердевшую серую масляную краску. Эту работу взялся выполнить балтийский моряк Н. М. Милорадов.

Прошло более десяти лет, прежде чем шпили Петропавловского собора, изрядно потускневший после маскировки, покрылся свежей позолотой. Задание исполкома Ленсовета по золочению шпиля было приурочено к 250-летию Ленинграда, а выполняли его спортсмены-спартаковцы, мастера международного класса по альпинизму П. П. Буданов, К. Б. Клецко, горнолыжник О. П. Тихонов и бывалый верхолаз архитектор Ю. П. Сегальский.

После войны Ольга Афанасьевна Фирсова руководила хоровыми коллективами в клубе университета, во Дворце культуры имени Ленсовета. Не забывала и о спорте.

Первая встреча верхолазов состоялась у подножия Петропавловского собора несколько лет назад. К удивлению всех, Ольга Афанасьевна пришла на нее в той самой куртке-штормовке, в которой работала на высоте всю войну... и поднялась на шпиль. Страховали ее молодые альпинисты.

На этой встрече был и высокий светловолосый человек в форме подполковника. Он поднялся на шпиль до Фирсовой и закрепил там для нее страховочную веревку. Это был Михаил Михайлович Бобров — тот самый Миша Бобров, что осенью сорок первого маскировал этот шпиль, а потом воевал с фашистами на горных перевалах Кавказа.

Всего несколько лет — до и после Великой Отечественной войны — Михаилу Ивановичу Шестакову, питомцу Ленинградской консерватории, довелось работать по специальности. Он работал в филармонии, преподавал в одной из музыкальных школ. Но город бурно восстанавливался, людей, умеющих работать на большой высоте, не было, и он снова

Бригадир альпинистов-верхолазов М. И. Шестаков перед подъемом на шпиль Петропавловского собора. 1944 г.

стал верхолазом. Забирался под своды Исаакия, когда вспыхнувший там пожар угрожал плафонам, ремонтировал купол Смольного собора, работал в Нарве, Таллине. Вторая профессия верхолаза стала главной.

В Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР, к глубокому сожалению, уже после кончины Шестакова, рассмотрели и одобрили предложенный им канатный способ верхолазных работ, позволяющий совершить подъем без устройства лесов и защитных поясов. Этот способ он использовал при ремонте чехла на шпиле Инженерного замка в годы блокады. Новый метод прошел проверку при сооружении Братской, Токтогульской, Красноярской и других гидроэлектростанций.

Покорители «золотых вершин» часто встречаются, вспоминая пережитое. По сложившейся традиции местом сбора они назначают собор Петропавловской крепости или Адмиралтейство, где все — память о трудных и героических днях.

РЕКА МОЕГО ДЕТСТВА

Юрий
СКОРОБОГАТОВ

Рисунки
С. Сухова

НА БЕРЕГУ ПЛАВАТЬ НЕ УЧАТСЯ

Только что я был утопленником. И вот лежу на мягком горячем песке и вижу пронзительно голубое небо. Хочется смотреть и смотреть на это голубое. Но его почти целиком заслоняют лица. Мальчишкам жутко и любопытно. Где в другой раз увидишь живого утопленника?

Меня стошнило водой, в глазах все постепенно очертилось четко. Мои спасатели и просто ротозеи разулыбались. Они радовались и любили меня. Как никогда прежде и никогда в будущем. Ведь младших чаще просто терпят, редких, обгоняющих свой возраст, уважают, но никогда не любят, не боготворят в ребячьем мире. Меня в тот миг любили, что остался жи-

вой, что лишь нахлебался мутной воды, не захлебнулся насмерть.

Так закончился мой первый шаг в завоевании реки. Только что попытался перебраться через Лог, как называли место на нашем краю деревни. Тут глубокий овраг впадал в реку. В половодье он становился заливом. В нем вода прогревалась быстрее, и здесь ребята раньше всего начинала купаться. Первыми в деревне, чем очень гордились.

По правилам считался мало-мальски умеющим плавать всякий, кто сумеет перебраться на другой берег Лога. В эту весну, а в начале жизни мы всегда взрослеем веснами, таинственный зов повелел мне совершить этот шаг. Плавать я не умел даже «по-собачьи». Но жажда показаться старше и сильнее была велика. И решился я на хитрость. Если не переплыть, то перенырнуть, перейти Лог под водой по дну. Всего каких-то пять-шесть метров в самом глубоком месте.

Ребята постарше дурачились, гонялись в воде наперегонки, лихо прыгали с обрыва вниз головой. Нужно было во что бы то ни стало сравняться с ними в ловкости, быть как они. Набрал в себя побольше воздуха и, даже не сказав никому ничего, пошел.

Как потом оказалось, спасли чисто случайно. Кто-то из старших захотел перевезти меня на спине, чтобы доказать свою силу. А меня нет. Был здесь, и не стало.

Едва научившийся складывать слова соседский Генка подсказал: «Юлка утонул». Стали нырять. Наткнулись почти уже в Иртыше, куда понесло природным течением Лога мое безвольное тело.

Наткнулись сразу двое: Толька и другой Генка, Волков, однофамилец карапуза Генки. Мне вторично повезло. Потому что в одиночку ни один из них вытащить не смог бы. Там уже начинался Иртыш, сердитый и сильный в эту пору. Генка и Толька не могли потом никак решить, кто первым коснулся меня, а значит, больше права имеет считаться спасителем...

Страх после своей неудачи в Логу не запомнил. Не побоялся, видать, и что дома влетит. Или считал, может быть, что семь бед — один ответ. Наверное, так. Потому что, отогревшись и хорошо отдышавшись, уже на виду у всех перенырнул этот чертов Лог. Может быть, была это храбрость от незнания. А может, выше страха было желание доказать свою силу и ловкость.

Но плавать «по-собачьи» (то есть беспорядочно колотя по воде руками и ногами) и на махах (так называли сажени у нас) научился именно этой весной. Это было еще до школы. А в школу пошел шести лет. И до сих пор благодарен Иртышу, что пожалел меня он, как жалеют большие звери беспомощного челове-

ского детеныша. Пусть я был несмышлениш, но жить учился по мудрому инстинкту — отстаивать.

Много рек потом видел, на некоторых жил, но моя — Иртыш. Так навсегда и отложилось в сознании, что река — это всегда огромное, спокойное, неударжимое и вечное... Такая примет в себя любое горе, поможет, утешит. Захочет — спасет, захочет — отнимет жизнь. Она как судьба, и как судьба — одна. На всю жизнь.

В ту весну в Логу поступил я в первый класс школы Иртыша. В средних классах надо было проплывать вдоль всей деревни, без усталости играть в догоняшки. Плыть надо было по течению и даже не обязательно далеко от берега, хотя выхвалялись, кто заплывет дальше. Самое важное — без отдыха плыть. И чтобы не мухлевать, не отталкиваться ото дна. Обман карался без снисхождения: не брали в игру, по-всякому осмеивали. Лучшее было открыто на кося отдохнуть, найдя благодидный предлог. Заплывы заманивали. С воды жизнь нашей Покровской выглядела иначе, интересней.

Но выпускным классом считалось переплыть Иртыш. В те годы у нашей деревни даже в середине лета он разлегался в ширину на целый километр. Конечно, если кто не решался Иртыш переплыть, его не осмеивали. Но переплывший хоть раз получал как бы особое звание. И на всю жизнь. Лыстило, манило, будоражило и жгло каждого деревенского подростка заработать право сказать: «Что мне, я Иртыш переплывал». Однако велик был Иртыш. Уважение и трепет внушал он, потому и риск был велик.

У нас отваживались плавать «за реку» лишь в старших классах, а школа была семилетняя. По тем временам, значит, подростки не менее четырнадцати-шестнадцати лет. У меня чесаться руки начали лет в тринадцать. К тому времени умел уже плавать «по-морскому», умел отдыхать на спине. Но в этом была и своя опасность. Медленно плыть, а эти стили были из таких, значит — долго. А в реке сибирской и полноводной, даже в середине лета вполне можно замерзнуть. Как сводит ноги судорогой, знал каждый, если не по опыту, так по рассказам. Да и были мы в свое послевоенное детство худущие, как на подбор.

Был июль. День плыл тихий и солнечный. Мелюзга не вылезала из воды. Решили сплавить через реку впятером. Меня взяли в попутчики с сомнением: в нашем кругу считался я слабым, был без нужного в таком деле запаса сил.

— Не струсил? — спросил Витька Погодаев, племянник старшины бакенщиков, старший из пятерых.

— Испугаюсь — вернусь.

— Ну ладно, коли так.

Зашли мы выше по течению к перекату, от деревни километра за два. Там стоял сигнальный столб пароходам. Мы звали его красным, хотя был он полосатым. От того красного столба пошел я на главное преодоление.

По перекату дошли почти до середины реки. Немного проплыли и попали на стрежень. Подхватило и понесло. И вода здесь казалась всегда холоднее, и течение напирало сильнее, и воронки обегали тело, щекоча, как в жуткой сказке про покойников.

И само собой — глубина. Достать песок со дна для доказательства отваживался тут не каждый.

Даже у Витьки здесь в каждом глазу по испугу. Но никакой паники и суеты. Знали, на что шли. И чем дальше, тем быстрее несет. Вот уже и пароходная дорога — фарватер. Все, помню, казалось, что вот-вот вывалит из пучины зубастая рыбина необыкновенной величины и ухватит за ногу. Какой-нибудь чудо-юдо рыбаки. Не могла в такой прорве обитать нормальная рыба, а только страшная и огромная.

Разумеется, на долбленке ранее бывал тут много раз. И плавал рядом с лодкой. Но одно дело, когда лодка рядом, и совсем другое, когда ты с малым запасом силенок на самом хребте свирепой реки егозишь лягушонком. И хоть знал, что на стрежне-то как раз и нет рыбы почти никакой, разве что шальную нельму встретишь на проходе, все равно было не по себе.

От фарватера остров — он был почти у того берега — стал приближаться медленнее. Называли его Домашним. Как была Домашняя роща, Домашнее озеро. Значит, самые близкие к дому. Их можно было просто называть Рощей, Озером, Островом и все равно понятно было, о каком речь идет.

Со своим надежным «морским» стилем я безнадежно отстал. А плыть одному по стрежню неуютно. Одно время думал, а не повернуть ли назад. Вдруг так захотелось на свой берег, на горячий песок и хрустеть прохладным огурцом. Но вынесло уже на излучину, на плес, и назад стало дальше, чем вперед. Оставалось одно — покорять Иртыш.

И позднее, не стыжусь сказать, приходилось успешно завершать дело лишь потому, что пути назад, вопреки возникшему желанию и сомнению, уже не было. Тогда отбрасываются колебания, тогда все помыслы — только вперед!

Ребята выбрались уже на остров, им не впервой, и блаженно грелись. А ко мне остров только приближался и стремительно понесся мимо, илистый, опутанный корнями ивовых кустов. Тут было течение еще сильнее.

Заторопился, замельтешил и чуть не оплошал. Силы стали быстро-быстро убывать. Опомнился, повернулся на спину передохнуть.

И только-только успел схватиться, как за корабельные снасти, за повисшие плети, корни самых последних на острове кустов. Не успей, пришлось бы пилить до основного берега, еще метров сто или двести. И доплыл ли, еще гадать надо.

Через весь остров, к дюнам из белого бархатистого песка на мысу, брел я вконец усталый и гордый. Вдалеке виднелся наш берег. А вон и взвоз, наш огород, и бабушка с ведрами идет поливать помидоры. И мне бы надо поливать, помочь старенькой, а я тут. Знала бы она, вот было бы переполоху!.. «У-у, вольница», — грозила бы, тянулась бы к плетню за хворостинной. А может быть, заплакала бы мелкими бегучими слезами, приговаривая: «Мотри, внучек, не утони. Не оставь нас сиротами. Изревушь ведь, слезами изойду вся». Бабушка у меня была добрая, в ласковых морщинах, любила меня, младшего из внуков. И я любил ее. И, наверно, больше матери. Бывает ведь такое.

Когда подошел ко всем, парни посбрасывали трусишки — ведь никто не видит — и бегали вдогоняшки. Иного способа отметить обретенную свободу почему-то не нашлось. Какие-то стали дикие от радости. Взыграло что-то. А оправдывались, что нужно согреться.

Мне же не до беготни было, дай бог успеть отдохнуть. Ведь надо еще возвращаться назад. И тоже вплавь. И не успел досыта отлежаться. Неугомонный, как всегда, Витька скомандовал:

— Хватит, нагрелись. Скоро вечер, надо поливать. Кто слабый, пусть валяется, кто сильный, тот за мной.

Интересно, кто согласится слабым стать. И снова зашли высоко против течения, чтобы снесло как раз к своему взвозу. Я снова плыл последним. И снова стрежень заставил поневоле напрягаться, махать руками резче, не экономить силы. Но страха не было, потому что был я совсем усталый и равнодушный. Только темная волна холодной жути вдруг окатывала до пальцев ног.

Почти к самому стрежню приплыли в лодке встречать нас ребятишки помладше. Так было договорено заранее. Иначе Витькин дядя не дал бы. Лодка эта не для баловства, и дядя Гриша обычно не давал ее никому. И хорошо еще, что был он дома, без него никто бы не рискнул отомкнуть замок, каким она была заперта на цепи.

Я к тому об этом говорю, что меня опять пронесло мимо. Не только мимо своего берега. Даже на перекаат гораздо ниже по течению не успел. Постоянный дружок Толька Бубеннов, тоже сильно отставший, хоть на перекаат попал. До берега еще далеко, а он уже по дну пешком идет.

Вот теперь стало по-настоящему плохо. Берег приближался как бы нехотя. Подо мной

яма, какие бывают всегда за перекатами. И в этой яме незадолго перед тем утонул парнишка, наш ровесник, приехавший из города к родственникам на каникулы. Из воды его вытащили бреднем, иначе не могли найти, потом не меньше часа пытались оживить. И без толку. И что главное — воды в нем почти не было. Врачиха сказала, что умер он от страха.

У меня страха, как уже говорил, не было. Но руки стали плетьюми, не поднимаются. И равнодушные. Ничего не хочется. На дно опустился померять, глубоко ли? Глубоко. Оттолкнулся, всплыл, помахал маленько руками и снова на дно. Решил опускаться и ото дна к берегу подталкиваться. В голове уже мутно стало. И вижу плохо, и все ватным сделалось.

А лодка, как на грех, далеко. Мальчишки, уверившиеся, что все благополучно доплыли, наметились погонять на легкой и ходкой дяди Гришиной «тоболке». А кричать-то мне стыдно. И почему-то бабушку вижу всю в слезах.

Хорошо Витька, забравшийся в лодку, заметил неладное. И хорошо, что лодка у дяди Гриши легкая на ходу. Подоспела в самое время, когда уже последние разы «нырять», когда уже хотелось лечь на дно и не двигаться.

За волосы меня, по всем правилам, чтобы ненароком в реку не утащил, подняли из воды, перевалили через борт.

— Че не кричал, дурачок? Че не звал сразу?

У Витьки слезы на глазах, такой, наверно, вид у меня. А я и в лодке ничего сказать не могу. Кто-то поправляет:

— Он кричал, только тихо, неслышно.

А я и не помню. И трясет всего. Причалил, на песок упал. Он горячий, как сковородка, а меня все равно трясет, не могу согреться, и только. Когда уже смог сесть, глазами смерил, сколько проплыл — много получилось. Ни разу столько не одолевал.

Обо всем этом договорились дома не болтать, а то и лодку давать перестанут, и совсем купаться запретят. Конечно, этот запрет, что зайцу велосипед, но все-таки...

Праздничного настроения от заплыва не было.

Снова сплавать «за реку» не решался долго. Но решился. И в этот раз уже чувствовал себя уверенно. А потом и совсем в любую погоду на любой посудине, хоть в корыте, не боялся на реке. Зная, что в любом случае до берега сумею добраться. И многое, что потом дал мне Иртыш, что сделал я на реке, стало возможным только из-за этой уверенности. И еще понял, что гибнет человек не в борьбе, когда перестает бороться. С тех пор знаю и как выглядит настоящая усталость, самая последняя, и страшусь ее.

Главное, что вошло в меня, так это правило начинать и не отступать. Поплыть и на берег

не оборачиваться. Помню, вскорости так получилось. Был на нашем краю Копылов. Здоровый парень, а дурной. И весь недобрый. Играли мы в городки, летом был у нас на городки сезон. Прицепился этот Копылов и стал изгаляться. А тут еще возьми и сорвись бита и попади ему в ногу. Все, понял я, быть битому. Но тут включилось что-то внутри, схватил я битую и здорово-таки стукнул по руке, уже протянувшейся ко мне. Теперь уж и вовсе нет отступления. И про себя решил: будь что будет. Побежишь, всю жизнь бегать будешь. Не знаю, что там было на моем лице, а только намерился стоять я до конца твердо. Что-то понял, видно, Копылов, поухмылялся, но не тронул, «простил». И больше не цеплялся.

Вот так и не научился на помощь звать, надеясь выкарабкаться своими силами. Не научился и осмотрительности.

А начинать, увы, почему-то всегда оказывалось чуть не самым трудным. И до сих пор. ...Был еще третий случай смертельной игры с рекой. Сам по себе ничем не примечательный, но не вспомнить о нем не могу.

Осенью случилось. По стрежню еще шла последняя шуга, а по берегам уже встал крепкий лед. Любили мы на коньках кататься по свежему гладкому льду. Поехали вот так перед уроками с Витьком Симоном. Одни на Иртыше. Лед зеркальный. Все внове. Коньки пробуем, тростями острыми железными толкаемся. А лед прогибается, потрескивает. Страшно и любопытно. Ну и доразвлекались. Попали на самую гладкую, самую просторную бывшую полянью. Приостановились на середине ее полюбоваться красивым местом, а лед не выдержал и треснул. Это когда едешь, потрескивает, а как остановишься — хан! Красиво треснул, провалились оба враз.

А лед тонкий, скользкий. Ты на него наваливаешься, а он под тобой обламывается. Уже струйки ледяные по ногам поползли, а до прочного льда далеко. Стал я обламывать лед кулаками. Соплю и ломаю. Страшнее всего сорваться и под лед попасть. Там уж окончательно каюк. Один раз, правда, унырнул. Но успел за край льдины ухватиться, подтянулся против течения. Выдержал тонкий лед, не обломился.

Тут и толстый близко, выбрался на него. Сам выбрался, а Симон, он классом младше учился, еще в воде. Развязал я ремень, протягиваю ему, не достать. Витька Симон в слезы, кричит, паникует. Назад ползком, к трости железной, вынутой, кстати, из дедовой оградки на кладбище, ремень привязал, снова попластунски к дружку. Дотолкнул я трость, тот ухватился. Я носками коньков уперся в лед. Выкарабкались.

Вышли на берег, сели на перевернутую лод-

ку, давай воду из валенок выливать, носки с портянками отжимать. А одежонка льдом залубенела, гремит и хрустит, ломается. Сидим и домой боимся идти: попадет. Не за то, что вымокли, а за страх родительский нас отдубасят. Его — отец с матерью, меня — дед с бабкой. А тут еще в школу пора. Не пойти — там влетит.

Тут и гонцы к нам: Витькины братишки. Видать, кто-то заметил нас, дома рассказал. Родители ему велели идти домой, грозятся. Пошли, делать нечего. Он в свой переулочок свернул, я — в свой. У ворот бабушка с хвостистой. Никогда не била она, а тут замахнулась: «Ирод ты! Окаянный! У-у, вольница. А утонул бы?!» Только тут я понял, что могло бы произойти. А там на льду ничего такого в голову не приходило. Одно знал, нельзя под льдину попасть. Все еще раз пережил, на печке отсиживаясь. Какая там школа! Так и отсиделись с Витькой по печкам и никакой простуды не пристало.

Я к чему этот случай вспомнил? А к тому, что я трижды, получается, в Иртыше тонул и не утонул. А ведь по поверью все до трех раз делается. Значит, сказала древняя и кривая бабка Семениха, от воды смерть не приму.

Может, смешно такое суеверие. Но это помогает чувствовать себя уверенно в море, в озере, в реке. До сих пор и вправду везло, хотя и были передраги разные. Вот и думаю теперь, что удача, кроме случая, кроется в уверенности в себе. Ведь неуверенному и удача не представится.

Во всяком случае я очень благодарен Иртышу за его щедрость, что не принял меня в свои успокоительные воды, даровал жизнь, даже когда столь безумно ею рисковал. Может, для иных дел оставила меня моя река? И где оно, мое дело, где свершить его назначено? Оправдал ли я щедрость моей реки?

КОНЬКИ-ДУТЫШИ

Летом Иртыш звал в дороги дальние и длинные. Это прочно связывалось с большими белыми пароходами, из дали выходящими и в сказочную даль отплывающими.

Весной в ледоход река дразнила рисково поиграть с ней. Именно таким было катание на льдинах. Забавы эти зачастую кончались ледяным купанием, пропущенными уроками, простуженным горлом и домашней трепкой.

По-особому красив бывал Иртыш ранней зимой, когда молодые льды не успевали еще

укутаться убродными снегами. Голубые искры панцирей, звон стали и льда, прозрачный ветер, как бы с прищуром, даль легка и досягаема. Таким витязем предстал он, омоложенный ледоставом.

И тут, кстати, вспомнилось, что Иртыш-то — река ратная. Удалая... И звон копыт лихой дружины блажился эхом из-за мыса. Ах, не дружины. Всего лишь горластой ватагой твоих дружков. И не кони, а коньки... Но все равно: в набег, в налет! Где она, верная шашка? Ура-а! Да-е-е-ещь!

Жажда схватки находила себя в хоккейных баталиях. Не казачьи, конечно, шашки, а клюшки. Поле битвы — замерзшая полынья. Форма и снаряжение тогда были едиными: кто во что одет, у кого сыскалось хотя бы по одной «снегурке» или «ледянке» — уже хорошо, да были бы еще хоть на десятый раз подшитые валенки. Выбирай подходящую палку для клюшки и вставай в команду. Благо игроков принималось неограниченно. И вообще из правил игры знавались только два: гол и возвращение из-за линии ворот угнанной явно далеко деревяшки или того, что исполняло роль мяча или шайбы. Впрочем, о канадском хоккее тогда мы и не знали. Драться клюшками тоже было не в обычае.

Так сражались, забыв о еде, до самой темноты, до той поры, бывало, когда уже с яра, сверху раздавались голоса матерей и бабушек, скликающих неутомимое воинство по домам.

Играли однажды в такой вот хоккей под берегом напротив школы. Было солнечное воскресенье. Играли давно, а гола все забить не могли. То ли слишком большая толпа собралась на истерзанном льду. То ли команды равно ложились костями. Неутоленная же страсть, как известно, самая сильная. Нужна была победа. Жар ярости плавил иней. Из игры, похоже, вызревала драка.

Она не вызрела. Из-за Поповского взвоза выскочил громоотвод. Он был, как мы, мальчишкой, в рыжей шапке и с коньками на пимах. Он резво отмахивал руками и тут же оказался возле нас.

Чужак — всегда интересно.

— Эй! Ты откуда?

— Из тридцать первого.

Был такой совхоз под номером в девяти километрах ниже нас по течению. Пришельца, не торопясь, окружили. Так окружали, наверное, дикари миссионера. Но там понятно, человек из другого мира. А тут, подумаешь, какая вселенная за девять верст? Да этот совхоз, как едешь в город, никак не минуешь. И все-таки.

Понятное дело, стали задираться. А тот перетрусил. Не был, видать, верховодой, не смог и сразу убежать на резвых коньках, хотя от меня он вряд ли убежал бы. А теперь еще страх

показал. Очень опасно страх перед стаей показывать. Она тут и не хочет, а может кинуться.

Уже не помню, в чем была причина, на что ответил он не так, как следовало бы, но к пришельцу враз появилась враждебность. Он что-то говорил, что ему еще надо в село, в восемнадцать километров отсюда, что у него есть письмо и гостинцы в котомке. Но это уже во внимание не принимали. Приняли только заносчиво сказанное о своих коньках.

Парнишка стоял на берегу в снегу, хотел объехать опасность. В снегу сразу и не обратили внимание на его скороходы. А тут заставили поднять ногу и показать.

Это были не коньки! Это была сказка! На добрых еще валенки крепко привязаны ремнями новенькие коньки-дутьши. Так называли тогда хоккейные коньки. Про такие у нас только знали, а видели впервые.

Хорошая вещь, дорогая. За много сала на базаре, поди, выменена. Видать, не мало есть этого сала, если на такую в хозяйстве ненужную вещь помняли. Богато живут, видать, его родители.

Тут она и определилась, точка отсчета парнишкиной вины перед всей нашей равной безотцовщиной. Сразу приклеился ярлык: «воры». Потому что по нашему разумению в голодные военные и послевоенные годы не было зажиточных честных. Добра было больше всего у того, мы видели такое много раз, кто ловко крал.

Сразу проявилась исконная ненависть бедных к богатому, честных тружеников (а кто колоски собирал в фонд победы!) к нечестному и жирному. И тут только что враждовавшие, чуть не подравшиеся команды объединила солидарность. Парнишке предстояло расплатиться за своих нехороших родителей. Теперь повод накостылять ему был пустой формальностью, он сыскался быстро. И так же быстро нос парнишки окрасил кровью чистый снег. Этого было достаточно, этим бы все и кончилось. Но пришелец, уже не помню в какой связи, еще упомянул свои коньки.

— Да ты ишшо и хвастаешься! Режь, братва, его дутьши!

Повалили парнишку на снег. Витька Ивачев, битюг здоровый, капитан команды и вдохновитель реквизиции коньков, сам уселся на грудь недругу. Избранный за быстроту бега вторым капитаном, я уселся по положенной роли на ноги. У меня же оказался и ножичек. Выпускались тогда перочинные ножички из жести, в них вставлялись бритвенные лезвия. Пришлось и ремни самому резать. Добрые, надо сказать, ремни. Из телячьей сырой кожи. С рыжей шерстью. Длинные, ровно нарезанные. Таких в нашей деревне тоже ни у кого не было. Но они застыли, черти. Всю бритвочку изломал, пока обрезал.

Трофей подхватил Витька. Мне, сказал, потом отдаст ремни. Противник в слезах, во прах поверженный, отступил «безлошадный» в свой совхоз с безликим именем «№ 31».

Игра потухла. Суета выплеснулась. Орда рассеялась, как воробьи. Наши знамена овеялись славой.

Но овеивались недолго. Назавтра грянула расплата. Катались на Логу на санках с крутыра. И вдруг услышали:

— Вот он! Вот!

Недалеке стоял мальчишка в рыжей шапке. Рядом с ним женщина в серой шали, повязанной крест-накрест на груди. Мать — понятно было сразу. Метнулись с горки сани пулей, а там по Логу и к Иртышу. Оттуда на остров можно, в чащу спрятаться, найди попробуй. Но на реке стынть. Куда? Сели под плетень, чего-то ждем.

Явились малышня-лазутчики. Донесли, что парнишка и вправду с матерью явился. Теперь

там уже и фамилии наши знают и сейчас пошли в школу и сельсовет. Н-да... Сельсовет — совсем уже серьезно. Коньки резал? Ремни взял? Но это бы еще ничего. Ребятишки рассказывали, что мать в слезах вся ходит, причитает, что коньки-то, оказывается, не их, а соседские, выпрошенные матерью под честное слово, и теперь ей от позора хоть не являйся домой. А у самого парнишки отец не пришел с фронта, и в семье их трое ребятишек.

Вот это было совсем плохо. Романтическая позолота борцов за попранную справедливость развеялась. Не богачей парнишка, развевшийся на чужих слезах, а такой же, как мы, бедолага, обиженный нами ни за что, ни про что. Да и поехать на коньках почти за тридцать верст не каждый бы собрался.

Когда я, вызванный, пришел в школу, там уже сидел в учительской Витька Ивачев. И с хорошей гулей под глазом: мать была у Витьки на руку тяжела.

— Ну! — сказал директор грозно. — Дохулигались?!

Гроза нависла к нашим головам ядреная, лиловая и безысходная, как Витькина гуля.

— Исключить! — кричал директор, бывший фронтовик. — И в ремесленное, там живо научат. Пусть, если не умеют вести себя, как советские ученики. А ведь еще пионеры! Исключить из пионеров тоже!

У Витьки мать рядом, хоть и дерется, но и заступится тоже. А у меня неграмотные бабка с дедом, мать далеко. Но вызвали и ее. Новые слезы, новые угрозы и реальная порка.

Парнишка с матерью, получившие от нас коньки с ремнями, ушли в свой номерной совхоз, желая нам всех самых-самых кар. Вслед мы им показали кулаки, мол, попадись еще раз... А этих «самых-самых» нам было вдоволь, отвали — не жалко. Хорошо еще, что никого больше не трогали. Мы двое как положено, как самые главные, во всем повинились.

Почти неделю с Витькой не учились. Он, поуспокоившись, переживал не шибко, больше для вида. «В колонию не отправят и ладно. А в ремеслуху и сам собирался, работать надо, жрать нечего, — объяснил он. — Мне бы, — говорил, — только учебный год, чтобы до весны... А там...»

Я переживал не для вида, я целился по меньшей мере на техникум, семилетка мне была нужна. Но потом и я понял, что если уж так долго прорабатывают, значит, не исключат.

А прорабатывали всей школой. Запомнилось, как «русалочка» Мария Кузьминична, неудачная в замужестве, вызвала к доске писать сложноподчиненное предложение. И продиктовала: «Я вор, потому что украл коньки». У доски мне стало тоскливо-тоскливо. Знал, что с матерью моя учительница не в ладах, прики-

дывал, чего еще надо ждать. Но пощады не просил. За все положено платить полной мерой. Дуриком и рыбу в Иртыше не словишь. А тут этакое дело.

Но запомнился весь этот случай вовсе не из-за воспитательных моментов. Самому было лихо.

...Ах, Иртыш, ты мой Иртыш, удалая ты река. У тебя такая слава от ватаги Ермака! Недаром с каждым половодьем глинистые берега, оседая, отдают волнам то пицаль, то шашку, то белый череп.

Звенят серебряные панцири, степь гудит под копытами табуна. И кровь кипит мальчишкина. В лицо еще веяло полымем только что оконченной войны. По сибирским рекам выростала вольница. Боевая...

УТОЛЕНИЕ ПЕЧАЛЕЙ

Я помню первый поцелуй. У нее волосы речного песка, а глаза, как небо над нами. Она была светлой, горячей и веселой, как этот день, этот песок, эта река. И отчаянно смелой и одновременно дикой от робости.

Озорной ветер играл волнами, осокори взахлеб друг другу рассказывали что-то. А мы молчали. Только в самой ранней юности и в годы уже зрелой любви так мало надо слов.

Она пришла ко мне за поворот реки к зарослям речных тополей, где можно укрыться от нескромных глаз. Первая любовь пуглива.

В тот день клевали красноперки. Я ловил в траве кобылок, насаживал их на крючки, а снимал красивых рыбешек. Таких же нарядных и светлых, как этот игривый, солнечный и ветренный день, день первого поцелуя.

Объяснение было еще зимой. Ленка Леонидов, самый отверженный в нашем кругу, в зимние каникулы позвал к себе на вечеринку. Даже бутылку красного выставил, не пожалел. А цель всей затеи — девчонка Алька — восьмиклассница. Самая красивая в деревне. Они приехали недавно, и я почти не знал ее. И как-то не интересовался. У меня были свои заботы на этом фронте.

Ленка попросил быть смелее и веселее. Развлекать гостей. А то он не смелый, не знает, что нужно говорить.

И я старался. Даже пригласил ее на вальс под патефон. Приятная девочка. Большие глаза, нежный румянец, протяжная улыбка мягких губ, ямочка на подбородке. А за столом я,

не уставая, рассказывал анекдоты, которых успел наслушаться в наших старших классах, рассказывал о новых фильмах, которые только посмотрел в Омске и которые неизвестно когда доберутся в Покровскую.

Но и это было, еще не все. Еще предназначалась мне задача потруднее. В конце вечеринки Ленька на ухо сказал:

— Пойдем провожать, ты Алю отзови и скажи, что я хочу с ней дружить. Все обскажи, ты умеешь, научился, поди... Как получше... Дом у нас, видишь сам, какой. Костюм вот новый справил. Обскажешь?

Этот парень, бледный, прыщеватый Ленька, глядел далеко вперед. А я должен вроде как за свата. Смех. Будто можно уговорить влюбиться в кого-то. Но мне-то что? Может, ей такие нравятся. Подумаешь, сказать...

— Нет, ты не просто скажи, ты сделай, как все надо. Смотри, я надеюсь, не подведи.

Ночь была с пушистыми звездами, и все из темно-синего стекла. Когда я сказал девочке Альке, кто с ней хочет дружить, она ответила:

— Ну и что. А я хочу с другим.

Этого я и ожидал. Я болел за Витьку Симона. Хорошего парнишку и моего друга. Ему тоже нравилась эта девчонка. Вот если бы и он ей нравился.

— А с кем?

— С тобой!

...Вот это был фокус! Невдалеке маялся на морозе долговязый Ленька, рядом ждали приговора синие громадные глаза. А я в дурацком положении и не знаю, что делать.

— Аля, ты извини меня, ты не сердись. Я сейчас ничего не смогу сказать. Я скажу позже. Обязательно. Ладно?

И я пошел.

— Ну? — спросил парень Ленька.

— Она выбрала другого. И я тут ничего не мог поделать.

— А кого? Голодранца Витьку?

За Витьку я обиделся. Он не был виноват, что в их семье много ребятишек.

— Не могу сказать, но не его.

— А кого же еще? У нас больше некого. Ну ты скажи. Тебе че, жалко? Жалко? Да?

Вот на этом месте его всегда и били. Канючил, пока не выпрашивал, в конце концов, себе по шее. И я сказал со вздохом, потому что бить не мог сегодня, сегодня я пил его вино и ел его хлеб:

— Она выбрала меня.

— Да?! Да как же так?! Я же тебя зачем позвал? Вина поставил, холодца, а ты... Отбивать, да? Гад ты после этого, вот ты кто!

Голос его дрожал. И это было тоже как всегда. Сейчас обещать станет.

— Ну, ты попомнишь это, погоди, попомнишь!

Он, не скрываясь, заплакал. А я шагал домой в тепло, и снег скрипел в стеклянной ночи под мохнатыми звездами. У девочки Альки глаза вот такие же в пушистых ресницах. Я уже почти точно знал, что сказать ей завтра.

— Ты мне тоже нравишься, — сказал ей в толчее, выходя из кино. А на улице добавил: — Не совсем еще, но нравишься. Я тебе напишу.

А утром я уехал в город. Кончились короткие каникулы. Мы переписывались. Она начала мне нравиться все больше и больше. Может быть, потому, что другая девочка из другой школы стала не находить для меня времени и говорила отчужденно, а на записки не отвечала.

Было с девочкой Алькой еще короткое свидание в приезд перед последней четвертью.

Наконец долгожданное лето. Впереди вечность. Я был уже по уши влюблен в девочку Альку. С большими-большими глазами, ямочкой на подбородке и протяжной улыбкой мягких губ.

В первый же день я сказал, куда прийти ко мне за поворот реки. И она пришла.

Светлые волосы с песком смешались. Они растрепались в смешной борьбе. И было все горячим. Еще горячей были загорелые Алькины руки. А губы и вовсе обожгли.

Над нами плыло небо. У ног пели волны свои плескучие песни. В тысячи мягких ладошек хлопали речные тополя. Хлопали тому, как мы целуемся. А нам было жгуче стыдно и сладко.

И было все лето таким вот плескучим и ясным, и сладким, и добрым к чистым росткам первой любви. Что тогда происходило? Какие свершались события? А ничего. А никакие. Было тем летом обыкновенное легкое счастье.

А потом пришла осень, зима, разлука. Никогда не верил, не верю и теперь в счастливую первую любовь. А если бывает, то это именно счастливый случай. Этот случай мне тогда не выпал. Нет, девочка Аля не предала, не изменила. Она просто разлюбила. В этом возрасте разлука не помогает влюбленным. Написала честно: прости, я одна виновата во всем, зачем обманывать. И тому подобное.

Хоть не было слов: «Прости, но я люблю другого». И за это спасибо. Первая любовь, которую предали, — казнь на всю жизнь.

Я оказался беззащитным перед этой непосредственностью, перед правом девушки любить или не любить и быть при этом ни в чем не виноватой. Временами слезы в горле становились комом. Страдать было мучительно и сладко.

И было еще одно лето. Безликое И еще зима — в учебе, фехтовании, планах об институте. И еще одно лето пришло. И оказалось, что не все боли пережиты. Не вся гроза прошла и

оттремела. С Валерой Устюговым, одноклассником и другом, приехали мы в Покровскую отдохнуть и подготовиться в институт. И в первый же вечер приятели по доброте,— а Ленька первый,— доложили, что девочка Аля... В общем, соблазнил ее парень из заводских, приезжавших из Омска помогать колхозу на уборке. Он похвастался сам. И доказал. И слышали и видели ребята, он сам все так подстроил.

Я не знал этого парня никогда. Говорят, он красиво плясал, был рубаха и ухарь и собою красив. Но зачем так мелко? Так пошло? И стало больно мне за свою любовь.

Понял сердцем, что все это правда. Да, девочка Аля всегда обращала внимание на самое лучшее, самое заметное. Видно, чувствовала, что на все на это имеет право. Но как с ней обошлись! И почему мне так больно-больно?

Косая тень в обочине качалась,
Горячий конь, роняя пену, мчал.
Рвалась из сердца боль и улетала
Туда, где стук копыт над степью умирал...

Стихи эти я сочинил сам. Только не было тогда подо мной горячего коня. А была степь в паутине белесых дорожек под черной-черной ночью. Глухая-глухая ночь поплыла над Сибирью. Я ушел за деревню, к реке. Ноги сами принесли к обрыву. Под ним испуганно молчали тополя. Те самые. Они были подо мной, навстречу протягивая ветви в предостережении, словно заступая путь. А дальше за ними притаилась в испуге река.

И тут что-то сломилось во мне. Упал я на траву. Я катался по ней, рвал руками, грыз, колотил в гулкую землю до боли руками. Уже давно не плакал, но тут разрыдался. И это был не детский плач, каким о пощаде молят, просят помощи. Вырывалось похужее больше на стон... Теперь-то знаю: так перегорает боль, так мучается обожженная душа.

И так пришел рассвет. На редкость чистый и умытый. На губах запекся вкус полыни. А руки пахли чебрецом.

Река смотрела осторожно сквозь ресницы тополей. Свистали кулички. Но деликатно, как в доме, где несчастье.

А жизнь текла. И солнце готовилось встать для работы. Это было невыносимо.

Да нет же! Я сорвался с обрыва, сбежал стремглав, торопливо сорвал одежку и, в чем мама родила, бултыхнулся в воду. Тут было глубоко. И сильное течение. И я заплыл подальше. Мимо пронесился берег. Осталось опустить руки и лечь на дно. И начать пить воду. Много-много.

Я это хорошо себе представил. И... рассмеялся. И это был далеко не беззаботный и радостный смех. Я же не мог утонуть! И сильным кролем поплыл к берегу.

И снова с обрыва оглянулся вокруг. Иртыш улыбался широко и открыто. Река приняла в себя мою боль. Жизнь продолжалась, но по-другому. Я еще зашел по росистой траве в Убишеву рощу, нарвал букетик первых поспевающих ягод клубники. Для Валерки.

Мой друг спал в сенцах, пропахших солнцем и хлебом, на полу. Первое утро в деревне ему, наверное, таким и представлялось — свежесть, кисточка ягод, запах чистого дерева, сырой земли и хлеба из ларя с мукой. Валера был поэт.

Он ничего не спросил. Вопрос был в глазах. А у меня сил уже не было. Ночь эта здорово вымотала меня. На душе навсегда остался шрам от ожога.

Далеко не последний шрам. На другое лето пришла новая беда. Утонул Валера, с которым, несмотря на безалаберно-беззаботную подготовку, мы все-таки выдержали сумасшедший конкурс в институт. Он утонул в том же Иртыше вместе со своей подружкой и нашим общим приятелем Женькой. Они похоронены рядом.

А через месяц недалеко от них похоронили мою маму.

И снова Иртыш принял мою боль. Месяц я прожил на его берегах. На рыбалке и на охоте. Тогда уже не надо было добывать рыбу и дичь, чтобы хоть чем-то пропитаться. Тогда на реке убивал я время и свою тоску. В первый и последний раз. Много лет потом не брал в руки ни рыболовной снасти, ни ружья. Не мог.

А тополя те вырубил. Не знаю, кто и зачем. Кому они мешали, охраняющие берег от размыва? И весь Иртыш уже не тот, что был в моем детстве. В последний свой северный долгий отпуск пролетел над ним на самолете. Как он обмелел! Скольких перекатов стало, островов! Они, как желтые кости на стареющем теле, выпирают наружу.

Течение еще бурное, с ним все еще шутки плохи. Но как близко другой берег. Намного меньше смелости надо, чтобы сплавить туда. Мелеет река, и, может, люди на ее берегах уже вырастают не те? Не с тем замахом, не той ширины? Ведь реки тоже воспитывают живущих на их берегах.

На мою жизнь реки еще хватит. Где бы ни жил, на каких берегах и каких морях, знаю твердо: есть в Сибири река с древним названием Иртыш. С любимым своим горем к седому к нему я приду, и утопит печали, примет в себя мое горе, а меня вернет берегом. Для жизни. Пока она не иссякнет. И не иссякнет Иртыш.

А он должен быть вечным. Ведь и новые поколения захотят прийти к нему со своим. И даже для этого одного реки не должны мелееть. Реки нашего детства...

В краю деревянных узоров

Петр
ДУДОЧКИН

Краеведческий музей верхневолжского городка Кимры из года в год, особенно к праздникам, пополняется новыми экспонатами, рассказывающими о местном крае. С ревнивой заботой собираются и оберегаются предметы народного творчества. Потомки сапожников, обувавших в добротные скороходы прошагавшую по Европе героическую армию Кутузова, слывут не только обувных дел умельцами, но и художниками в свободный от работы час. Среди экспонатов музея не только обувь разных времен и фасонов, но и истинно художественные произведения. Специальный стенд посвящен потомственному сапожнику Макару Андреевичу Рыбакову, написавшему на старости лет три романа о своих земляках-кимряках — «Пробуждение», «Бурелом», «Лихолетье». Это единственная в мире трилогия о сапожниках! А Иван Михайлович Абаляев, обувных дел мастер из деревни Нутрома, проявил свой талант в резьбе по дереву. Радетелям музея удалось собрать и выставить для обозрения десятки работ скульптора-самоучки.

Одна фигурка особенно поражает своей правдивой динамичностью. Она изображает босоногого старика рыболова в картузе в тот самый момент, когда начался клев и вот-вот, в ту же секунду, надо дернуть сжатое в руке удили-

ще, чтобы искусно подсечь и вытащить рыбу. Так и казалось, до этого рыболоз сидел на берегу, ждал и вдруг клюнуло, он и привскочил, присел на корточки и — весь внимание, напряжение — замер при взволнованном, выжидательном состоянии души. В выражении лица, в позе, в складках рукавов рубашки — во всем трепетное предчувствие удачи или неудачи страстного удильщика.

Я был знаком с крестьянином-скульптором еще в довоенные годы.

— С детства этой утехой занимаюсь, в бездельную минуту, — признавался он. И разводил руками. В его добродушном голосе слышались не только нотки гордости своим увлечением, но и нотки какой-то извинительности, — мол, к лицу ли такое мужику?

Потом я частенько проведывал скульптора-самоучку. Сын крестьянина-сапожника (окрест Кимр крестьяне занимаются не только земледелием, но и обувным промыслом), он сызмальства на потеху друзьям-подмастерьям вырезал острым сапожным ножиком из какой-нибудь неказистой деревяшки забавные фигурки — то, подвыпившего сапожника или вставшего на дыбы жеребца, то воющую собачонку или дремлющую сову. Вспоминая свои «грехи» юности, сам Иван Михайлович не придавал никакого значения собственному увлечению,

называл все это чудачеством.

— Пустые поделки. Не хочется скучать на досуге — вот и колупаешь деревяшку. — И добавлял: — От времен князей Вяземских пошли по всей округе фантазии резчиков. Таких, как я, не счесть. Ежели когда-нибудь вам выпадет счастье побывать в Кимрах, зайдите — не пожалеете — в краеведческий музей, полюбуйтесь «Абаляевским уголком» с изумительными произведениями деревянной скульптуры малых форм. Вы увидите, кроме «Рыболова», истинно творения искусства тверского самородка. Редко пользовавшийся натурой или рисунками, с волшебным наблюдательным глазом, он творил по памяти, досконально зная жизнь «сапожного гнезда» с обычаями и нравами только этому краю присущими, художник отобразил в своих многофигурных работах поучительные страницы былого и настоящего. Такие произведения, как «Проводы в ученье» и «Возвращение с ученья» (о судьбах матери и сына), «Отказ в сырье», «Воровство кожаного приклада у жены», «Возвращение с базара», «Встреча бедняка», «Семья стахановца», — это своего рода сгустки действительности большой художественной убедительности...

ПУШКИНЫ И ДЯГИЛЕВЫ

**Евгения
ЕГОРОВА,
Евгений
СУББОТИН**

Первые же приемные экзамены на 1-й курс Императорского Царскосельского Лицея в 1811 году (среди поступивших, как мы знаем, был юный Александр Пушкин) «обнаружили, — писал историк Лицея Д. Кобеко, — неудобство, заключающееся в неравенстве познаний учеников». Для устранения этого неудобства, а также с целью предоставления российскому дворянству еще одного нового средства для воспитания и образования детей возникает идея учреждения пансиона Царскосельского Лицея. 27 января 1814 года он принял первых воспитанников.

Открытие под Петербургом Лицея, как особого, закрытого учебного заведения для дворянских детей, а вслед за ним и Благородного пансиона, одной из задач которого являлась поставка Лицею отлично успевающих учеников, расшевелило дворянство не только в столице, но и в отдаленных губерниях. Среди дворян, пожелавших видеть своих детей в стенах Благородного пансиона, был и пермский губернский казначей, надворный советник Дмитрий Васильевич Дягилев.

Изрядно похлопотав кое-где, а также уплатив вступительный взнос 300 рублей и годовую плату за воспитание и обучение в 1000 рублей, Дмитрию Васильевичу удалось устроить старшего сына Ивана в Благородный пансион. Сумма денег, выложенная Дягилевым за обучение сына, была внушительна. Достаточно сказать, что на 1300 рублей по тем временам в Перми можно было купить десяток крепостных мужиков в расцвете их физических сил.

К моменту поступления Ивана Дягилева в пансион лицеист Пушкин был уже «замечен стариком Державиным» и являлся гордостью Лицея. Об успешном выступлении Пушкина на публичном экзамене перед многочисленными именитыми гостями в январе 1815 года вспоминали долго. И воспитанники Благородного пансиона не могли не знать и не могли не обратить внимание на курчавого жи-

вого лицеиста, о котором были весьма наслышаны. О лицеисте Пушкине могли им рассказать профессора Лицея, преподававшие и в пансионе — учебный план пансиона мало отличался от лицейского.

К сожалению, несчастный случай, происшедший с Иваном Дягилевым, не позволил ему окончить курс Благородного пансиона. Больной Дмитрий Васильевич не смог приехать к сыну. В Царское Село поехала его сестра, которая и похоронила Ивана. Однако на этом знакомство рода Дягилевых с родом Пушкиных не прерывалось, даже более того — со временем произошла генеалогическая связь этих родов.

В 1855 году второй сын пермского губернского казначея, Павел Дмитриевич Дягилев, выдавал в Петербурге замуж свою старшую дочь Анну, или Ноночку, как ее звали домашние. Женихом красавицы Ноночки был Владимир Дмитриевич Философов, представитель старого дворянского рода, ведущего свою родословную от некоего Марка Македонина, выехавшего в Киевскую Русь при Владимире Святославовиче вместе с греческими посланцами.

После окончания Императорского училища правоведения В. Д. Философов блестяще начал путь по служебной лестнице и впоследствии занял пост главного военного прокурора. Отметим, что это при его активном участии в середине XIX века был составлен новый воинский устав о наказаниях, отменявший шпицрутены. Образованнейший человек своего времени, муж Анны Дягилевой в юности увлекался литературой (существует его перевод книги Ж. Санд «Симон»), писал стихи.

Связав свою судьбу с такой интересной личностью, Ноночка Дягилева, теперь уже Философова, стала время от времени жить в родовом имении мужа в селе Богдановском Псковской губернии. И здесь вторично произошло соприкосновение рода Дягилевых с родом Пушкиных.

В августе 1856 года между Н. Н. Пушкиной-Ланской и ее детьми от первого брака произошел раз-

дел имений, доставшихся им по наследству после смерти А. С. Пушкина.

«...Мы, наследники, по взаимному между собой миролюбивому соглашению, положились ныне на том, чтобы все недвижимые населенные наследственные имения, — равно рукописи сочинений, в отношении права издания оных, оставить из наследников двум братьям Александру и Григорию Пушкиным, а нам, сестрам, — фрейлине Марии Александровне Пушкиной и полковнице Наталье Александровне Дубельт, взамен законных частей следующих из всего состава поименованных имений, получить от братьев одновременно деньгами каждой по двадцать восемь тысяч пятьсот семьдесят одну рублю, пятьдесят копеек серебром».

Согласно этому разделу Наталья Николаевна оставила себе письма Пушкина, адресованные ей, а родовое имение Пушкиных, Михайловское, перешло младшему сыну поэта, Григорию, который и поселился в нем в 1866 году, после выхода в отставку с военной службы.

Григорий Пушкин, холостяк, увлекающаяся натура, свободное время в Михайловском отдавал охоте, которая была его страстью. Но охота охотой, а образованному человеку без общения с другими людьми трудно прожить. А с кем же общаться, в первую очередь, живя в Михайловском, как не с соседями? Соседями же Г. А. Пушкина по Михайловскому были Филосовы: Богдановское находилось в 60 верстах от Михайловского, и сын Пушкина стал выезжать туда. Здесь необходимо сказать, что кроме Филосовых окрест Михайловского были имения и других помещиков, которые почти все так или иначе стали родственниками Филосовых за многовековую жизнь этого рода в имении Богдановском.

Был родственником Филосовых и помещик И. М. Рокотов (родной дядя мужа Анны Павловны Дягилевой), отказавшийся в 1824 году от слезки и доноса на Александра Сергеевича Пушкина во время его ссылки в Михайловское. Об этом Рокотове можно найти не одно упоминание в письмах А. С. Пушкина того периода. Он был своего рода соперником Пушкина в борьбе за сердце «гения чудной красоты» А. П. Керн, что явствует из письма Пушкина, посланного в Ригу в августе 1825 года П. А. Осиповой, где он пишет об А. П. Керн.

«Приехав в Тригорское, она вздумала пленить г-на Рокотова и меня... Но это еще не все: вы сообщаете мне, что в деле замешаны еще и мундиры! Нет, это уж слишком: об этом узнает г-н Рокотов, и посмотрим, что он на это скажет».

Строки, посвященные И. М. Рокотову, можно найти и в мемуарах самой А. П. Керн.

Но вернемся к сыну поэта, Григорию Пушкину. Посещая в Богдановском вечера Анны Павловны Дягилевой-Филосовой, которая к тому времени была известна как активная деятельница феминизма в России, Григорий не мог не плениться этой замечательной женщиной. Однако из письма А. П. Филосовой Ивану Сергеевичу Тургеневу (август 1874 года) видно, что взаимности Григорий Пушкин не добился: «У меня, например, есть сосед по деревне, который за мной ухаживает, сын нашего знаменитого поэта А. С. Пушкина (только поэтому я еще его не прогнала). Целями днями охотится, живет со старой француженкой, и не знает даже сочинений своего отца».

Справедливо ли утверждение Анны Павловны относительно незнания Григорием Пушкиным сочинений своего отца? Вряд ли. В литературе о Григории Пушкине имеются и противоположные мнения. По-видимому, Анна Павловна имела право так сказать, убедившись, что знание ею Пушкина было богаче знаний сына поэта. А это можно подтвердить и тем вниманием, которое она проявляла, будучи высланной за границу, к пушкинским торжествам в России в июне 1880 года по случаю открытия в Москве памятника поэту на деньги, собранные народом. «...Упиваюсь чтением газет о пушкинском празднике», — пишет Анна Павловна мужу; в другом письме сообщает: «...С изумлением и благоговением читаю газеты о празднестве Пушкина. Слезы радости льются при чтении. Каково Бенкендорфам на том свете слышать и видеть все это. Пусть бы и наши Бенкендорфы одумались. Мысль и идея будут вечны. Никакие силы ее не вытравят...»

Здесь уместно будет задать вопрос: «Если сын поэта во время своего проживания в Михайловском посещал имение Богдановское, то делал ли это ранее А. С. Пушкин?». Да, Александр Сергеевич бывал в Богдановском у родителей мужа Анны Павловны, его возил туда тот же самый И. М. Рокотов. Но самое интересное: будущий супруг Ноночки Дягилевой, маленький Володя, читал наизусть Пушкину «первую песнь Онегина» и памятью своей очень удивил поэта.

В 1883 году Г. А. Пушкин женился на Варваре Александровне Мельниковой, связав таким образом свой род с родом Дягилевых и Филосовых, хотя и дальними, но родственными узами: сестра Варвары Александровны, Мария Александровна, была замужем за племянником Анны Павловны, шталмейстером, министром торговли и промышленности Дмитрием Александровичем Филосовым.

Пока проходили свадебные торжества по случаю бракосочетания Григория Пушкина, в губернском городе Перми подрастал еще один представитель рода Дягилевых, жизненный путь которого также будет отмечен встречей с Пушкиными, — правнук того самого пермского казначея, отдавшего сына в Благородный пансион Царскосельского Лицея, родной племянник Анны Павловны Дягилевой-Филосовой.

Правнук пермского губернского казначея, о котором мы поведем рассказ далее, Сергей Дягилев в 1890 году окончил курс Пермской мужской классической гимназии. В добавок к аттестату зрелости он получил и подарок от родителей — путешествие за границу. Ехать в Европу он должен был с двоюродным братом, сыном Анны Павловны Дягилевой-Филосовой, Дмитрием Филосовым, который также в этот год окончил гимназию в столице.

Сереза Дягилев приехал из Перми на Псковщину, в имение Богдановское, а оттуда через Петербург, уже вдвоем с Димой, они должны были покинуть пределы России.

Первое в жизни соприкосновение с пушкинскими местами, состоявшееся по дороге в Богдановское, произвело сильное впечатление на молодого Дягилева. 2 июля 1890 года в письме к родителям в Пермь Сергей пишет (публикуется впервые):

«На возвратном пути я остановился на могиле Пушкина. А теперь, когда мы проезжали мимо, ее видно было с дороги, и я с неподдельным благоговением снял шапку и поклонился ей».

Год 1899-й Сергей Дягилев, теперь уже 26-летний Сергей Павлович, встретил на посту редактора журнала под названием «Мир искусства». Год был знаменательный — Россия готовилась торжественно отметить 100-летний юбилей со дня рождения А. С. Пушкина. К юбилею любимого поэта готовился и Дягилев, в портфеле редакции имелись статьи Д. С. Мережковского и Н. М. Минского, посвященные предстоящему событию. Но, по мнению Сергея Павловича, этого было явно недостаточно. Ему хотелось, чтобы по поводу праздника высказался Л. Н. Толстой, ведь в торжествах 1880 года активное участие приняли Тургенев и Достоевский, а Толстой нет. Вот это и привело Дягилева в апреле 1899 года в Москву, в Хамовники, где тогда жил Толстой.

Лев Николаевич тепло встретил старого знакомого. В беседе писатель высказал немало интересных суждений о своем отношении к Пушкину и чествованию вообще, которое было совершенно не в его духе. Тол-

стой отказался высказать свои мысли публично, считая, что «все это стремление сделать Пушкина народным, привлечь народ к чтению его памяти — все это одна фальшь».

Получив отказ Л. Н. Толстого, С. П. Дягилев сам взялся за перо. Читатели «Мира искусства», раскрыв 16—17 номера журнала за 1899 год, могли прочесть его статью «Иллюстрации к Пушкину». Он писал о рисунках к юбилейным изданиям сочинений поэта, выполненных такими художниками, как А. Архипов, А. Бенуа, А. Васнецов, Н. Врубель, К. Коровин, Е. Лансере, И. Левитан, С. Малютин, Л. Пастернак, И. Репин, К. Сомов, В. Суриков, В. Серов и другими. Прекрасно разбираясь в живописи, по словам И. Грабаря, гораздо лучше иных художников, Дягилев писал:

«Требовать, чтобы иллюстрация выражала душу поэта, сокровенные его мысли, это значит требовать дополнений к творчеству поэта, как будто его надо дополнять и как будто в этом интерес. Единственный смысл иллюстраций заключается как раз в ее полной субъективности, в выражении художником его собственного взгляда на данную поэму, повесть, роман. Иллюстрация вовсе не должна ни дополнять литературного произведения, ни сливаться с ним, а наоборот, ее задача — освещать творчество поэта остро индивидуальным, исключительным взглядом художника, и чем неожиданнее этот взгляд, чем он ярче выражает личность художника, тем важнее его значение».

За монографию о художнике Д. Г. Левицком С. П. Дягилев был удостоен премии Академии наук. Потом он прославился как талантливый организатор художественных выставок. Потом пошли «Русские сезоны» Дягилева в Париже! Кстати, первым спектаклем, показанным Дягилевым в Париже, был спектакль по произведению А. С. Пушкина — опера «Борис Годунов» Мусоргского с Федором Шаляпиным в главной роли. И позднее в антрепризе Сергея Дягилева ставились спектакли по произведениям А. С. Пушкина — «Руслан и Людмила», «Домик в Коломне», «Сказка о золотом петушке»...

Письма Пушкина к невесте! Сколько разговоров и шума было связано с ними в свое время! Какие заявления по поводу писем делал последний их обладатель — внучка поэта графиня Торби!

Как мы уже писали, при разделе имущества Натальи Николаевны оставила себе письма поэта. После Натальи Николаевны обладателем писем была младшая дочь Пушкина, Наталья Александровна Мерен-

берг, а позднее и внучка — графиня Торби. Затем обладателем писем, принадлежавших внучке поэта, стал... Сергей Павлович Дягилев! Как же оказались письма Пушкина в роду, прашур которых нес службу в Перми в должности губернского казначея? Как оказались эти письма у Дягилевых?

В последние годы жизни С. П. Дягилевым овладело новое увлечение — страсть к собирательству автографов выдающихся деятелей русской культуры, а также редчайших книжных реликвий, вышедших на его родине, в России.

Результаты этой деятельности Дягилева, как и любой другой, которой он отдавал всю душу, были поразительны. В течение короткого времени ему удалось собрать около 2000 книжных раритетов и множество автографов великих русских писателей, композиторов.

В его книжной коллекции были издания, дошедшие до нашего времени лишь в ограниченном числе экземпляров. Среди них «Букварь» первопечатника Ивана Федорова, изданный в 1574 году во Львове; два экземпляра первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева — издания, сожженного по приказу Екатерины II; десятки старопечатных книг XVI—XVII веков и другие раритеты.

Собрание автографов было представлено такими именами деятелей отечественной культуры, как Державин, Карамзин, Жуковский, Гоголь, Крылов, Вяземский, Лермонтов, Пушкин...

Какую же цель преследовал Сергей Дягилев, создавая эту коллекцию экспонатов русской культуры, считавшуюся крупнейшей и уникальнейшей за пределами России?

Как пишет человек, близко знавший Сергея Павловича, Дягилев мечтал «создать Дом русской культуры во Франции и назвать его «Дом Пушкина», что им руководило единственное желание вернуть «России же ее великое культурное сокровище».

А что представляла собой Пушкиниана Дягилева, собранная для задуманного им «Дома Пушкина»?

Кроме почти всех прижизненных изданий произведений Пушкина, в собрании Дягилева оказались десять писем Пушкина к невесте, Наталье Николаевне Гончаровой. Одно из писем Дягилеву было завещано внучкой поэта, графиней Торби, с которой Сергей Павлович был хорошо знаком — они вместе организовывали в 1928 году балетный спектакль в Ницце. Остальные из этих писем, а также письмо Пушкина к матери Натальи Николаевны Дягилеву уступили после смерти графини дети и муж Торби.

В Пушкиниане Дягилева были также следующие автографы поэта: стихотворение «К морю», письмо к Е. Ф. Розену, дарственная надпись О. М. Сомову на первом издании пятой главы «Евгения Онегина», подорожная, выданная Пушкину 5 мая 1820 года на проезд в Кишинев, письмо статс-секретаря Д. Н. Блудова к Пушкину от 19 января 1831 года о «дозволении» ему работать над архивными материалами по истории Петра I... Уникальное собрание!

С огорчением сейчас приходится говорить, что неожиданная смерть С. П. Дягилева в 1929 году в Венеции помешала осуществить его благороднейшее желание — вернуть России ее культурные сокровища...

История ОДНОГО НАЗВАНИЯ

Леонид
ОСИНЦЕВ

● Перед войной я часто ездил из Чебаркуля в Златоуст и обратно. В кассе златоустовского вокзала я просил билет до Сакааторной, а мне продавали билет до Сарафановки, и я ехал в... Чебаркуль. Что за несоответствие в названиях? И узнавание увело меня в те далекие времена, когда не было еще здесь железной дороги и земли эти числились угодьями станицы Чебаркульской Уральского казачьего войска.

Известно, что направление Великого Сибирского железнодорожного пути было выбрано к январю 1885 года, а строительство его началось в июле 1891 года. Прослышали чебаркульские казаки о строительстве «чугунки» около их станицы и собрали сход. На нем, пошумев и наговорившись вдоволь, они составили послание царю: не нужна, мол, нам дорога, как с ней к сенокосам будем ездить, что дыму и шуму станет много, что земли нашей много оттапают, что коровы много молока потеряют...

Из Петербурга прислали ответ: железную дорогу строить там, где проводились изыскания. Однако, из уважения к казакам, полосу отчуждения на участке дороги от разъезда Кисегач до поселка Мисяш велено было сузить со ста саженей до пятидесяти.

Прочитали казаки ответ и остались недовольны таким половинчатым решением. И опять собрались на сход. На этот раз послали в столицу ходатаев, которые повезли новое прошение: запланированную возле станицы станию не строить и чтобы через казачьи земли поезда проходили без остановок и без гудков.

И на эту бумагу был ответ: станию Чебаркуль построить на месте запланированного разъезда Мисяш, что в шести километрах от Чебаркульской станицы.

Казаки торжествовали, строители чесали затылки: в озере Мисяш, где должны будут заправляться водой паровозы, вода солоноватая и почти не пригодная для котлов. Но против казаков и приказа столицы уже ничего нельзя было сделать. Так была построена возле поселка Мисяш стания Чебаркуль с разъездными путями, тупиками, эстакадами и пакгаузами... А мимо станицы Чебаркульской поезда проходили без остановок и без гудков.

В 1916 году на том месте, где должна была по первоначальному плану стоять станция Чебаркуль, было построено деревянное здание новой станицы. Ее назвали Сарафановкой, по имени деревушки, отстоящей от станицы на 20 километров.

Рабочие златоустовского завода построили себе за полотном железной дороги дом отдыха и стали приезжать сюда на время отпусков.

В 1930 году Чебаркуль был выделен из состава Миасского района и включен в состав Бишкильского с центром в селе Медведево. В декабре того же года центр района переводится в Чебаркуль.

Встал вопрос о переименовании станицы. Сарафановка стала называться Санаторной. Но билетов с названием «Сарафановка» было напечатано так много, что их хватило до лета 1940 года.

Неприятности с названиями, порожденные на казачьих сходах, на этом не кончились. С началом Великой Отечественной войны увеличился грузооборот и интенсивность движения по железной дороге. Эшелоны с грузами и оборудованием шли с запада, эшелоны с лесом, цементом, песком и гравием — с востока. И вот эшелоны с запада, предназначенные для разгрузки в Чебаркуле, на площадке завода, проезжали мимо и выгружались в шести километрах от нее, на станице Чебаркуль.

Не будь тех казачьих сходов и бумаг, посланных царю, все находилось бы на своем месте: станция Чебаркуль в Чебаркуле, а к ней — запасные пути, тупики, пакгаузы и эстакады. А так железнодорожники вынуждены были выискивать окна между маршрутами, чтобы дать возможность заводской «кукушке» перевозить все прибывавшие грузы через эти злополучные шесть километров.

И только после войны станция Санаторная была переименована в Чебаркуль. Бывшая станция Чебаркуль в селе Мисяш получила, как и положено, название Мисяш. Все, наконец, пришло в полное соответствие. Козни казачьей верхушки были исправлены без малого через 60 лет!

ПОЮЩЕЕ СТЕКЛО

**Борис
РЯБИНИН**

Почему оно шумит?

Рассказывают: зашел однажды в ресторан в Пензе человек. Поел, попил, ждет — расплатиться надо. Официантка долго не подходила. Скучно. От нечего делать взял в руки хрустальный фужер, повертел, и вдруг помещение наполнилось тонким мелодичным звуком — стекло запело. Звук нарастал, становился все более слышимым, достигая дальних углов. Подошла официантка и застыла с раскрытым ртом, зачарованная переливами невиданного музыкального инструмента. Неужто — фужер?! Точно, он!!! Незнакомец осторожно водил пальцем по краю сосуда, и тот отвечал на это прикосновение.

Другие стали крутить — не получается.

— Волшебник, что ли, какой...

— Вещь руку знает!

Говорят — далее, покрутив, человек поставил фужер и сказал:

— Нашей работы, потому и знаю.

— Это чьей же? — спросили его.

— Нашей, никольской...

История эта повторяется в разных вариантах, я ее слышал многократно, и всякий раз с новыми подробностями, но суть оставалась одна: стекло — пело!

Себе на утеху, царям на потеху

Стекло у нас ведется еще с Киевской Руси (X—XI века), Батысво нашествие погубило стеклоделние. Однако уже в 1710 году один чужеземец, побывавший в Москве, свидетельствует: «стеклянные золоченые сосуды

в царской аптеке по красоте своей могут считаться первыми в мире». Словом, ремеслом этим «займемся» давно, были периоды упадка, но не мастера тому виной.

Зарождение стекольного дела в здешних местах связывают с эпохой Петра Первого, с повелением царя от 3 декабря 1723 года — «иные курioзные художества в империю Российскую вводить».

В 1668 году царь Алексей Михайлович, «похваляя службу, промыслы и храбрость», пожаловал стряпчему Ивану Юрьевичу Бахметьеву в Саранском уезде, — в Засурье, где течет река Сура, — на правом берегу речки Вырган селение Никольское. В 1681 году земли, что лежат по левому берегу Выргана, по высокому повелению стали собственностью дворянина Калистрата Богдановича Пестрова. А в 1761 году все перешло в одни руки — секунд-майора А. И. Бахметьева. Бахметьев-то и соорудил в 1764 году в селе Николо-Пестровке, Пензенской губернии (мать основателя завода, Анна Даниловна Бахметьева, происходила из рода Пестровых, отсюда название Николо-Пестровка, объединившее два владетельных рода) предприятие для варки стекла: уж больно восторгались самодержцы, когда им подносили подарки из «заморского хрусталу»; — вот и надумал. За полгода была построена гута бревенчатая размером 40 на 12 шагов, маленькая горшковая печь, на 7 горшков. Согласно указу царицы Елизаветы Петровны, разрешалось строить «не менее, чем в двухстах верст от Москвы», дабы сохранить леса около нее. Указ соблюли: Никольское в 700 верстах от Москвы. Настоящая «стекольная и хрустальная фабрика» была воздвигнута уже при Екатерине Второй; в нее был вложен капитал — 3000 рублей. Нынче от той постройки не осталось и признака.

Исчезли почти начисто и более позднейшие. От сооружений, помеченных 1870 годом, сохранился первый этаж гранильного цеха; с 1892 года уцелела и стоит одна труба.

Бахметьев писал Екатерине, что леса в его округе 19 000 десятин, в достаточном количестве имеются пески, пригодные для варки простого стекла, довольно крепостных рабочих рук. Сейчас завод получает песок из-под Харькова, а в прошлом песок для заказов царского двора привозили из Саксонии. Хорошие пески имел Гусь-Хрустальный, но они принадлежали купцу Мальцеву. Потом нашли песок ташлинский, под Симбирском — нынешним Ульяновском, завод долго работал на запасах этих песков.

Бахметьев первое время не интересовался большими доходами, он преследовал цель — удовлетворить честолюбие. Барин был самолюб. Он же построил фарфоровый завод. Потом пришли не только слава, почести, но и богатство, деньги.

Первые стеклодувы были крепостными крестьянами; и после рабочие-стеклоделатели были тесно связаны с землей, — так уж повелось в этих помещичьих мануфактурах. Не разрешалось брать на работу беглых дворовых, архиерейских, монастырских и крепостных помещичьих крестьян.

Первые мастера были Влас Панков и сын его Иван.

Изделия из стекла шли ходко, их раскупали охотно. Особенным спросом пользовался «расхожий товар» — посуда. Отдельные вещи закупаются для царского двора. Растет мастерство умельцев — увеличивается и привоз из Никольского в столицу империи, набирает силы стеклянная река. В заводские книги все чаще заносится запись о «безденежно отпущенном товаре»: подарки — сервизы — в Петербург, Москву, гофмаршалу графу Толстому, прочим сановным особам, в том числе — в Тамбов, преосвященному.

Даровитые мастера поднимали искусство. Нарождаются династии — рабочие династии — Вершинины, Китаевы, Гришины, Калагины, Красавцевы, Вергузаевы, Федулеевы...

Но тяжка, ох, тяжка была работа тогдашняя. Совсем другой пейзаж рисовался глазам того, кому доводилось заглянуть в гуту.

«В гуте — адское оживление; около печи с ослепительно сверкающей стеклянной массой копошатся закопченные бледные мастера, большие артисты своего дела, которые захватывают на конец трубки жидкое стекло и быстро выдувают стакан, рюмку, сравнивают края и сдают подручным хлопцам, мальчикам и девочкам, которые относят вещи в каленицу; по закалке их сортируют, забракованные поступают в шлифовальни...»

Ребята приносили отцам обед в гуту, да часто и оставались там. Невелик заработок подсобника, рубль-полтора в месяц, а все подспорье в семье, которая обязана была даже товары брать только из заводской лавки, чем еще больше ставилась в зависимость от владельцев. Восемилетки-рабочие были не редкостью, считалось, что без этого труда стекольные заводы не смогли бы существовать; даже было сделано специальное изъятие в законе, чтоб дать свободу рук владельцам в отношении использования несовершеннолетних. Еще Бахметьев решил: каждый крепостной рабочий приводит с собой ребенка и обучает, и тот к совершеннолетию — квалифицированный стеклодел. Такса за труд в месяц: от 8 до 12 лет — 1 рубль 50 копеек.

После отмены крепостного права А. Н. Бахметьев передал завод и поместье сыну своей племянницы князю А. Д. Оболенскому. Рабочие новому хозяину преподнесли хрустальную вазу с надписью: «Взвешивай грехи наши по-справедливости». С 1884 года полновластным и единым владельцем становится князь. Он заводит театр («княжеский театр»). Для театра строят дом с колоннами.

Слава о Никольске тем временем расходилась все шире. Крестьяне из села Коржовки развозили посуду на продажу в Оренбург, Поволжье, на Кубань. Но уже так повелось, что главной обязанностью и призванием Никольска, его главное амплуа, если можно так сказать, стали поставки ко двору, посуда на царский стол, подарки, которые коронованные особы преподносили друг другу, королям да императорам, да приближенным лицам и их родственникам.

Поднимаются новые имена: Евлампий Курцаев, Федор Смуров...

Был мастер Цыбизов Федор Иванович, он выполнял заказы шаха персидского. Водился с бутылкой. Пил беспробудно, месяцами, а потом как заказ — опять бегут за ним...

В 1900 году на Парижскую выставку из Никольского отправляются ликерные приборы, изготовленные по чертежам И. И. Протасова (выдвальныйщик И. С. Вергузаев).

Надобно сказать, что владельцы Никольского были люди просвещенные, в роду имелись и профессора Петербургского университета, они заботились (в меру!) о просвещении, процветании искусств. Бахметьев Алексей Николаевич имел связи с декабристами, жена его была родной сестрой вице-президента Академии художеств Федора Петровича Толстого. Она приходилась теткой Льву Николаевичу Толстому, поэтому Толстой навещался сюда. Софье Андреевне, жене Толстого, делали здесь сервиз.

В революцию заводской комитет сразу вооружил 300 рабочих — охранять усадьбу, дом, музей. Так стараниями простых людей были сохранены многие ценности, отныне принадлежащие народу. Город в стороне от дорог, не проходили близко вооруженные отряды в гражданскую, но город жил общей жизнью со всей страной. Продолжал работать завод, несмотря на возникшие перебои с сырьем и топливом. В годы гражданской войны зарплату выдавали посудой, посуду продавали в Самарскую и Саратовскую губернии. За стакан — стакан ржи.

Здесь надо вспомнить добрым словом Никанора Ивановича Протасова.

Никанор Иванович Протасов происходил из рабочей семьи, по женской линии правнук А. Вершинина. В революцию 1905 года рабочие потребовали поставить его директором. И Протасов оставался техническим директором до 1933 года. Его талант руководителя и организатора особенно проявился в бурные годы, когда в стране полыхала гражданская война. Нужно привезти соду из Армавира. Пишет две командировки, одна — советская, на другой ставит печать князя Оболенского. Если приехал и там красные, все ладно; а если белые — печать князя! Соду привезли. Завод работал бесперебойно.

Протасов считался лучшим стекловаром Советского Союза, давал рецепты другим предприятиям. Авторитет имел непререкаемый. При встрече каждый снимал перед ним шапку; и в то же время отношения со всеми были предельно простые, товарищеские, неизменно доброжелательные и чуткие.

Все знавшие Протасова отмечают, что он был строг в соблюдении обычаев. Не терпел обмана, лжи, всякой нечистоты и непорядочности. На заводе не было никогда никаких хищений. Случилось раз — один унес с завода блюдо под шапкой. Вдруг в дверях Нинанор Иванович. Тот шапку снял, блюдо — бух, разбилось. Протасов помрачнел. «Ай, нехорошо. Ни себе, ни людям, лучше б сказал мне, я бы тебе дал. Собери и отнеси на переплавку...» Тот не перечил, унес, и так все узнали об его проступке.

В 1920 году на заводских воротах появляется надпись: «Стекольный завод № 1 Красный гигант». Номер один — понимать надо! Завод награждается орденом Трудового Красного Знамени. Но вышло как-то так, что с ходом дней о заводе, непонятно почему, стали вспоминать все реже и реже (вслух по крайней мере), пока не замолчали почти совсем.

...Накрепко срослась пензенская земля с судьбой Отечества нашего, — и сколь много славных страниц открываешь здесь для себя! В 1666 году появилась в сих местах крепость государства Московского; и ныне стоит эта крепость, только название ей иное и видом не похожа на первую... А может, есть определенная закономерность, что именно в пензенском краю взросло такое чудо и до поры не объявлялось, таилось в тиши? На Урале — камень да металл; в Вологде — кружево; в Тобольске — кость; здесь — хрусталь... В новом свете представляло все то, с чем я успел познакомиться за недолгий свой вояж, приметы и вехи большого пути: и Тарханы, колыбель и родина юного Лермонтова, дом Белинского — ныне в городе Белинском, и село, где рос будущий «бунтовщик опаснее Пугачева», как нарекла его императрица Екатерина, мученик, пострадавший за счастье и долю народные, путешествовавший «из Петербурга в Москву», а потом и далее, А. Н. Радищев...

право, все это выстраивалось в одну линию, и никольский хрусталь входил в ряд с выдающимися делами и самыми бессмертными творениями — великих поэтов, художников, революционеров... Но почему же, почему все-таки мы так невнимательны порой к сокровищам собственной души и богатству отчему, перешедшему по наследству? Вот о чем размышлял я, направляясь в цех.

...Вам доводилось видеть, как рождается стекло? Феерическое зрелище. Шихта для хрустала ярко-красная, обжигающая уже цветом, в составе ее: песок, сода, поташ, селитра, окись свинца, окись цинка, мышьяк. Шихту подают на короба, начинается засыпка. Ванная печь с механизированной засыпкой дает за сутки 20 тонн жидкого стекла. Это, так сказать, сырой материал. (Он и вправду вроде как сырой — течет, хоть воды в нем ни полграмма.) Далее идет прессование изделий. Ножницами отстригают раскаленную вязкую огненную массу и... вы не успели сообразить, что к чему, как вещь уже вчерне готова. Ее сажают в печь для отжига, чтоб снять внутреннее напряжение. Если без отжига — вещь разорвет. Как свечки, огни в печи, разве чуть еще желтоватой. Проверка. Бракировщица на глаз определяет без ошибки, что вышло из рук стеклоделов. В ответ на высказанную похвалу и восхищение безошибочностью и точностью ее суждений она коротко роняет: «Так это же стекло! Надо, чтоб оно уоуправляло, а им управляли...» Вот и все. Сказала, как отбрила. Зачем спрашиваешь, когда само собой все понятно. Молодчина девушка!

Алмазную шлифовку делает молодежный отдел, все воспитанники местного ГПУ, все в белых полотняных шапочках-цилиндрах. Здесь вы можете наблюдать химическую полировку (плавиковой кислотой, а прежде для полировки были щетки из манильской травы). Из химической полировки изделия «выходят уже хрусталем».

Улыбающаяся молодехонькая блондиночка, постукивая каблучками сапожек, несет десять салатниц. «А норма?» — «Семь с половиной». — «Значит, перевыполнила?» — «Да».

Самое удивительное — работа стеклодува. Подцепил на кончик трубки

чутьочку живого стекла, набрал воздуха в легкие — и в тот же миг капля сверкающей и отливающей живым огнем материи обратилась в шар или приняла другую нужную мастеру форму. Он быстро крутит, поглаживает вальчком, уверенными штрихами творя то, что видится только ему и остается полной загадкой для непосвященного, доводя вещь до совершенства (а здесь, поверьте, каждая представляется верхом творения и святотатственной кажется мысль о том, что бракеражница может взять да «кокнуть», как порченное яйцо), правит ножницами, перестриг «пуповину»... пожалуйста, готово!

Работает бригада Карпухина. Экспериментальная бригада (одна на весь завод). Владимир Михайлович Карпухин, бригадир выдувальщиков экспериментальной мастерской, родился в селе Дубасово Пензенской области, на быках работал, добывал торф для завода; сюда прибыл в 1946 году из школы ФЗО — было тогда ему 16 лет. Начинал с формодержальщика. Тогда еще делалось все вручную.

Сын Сергей тоже здесь, на заводе, окончил десятилетку и поступил электриком; жена — факетчицей, «фаски заправляет». «Да в бригаде, почитай, все с малых лет работают на заводе, так что гордиться особо нечем, дело обычное».

Тут все обычное. А поглядеть — залюбуешься. Уже сравнивал выдувальщика с фокусником. Он колдует на высоком помосте, видный издалика. Шустанок — помост — будто сцена в театре с залом-амфитеатром. Восемь или десять бригад на помосте. В бригаде пять человек, основных рабочих: грельщики, баночники, выдувальщики и уже отделышки; внизу — относчица, готовую продукцию относит. Кажется, все они выполняют какой-то ритуальный танец, горят жертвенные огни, музыка — гудение печи, и в огненных ополохах, в роко-те пламени движутся-пляшут фигуры работающих... словно на танцплощадке, в определенном четко размеренном ритме, с определенной последовательностью движений.

— Не бойтесь, не сожгут, — стараясь перекрыть гомон работы, весело сверкая белками глаз и здоровыми крепкими зубами, бросает бри-

гадир, заметив, что приезжий гость опасливо сторонится, когда мимо него пробегают люди.

Глаза у Карпухина живые, карие, с искорками отраженного от печи пламени, движения энергичные, хваткие. Вот такие в старину тешили честной народ на гульбище, завлекали девиц-красавиц на посиделках. Депутат горсовета ничего не чурается: участник хора, состоит в драмкружке. Ставили «На бойком месте» — играл хозяина постоянного двора.

Но сейчас обстоятельства располагают к серьезной работе, к сосредоточенности. Делают лебедей, опытная партия.

— Пока в серийный выпуск не идет. Из головы своей выдумали и делаем...

Эге, вот оно что значит «экспериментальная бригада»; это — которая «жизнь производит, а потом — на худсовет». Лебеди-то загляденье, они возникают на глазах, можно сказать, из ничего, сперва появляется туловище, корпус, вытягивается длинная изящно изогнутая шея, утолщение на конце — голова, к ней привариваются глаза... нос... Вот мы воочию и зрим то, уникальное, что родило и продолжает рождать славу Никольска!

Путешествие

в три века

Музей завода «Красный гигант» в старинном этом доме. Широкая торжественная лестница, светлые окна. Тишина, прохлада. Помещение прекрасное, но его мало, музей разросся.

Я побывал во многих музеях Европы, в частности в музеях призаводских, например, Мозера в Чехословакии, в Карловых Варах, видел редкие собрания хрусталя, фарфора, и, признаться, меня трудно уже чем-либо удивить. Никольск — удивил. Здесь убеждаешься воочию, что знаменитое богемское стекло имеет достойного соперника в виде никольского «поющего» хрусталя, а в чем-то даже уступает ему. Наши бьют иноземцев особым изяществом, неистощимой выдумкой и чем-то еще, для

чего не можешь найти определения, что есть только у русских.

Уже говорилось: Никольск делал хрусталь высокого качества, на импорт. Замечательная палитра цветного стекла. Самая богатая коллекция. Греки говорили о такой работе: «Ты хотел создать вещь красивую, а создал — богатую». И как хорошо, что мастера, делая «на сторону», не ленятся изготовить точный дубликат — «для себя». Чтоб осталось, значит, творение искусных рук на родной земле, не сгнуло бесследно. Не все, но — осталось.

По изделиям можно проследить историю. Пресс «Бородинская битва», стакан — «Народное ополчение». В 1814 году изготовлены из розового воска барельефы истории Отечественной войны. Кубок — «Покорение Парижа»: матовый рисунок, Франция на коленях перед русским богатырем, отдает миртовую ветвь. Стакан — «Сотворение мира». Бокал «Лякуй, Москва! В Париже Росс. Взят 19 марта 1814.»

Пресс с видом старой Москвы. Графин с пузырьком, чтоб заложить кусочки льда и подать холоденькое. 40-е годы XIX века. «Восточные» вещи, синие, для персидского царствующего дома, с сусальным золотом молочные флаконы для ароматических масел. Способ мелифиори — «тысяча цветов», из тончайших ниточек молочного стекла мастер выкладывает цветы (в горячем виде), способ древний — возродили; получается кружево.

Экспозиция составлена по хронологическому признаку, не по стилям, и, пожалуй, в этом есть свое преимущество.

Фужер с мухами (как живые!), охотничий прибор для воды (вы, небось, не знали, что существует такая очень удобная и эффектная штука). Использованы оптические свойства стекла: отражать — весь мир! Лошадь, собаки... Мы привыкли к мрамору; из хрусталя, оказывается, можно изваять тоже что угодно.

Для всех первых станций московского метро люстры, светильники, мозаика сделаны здесь. В гостиницу «Россия» — тоже. По эскизам В. И. Мухиной сделали хрустальный столик, отправили в Нью-Йорк в 1939 году, на международную вы-

ставку. А какой был хрустальный фонтан (эскиз художника И. М. Чайкова)! Фонтан не имел равных в истории: 4,2 метра высоты, чаша — 2,5 метра диаметр, толщина стенок до 0,6 метра. Изготовили за семь месяцев. Скульптурная группа — пейзажи и братство союзных республик. К сожалению, когда хотели установить на ВДНХ, нечаянно ударили и разбили — фонтан испортили.

Нет никакой возможности перечислить все; да, наверное, это и не требуется. Будет каталог, а не очерк.

Да, а как же насчет «пения» стекла? Что на сей счет скажет сам всеведущий и все объясняющий товарищ Шевченко? Ведь это он, Сергей Максимович Шевченко, хранитель сих богатств, крутил фужер в пензенском ресторане, оттуда пошла молва...

— А мы говорим, что он всегда поет... если форма найдена.

Навстречу природе

**Леонид
РОДЗИНСКИЙ**

Год от году расширяется сеть научных центров в Сибири. Городом фундаментальной, академической науки стал, например, Томск. Здесь действует филиал Сибирского отделения АН СССР. Томские ученые решают проблемы не только теоретического, но и прикладного характера...

Подарок робинзонам

— Не желаете ли принять участие в научно-практической конференции «Освоение природных ресурсов вахтовым методом»? — с таким предложением обратился ко мне один из руководителей местного филиала общества «Знание».

И вот я уже на борту авиалайнера, устремившегося к Стрежевому — самому северному городу Томской области. Потом пересадка. Дальше экспедиция, в составе которой представители обкома партии, руководители различных ведомств, крупные ученые и, конечно, кинооператоры и журналисты, перемещаются на вертолетах.

Вахтовые поселки на севере Томской области словно редкие островки в зеленом безбрежьи тайги. Живут в них геологи, нефтедобытчики, лесозаготовители... Небольшая трудовая армия, осваивающая богатства Западной Сибири. На всю пятидневку, а то и на долгие две недели эти робинзоны современности оторваны от родных жилищ. До тех пор, пока не вернутся из базового города Стрежевого вертолеты и не доставят на смену следующую вахту.

Досуг тружеников скрашивают библиотеки и кинопередвижки. Но удовлетворяют они не всех — многие привыкли на сон грядущий часок-другой отдохнуть у голубого телеэкрана. Только откуда ему здесь взяться, если ретрансляторы

в тайгу еще не шагнули, а станции «Орбиты» — тем более? Слишком уж дорого возводить столь монументальные сооружения ради нескольких тысяч рабочих и инженеров, рассеянных по огромной территории величиной с Францию.

Положение вроде бы предельно ясное. Но, с другой стороны, не где-нибудь, а именно в этих краях на берегу полноводной реки Томь сосредоточен один из крупнейших в нашей стране учебных и научных центров. В его составе Сибирский физико-технический институт имени В. Д. Кузнецова — детище Томского университета. К ученым СФТИ и обратился обком партии с необычной просьбой. Необычной, но не случайной. Ибо в университетской многотиражке «За советскую науку» не раз добрым словом отмечалась деятельность группы радиоэлектронщиков под руководством доктора физико-математических наук, профессора Владимира Никитича Дединко. Небольшому коллективу научных сотрудников принадлежит тщательно разработанная теория так называемых модуляционных усилителей. Надежная теоретическая подготовка позволила томским ученым добиться крупных успехов в разгадке тайн слабо изведанной области радиоастрономических исследований. Плодами многолетних трудов послужили пионерские конструкции неохлаждаемых помехоустойчивых устройств, с помощью которых удалось «выудить» из космоса и усилить пока еще остающиеся загадочными высокочастотные сигналы.

На этот раз перед исследователями была поставлена более конкретная и все же очень трудная задача со многими неизвестными.

А формулировалась она предельно просто: обеспечить прием телепередач программы «Орбита-2», поступающих с борта отечественного спутника связи «Экран». По существу этот спутник служит ни чем иным, как своего рода мощным ретранслятором, который «подвешен» над определенной точкой 99-го градуса восточной долготы в плоскости экватора. Вращается спутник по синхронной с матушкой-Землей орбите. Иными словами, постоянно пребывает в поле зрения сибиряков и поэтому не требует сложной системы наведения антенн.

Антенны. Кому не известно, насколько они громоздки вдали от телецентров? За мало-мальски качественный прием сигнала там и по сей день приходится расплачиваться сотнями тонн дорогостоящих металлоконструкций.

Экспедиция посетила один из самых отдаленных поселков на Васюгане. Не ожидая встретить что-либо особенное, забрел я в подвинувшееся на пути мужское общежитие. В небольшом уютном холле сидели подменные буровики и смотрели... цветную телепередачу. Изображение на телеэкране буквально ошеломляло удивительно сочными цветами и кроме того отличалось идеальной контрастностью — будто не в глухой тайге, а по соседству со столичным телецентром. Над крышей добротного сбитого деревянного общежития возвышалась миниатюрная, коробчатая конструкция — метр на метр. Она-то, как выяснилось, и служила антенной. Рядом с телевизором покоился и вовсе незаметный ящик — приемно-преобразующий блок. Вот и весь телевизионный комплекс, изобретенный томскими учеными, изготовленный на томских предприятиях.

По возвращении свой первый визит я нанес проректору университета по научно-исследовательской работе доктору геолого-минералогических наук, профессору Михаилу Петровичу Кортусову. Человек он чрезвычайно занятой, но, подобно большинству повстречавшихся на моем пути сибиряков, радушный и доброжелательный хозяин. Время, отведенное на нашу встречу, пролетело незаметно. Уже прощаясь, профессор сказал, что заслуга группы Детинко не только в том, чему вы явились непосредственным свидетелем. Советую обратить внимание и на другую сторону достижения. Дело в том, что природа Сибири гораздо более ранима, чем в европейской части страны. И потому требует на свое восстановление много времени. А ведь технический прогресс не остановишь. Тем важнее сохранить экологическое равновесие, во имя благоденствия наших

потомков. Вот почему я особенно рад тому, что ученым СФТИ удалось избежать монтажа металлоконструкций.

Укрощение

ПЫЛИ

В Томске создан новый метод очистки воздуха. Что же предприняли томские ученые? Первым делом взяли на вооружение общеизвестный... аттракцион «колесо смеха». Направили струю запыленного воздуха на плоский диск, вращающийся с бешеной скоростью. Диск этот насажен на пустотелый вал, пронизанный узкими щелями. А в них вставлены металлические пластины. Пластины эти, словно козырьки, над каждой щелью-амбразурой.

Так вот, едва запыленный поток коснется поверхности диска — волчка, как наиболее крупные частицы, подчиняясь воздействию центробежных сил, тут же отлетают на периферию. В стенках камеры, окружающей диск, тоже проделаны отверстия. В них-то и залетает по инерции плененная фракция, после чего осыпается в предусмотрительно подставленный бункер. Воздух же, насыщенный главным образом мелочью, устремляется в сердцевину полого вала. Однако пока еще в этом потоке затесалось немало крупных частиц, избежавших контакта с диском. Только прорваться через заслон из пластин-козырьков им не удается. Искусно созданный аэродинамический барьер беспрепятственно пропускает лишь «легкую кавалерию». «Тяжеловесам» его не одолеть. Растратив попусту энергию воздушного потока, они, как осенние листья, олапают на диск и по знакомому пути устремляются в бункер. Если же требуется особо тщательное разделение фракционного состава, описанный прием повторяется в одной и той же последовательности несколько раз. До тех пор, пока не будет достигнута заданная чистота рассева. При этом случайно заблудших пылинков другой весовой категории или размеров обнаруживается не более одной-двух на целую сотню. Томскому методу подвластны как «гулливеры», достигающие в диаметре полумиллиметра, так и «лилипуты» порошковой смеси, величина которых колеблется около... пяти тысячных миллиметра.

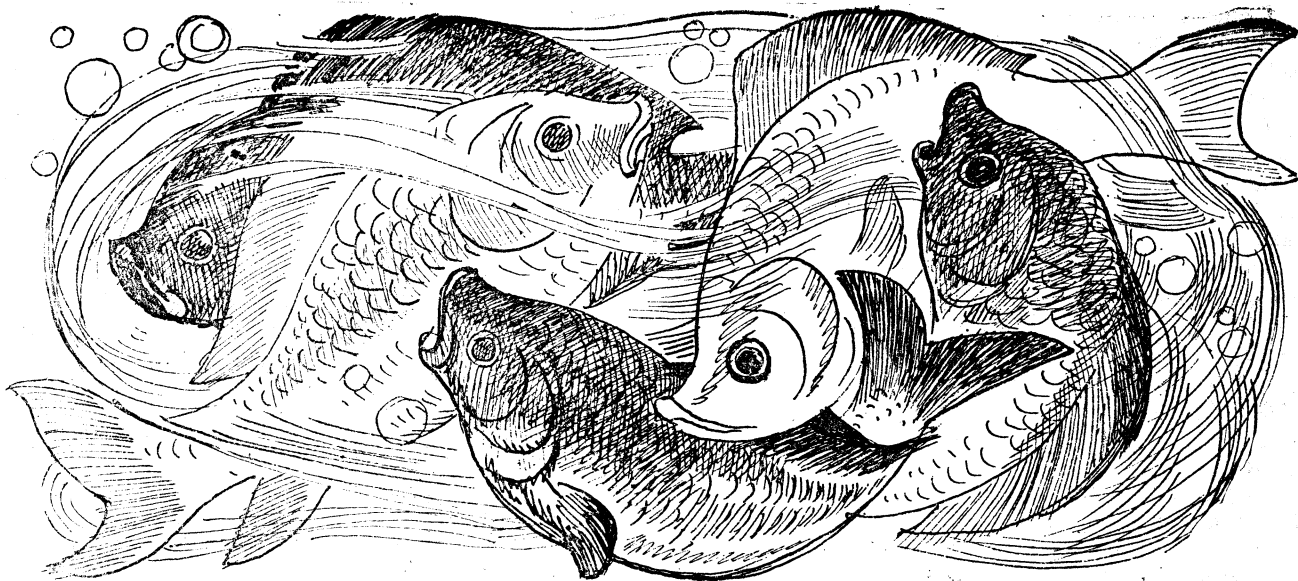
Новаторский принцип разделения оказался настолько удачным, что заодно позволил преодолеть другие не менее сложные проблемы. Например, смешение компонентов.

Представьте себе: только что описанный процесс идет в обратном направлении. Вот вам и новая машина — смеситель. Ее предшественницы — лопастные и центробежные мешалки никакого сравнения выдержать не могут. Поскольку просто не в состоянии обеспечить необходимую однородность смеси. Чтобы хоть как-то выйти из положения, на предприятиях подолгу перекачивают разные фракции из одного бункера в другой. Или пробуют использовать кипящий слой. Но и в нем не удается достичь самого главного — точного соотношения порошков. А когда специалистам порошковой металлургии понадобилось объединить такие разнородные вещества, как титан и сажа (исходные материалы в производстве твердосплавного карбида титана), никто кроме томичей помочь им не смог.

Однако самое важное достоинство классификатора-смесителя сибирские волшебники приберегли, как говорится, под занавес. Изобретение оказалось идеальным... очистным сооружением. Прямо у испытательного стенда я стал свидетелем воистину фантастического зрелища. В нутро машины вдували черный от копоти дым, густо насыщенный мелкой пылью. А из выходного патрубка, словно из домашнего пылесоса, била тугая струя совершенно прозрачного воздуха!

Недалек тот день, когда первенец НИИГПМ, сконцентрировавший в единой конструкции столь разнообразные достоинства, выступит в роли укротителя дымных шлейфов, изрыгаемых заводскими трубами. И тем самым поможет сделать еще один шаг навстречу природе.

Веселые караси

Надежда
НИКУЛЬШИНА

Рисунки
Н. Мооса

Они были еще живыми, когда я купила их у рыбакова-любителя. Пять жирных аппетитных карасей не желали мириться со своей участью — быть зажаренными на сковороде. Обомлевшие от летней жары, они бурно запротестовали, когда я положила их на стол для разделки. Мне стало жаль бедных рыб, и я решила обойтись без любимого блюда. Напустив в ванну воды, я опустила туда карасей. Они тотчас ожили. На белом фоне ванны караси выглядели особенно красиво. Чешуя их отливала светлой медью, а плавники — розовым цветом. Я погналась за карасями рукой, любуясь, как ловко увертывались они от «врага».

Вначале караси вели себя настороженно. Новая обстановка была им явно не по вкусу. И все-таки ванна — не раскаленная сковорода, жить можно. Караси поняли это, когда я бросила им хлебные крошки. За ними последовала зеленая травка. Постепенно они успокоились.

Через три дня караси окончательно примирились с новым образом жизни, а меня уже не боялись. Когда я подходила к ванне, они тотчас подплывали к поверхности воды, и мы принимались играть в догонялки. При этом каждый карась старался проскользнуть между ладонью и стенкой ванны и, сделав круг, повторить «опасный» маневр.

Лески Каштанка

Совсем неожиданно у нас появилась новая игра. Менять воду в ванне приходилось каждый день. Карасей при этом я переключивала в тазик с водой. Однажды я случайно перевернула одного из них на спинку, и карась юзом прокатился по кругу. Перевернувшись, он подплыл к руке с явным желанием повторить свой трюк. И так несколько раз. Подобное я проделала и с остальными карасями, от чего они весьма оживились, столпились у моей руки и нетерпеливо ожидали, когда их перевернут. Караси старались вовсю, чем вызывали у меня восторг и смех.

Не знаю, действительно ли их увлекала эта игра? Или они чувствовали, что она нравится мне, и поэтому старались? А быть может, подобно дельфинам, они охотно повторяли трюки, заданные им в виде игры? Трудно сказать. Но одно мне было ясно: караси очень любят ласку, и с удовольствием позволяли гладить их по скользким спинам. Даже напращивались сами: подплывали к руке и терлись о ладонь, точно так, как это делают котята.

Я с сожалением вспоминала, что раньше относилась к рыбам, как к холодным бесчувственным существам, пригодным лишь для того или иного блюда. Караси изменили мое мнение о своих собратьях. По крайней мере, веселью и ласке, которыми обладали караси, можно было только позавидовать, а игры и трюки, приводившие меня в восторг, нельзя было рассматривать как механическое повторение выработанных движений. Для этого нужно было не только желание, но и способность.

Правда, больше трех-пяти минут караси играть не желали. Вероятно, однообразие их утомляло. А новых игр не было. Но уверена: придумай я их, караси с удовольствием бы приняли в них участие. Через пятнадцать дней они не потеряли веселого настроения. Одно было плохо: хлорная вода, отсутствие червей и любимого карасями речного ила. Плавники у них облиняли, а чешуя отставала. Держать карасей в ванне — означало обречь их на гибель.

Переложив карасей в банку, я повезла их на Амур. Думала, что как только они окажутся в речной воде, то дадут стрекача. Но, к моему удивлению, караси мирно плавали у моих ног и убегать не собирались. Я стала подталкивать их подалеже в реку. Но караси, по-видимому, решили, что я играю с ними, и возвращались.

Милые мои караси! Они стали ручными и совсем не хотели со мной расставаться. Пришлось пустить их там, где было сильное течение.

Я часто вспоминаю веселых ласковых карасей. Как-то они чувствуют себя на вольном речном просторе?

Вид у нее был обиженный и грустный. Она сидела на снегу перед школой и с надеждой смотрела на закрытые двери, откуда, как она знала, выйдут ребята, приласкают ее и угостят чем-нибудь вкусным. Но люди проходили мимо. Я погладила ее. Она приняла ласку и робко меня коснулась.

— Возьми меня с собой, — говорил ее взгляд. — Мне холодно и одиноко.

Мороз был небольшой, но я видела, что она действительно замерзла, и не только потому, что шубка на ней была тонкая и едва согревала ее, а от сознания одинокого и холодного существования.

Ее беззащитность тронула меня. Я посочувствовала ей, и не только потому, что отлично понимала ее безрадостное положение. Последние три года как бы разделили мою жизнь пополам, отдалив годы юности. Я вступила в новую полосу жизни, в которой мне суждено было узнать горечь измены друзей, непостоянство удач, раскаяние за ошибки молодости и душевное одиночество. Все это прошло через меня, слишком долго смотревшую на мир сквозь розовые очки. Я словно очнулась от сна и предстала перед суровой действительностью. И пока я заново открывала себя, вещи и явления, вокруг меня не осталось никого, с кем бы я могла поделиться своим состоянием. Мои бывшие друзья меня забыли, а новых еще не было. Вопреки своей прежней общительности, я вдруг замкнулась и страдала не столько от нового видения мира, с которым я еще не примирилась, а от сознания своего полного одиночества, в котором неожиданно оказалась.

Наверное, поэтому я решительно сказала собаке: «Пойдем!».

Она послушно встала и засемила впереди меня. Но я видела, что приглашение не очень ее обрадовало. Вероятно, она уже не верила в счастливую судьбу. Но держалась с завидным достоинством: не заискивала и не выслуживалась. Она поднялась со мной на пятый этаж и неуверенной гостьей, понимающей, что от нее в любой момент могут избавиться, вошла в квартиру.

— Здесь я живу, — сказала я ей. — Тебе нравится?

В знак согласия она прошла в передний угол, села у теплой батареи и посмотрела на меня изучающе, словно спрашивала:

— А что будет дальше?

Я не нашлась, что ей ответить, только теперь вспомнив, что живу в квартире не одна, и мои соседи едва ли собаке обрадуются. Они относились к той категории молодых людей, которые вступают в жизнь с потребительской самоуверенностью: взять от нее все необходимые блага. Их трезвый рационализм меня возмущал. В их годы в поисках романтики и трудных дорог я объездила полстраны. Да и теперь мне не сидится на месте, хотя возраст уже требует покоя. Потому я и не обзавелась вовремя ни семьей, ни отдельной квартирой. А они в свои двадцать пять имели все, кроме моих восемнадцати квадратов, на которые откровенно претендовали.

Теперь после работы я спешила домой. Мысль о том, что меня встретит молчанием пустая комната, а на кухне светившаяся счастьем молодая женщина будет демонстрировать свое семейное благополучие, от чего я еще острее почувствую свое одиночество, уже не угнетала меня. Моя питомица радостно меня встречала, и мы отправлялись с ней на прогулку. Потом я готовила ужин, что делала прежде очень редко, который мы с аппетитом съедали. По тому, с какой благодарностью она ко мне прижималась, с какой любовью и преданностью смотрела мне в глаза, я понимала, как не хватало ей до сих пор теплого участия, в котором, впрочем, до нее нуждалась и я сама. Мы помогал друг другу жить.

Ей было, вероятно, не больше четырех — пяти месяцев — светло-коричневый окрас, большие умные глаза, ласковая симпатичная мордашка. Она явилась неожиданным подарком судьбы, и я приняла ее с той необходимостью,

с которой усыновляют осиротевшего ребенка. И так как данными о ее родословной я не располагала, то из-за пристрастия к охотничьим собакам, искала в ней признаки этой породы. Я просмотрела альбом, в котором коллекционировала открытки с изображением собак.

— Пожалуй, ты из ирландских сеттеров, — сказала я ей.

Она без особого удовольствия понюхала цветную открытку с изображением сеттера, словно говорила о том, что не претендует на родство с ним.

— Но ты его копия. Только вот лапы и уши у тебя короче и вид не поджарый. Выходит, что не чистокровный ирландский сеттер, — сказала я ей и задумалась над кличкой. Конечно, у такой красавицы и кличка должна быть соответствующая.

— Назову тебя Леди. Ты не против?

Я несколько раз повторила кличку, и она ее приняла.

В первые дни меня огорчало ее непонимание моих команд. Тогда я принялась изучать «Беседу-практикум любителям-собаководам» и убедилась в своем полном невежестве в обращении с собаками. Неудивительно, что Леди меня не понимала. А ну-ка попробуем теперь поговорить по всем правилам собачьей науки.

— Леди, ко мне! — сказала я твердо.

Она в это время лежала подле батареи и мирно дремала. И вдруг встрепенулась, вскочила на ноги. В глазах вспыхнуло удивление от пришедшего чего-то далекого и знакомого.

— Мне послышалось? — спрашивал ее взгляд.

Я повторила команду, и она с радостью ко мне подбежала.

— Готова выполнять команды! — говорил ее выжидательный взгляд.

С помощью Леди я освоила собачий язык, которому она, как оказалось, уже была обучена. И там, где я не находила нужную команду, она легко усваивала новую. Леди оказалась способной ученицей.

— Гулять!

Эту команду она любила больше других. Возбужденно вскакивала, толкала лапами дверь и, убедившись, что я иду следом, выходила на лестничную площадку. По ступенькам она шла не спеша, с особой собачьей важностью. Но на последнем марше выдержка покидала ее. Она с разбегу толкала обе створки двери. На улице она вела себя так, словно впервые видела мир: радостно гоняла по двору, купалась в снегу, играла с мячиком, ловко подбрасывая его над головой. Сколько счастливых мгновений дарила мне Леди на прогулке! Она как бы заново открывала мне свежесть утренних и вечерних зорь, красоту зимы, веселье игр.

Леди всегда очень тонко чувствовала мое состояние. Если у меня были неприятности и плохое настроение — она испытывала то же самое. Весела я — она счастлива. Когда же я бывала не права, она смотрела на меня с осуждением и упреком, так что мне становилось стыдно. Леди постепенно превратилась в хорошую собаку с сильно развитой грудью и лапами, широкой упругой спиной и волнистой, отливающей на свету длинной шерстью каштанового окраса. Сдержанная от природы, она не лаяла почем зря и во всем соблюдала такт и приличие. А однажды, к моей большой радости, высказала свою причастность к охоте.

Я смотрела свою любимую передачу «В мире животных». Когда на телеэкране с испуганными криками показалась стая диких уток, Леди насторожилась.

— Где? — нетерпеливо вертела она головой.

Крики уток повторились. Она подошла к телевизору, стараясь понять связь неподвижного ящичка с желанной добычей. И во мне вдруг пробудилась давно забытая страсть к охоте. Леди несомненно утятница, а я в молодости любила охотиться на уток и всегда мечтала о собственной собаке и ружье. «А что если осуществить мечту теперь?» — мелькнула робкая надежда. Постепенно мысль вступить в охотничье общество, купить ружье и осенью отправиться с Леди на охоту укрепились. Но этому не суждено было сбыться.

Однажды во время прогулки ко мне подошла незнакомая женщина. Внимательно посмотрев на Леди, она сказала:

— Я знаю эту собаку. Месяц она жила у меня. Но соседи по квартире воспротивились и мне пришлось с ней расстаться.

— Вы выбросили ее на улицу? — спросила я с осуждением.

— Но я ее всегда подкармливала, — сказала она, оправдываясь.

Потом обнаружили еще два бывших «опекуна». Нет, они не хотели забирать Леди, а просто жалели ее трудную судьбу. Но настоящий ее хозяин так и не нашелся. Каким-то образом в подъезде узнали, что у меня живет бывшая бездомная собака. Эта «худая» слава настроила против Леди соседей по квартире.

— Мы не хотим, чтобы она здесь жила! — сказал он возмущенно.

— Но она очень воспитанная и благородная, — попыталась я защитить Леди.

— У нас ребенок и мне он дороже собаки, — сказала она холодно.

Нет, их не разжалобишь. Оставалась надежда на общество охотников, где, возможно, защитят Леди. Но взглянув на нее, кинолог коротко заключил:

— Каштанка! Обыкновенная дворняга.

— Но в ней столько признаков от ирландского сеттера...

— Возможно, были отдаленные родственники... — согласился он, приняв мое огорчение как свое собственное.

Вскоре работники домоуправления вызвали меня на товарищеский суд — по заявлению моих соседей. Я не знаю, есть ли еще более трагический акт, чем обвинение, данное собаке только за то, что она дворняга и по чьей-то вине была бездомной. Видно, судьи это понимали, однако обязанности свои исполняли добросовестно. Зачитали заявление, выслушали истцов и предоставили слово ответчику. И так как Леди ответить за себя не умела, то сделала это за нее я.

Впервые мне пришлось произнести горячую речь в защиту собак. Я говорила об их сложной и интересной природе, привязанности и преданности, о недопустимой жестокости обрекать собак на одиночество. Но даже крылатая фраза Образцова — «Нет бездомных собак, есть бездушные люди» — не убедила строгих и беспристрастных судей. Без тени смущения товарищеский суд вынес безжалостное решение: собаку из квартиры ликвидировать!

Без Леди комната моя снова осиротела. Лишь одно успокаивало меня: собака отдана в хорошие руки. Спустя несколько дней сосед с виноватым видом предложил мне приобрести взамен Леди породистого щенка. Ему было неизвестно, что даже лучший щенок из королевской псарни не может заменить друга.

Ленинская рота

В одной из частей Ленинградского гарнизона четвертая рота называется Ленинской. Ее бойцы стояли на посту у кабинета В. И. Ленина в Смольном. Латышские стрелки этой роты охраняли ленинский вагон во время его пути из Петрограда в Москву в начале 1918 года.

В декабре 1923 года бойцы роты избрали вождя мирового пролетариата почетным красноармейцем. В 1942 году в дни боев с гитлеровцами под Ленинградом Ленинской роте были переданы на вечное хранение первые ордена Красной Звезды, которыми посмертно наградили ее отважных солдат. К концу войны число наград ленинцев перешагнуло за сотню.

По Ленину сверяя жизнь, достойно продолжают войны славные традиции отцов и дедов. Ленинская рота принимала обязательство к открытию XXVI съезда КПСС в восемнадцатый раз подтвердить звание отличной, и с честью выполнила его.

И. ОСТРОВНОВ

Луч света и загрязнения

Недавно в нашей стране разработан новый прибор для обнаружения нефти на поверхности воды. Его авторы — ученые Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ленина. Прибор, установленный на носу судна, освещает воду, и если она загрязнена и, значит, иначе отражает свет, то фотоэлемент улавливает такую перемену... Вот собственно и все. Раньше же воду брали из разных мест

на пробу и передавали в лабораторию. Трудоемкий и приблизительный метод. Теперь за чистой водой можно вести непрерывное наблюдение.

Прибор, «замечающий» и тончайшую пленку нефти на воде, уже проплыл во время испытаний по Байкалу и Волге, по Черному и Балтийскому морям.

Ю. АЛАН

Первый двигатель

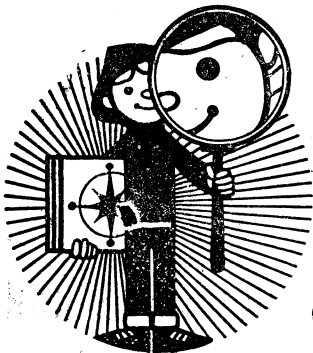
Советские историки науки установили, что первый двигатель внутреннего сгорания на бензине создал в XIX веке русский механик И. С. Костович. Его мотор имел восемь цилиндров, весил около 250 килограммов и развивал мощность в 80 лошадиных сил. Изобретатель предназначил свой двигатель для мотных в ту пору дирижаблей. Он был испытан на целый год раньше, чем мотор Даймлера в Германии, который, кстати, был маломощным и тяжелым.

До наших дней дошли лишь самые скудные сведения о детище Костовича.

Д. МЯСНИКОВ

МИР

НА ЛАДОНИ

Изобрести лыжи

Этот необычный музей создал свердловчанин Афанасий Борисович Портнов. Здесь хранятся самые разные лыжи и мази, которых, оказывается, теперь существует великое множество, и нужно еще уметь выбрать мазь по погоде. Это на первом чемпионате России по лыжным гонкам, состоявшемся 70 лет назад, спортсмены смазывали лыжи лишь воском...

Спортивный педагог с большим стажем, Портнов не только собиратель лыж и мазей, но и рационализатор. Много летних отпусков потратил он, чтобы найти у лесохимиков новые вещества, способные стать

лыжной мазью. И он сделал набор мазей на любую погоду. Вторая новинка Афанасия Борисовича — устройство (ничего подобного нет нигде) для быстрого определения скользких свойств мазей. Конструкция портативная — складывается в тоненькую книжку. И третье изобретение уральца — лыжи с особым пластиковым покрытием. Они победили во время испытаний даже пластиковые лыжи австрийской фирмы «Кнейсел».

Тридцать лет изучает Афанасий Борисович Портнов, казалось бы, такую нехитрую вещь, как скользят лыжи по снегу. Однако далеко не все тайны лыжного бега еще раскрыты.

А. КОПАЙСКИЙ

Итальянец в Кургане

В Курганском научно-исследовательском институте экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии лечатся люди со всех концов света. Карло Маури мы знаем как сподвижника Тура Хейердала, как друга Юрия Сенкевича.

Пришлось побывать путешественнику Маури и на Урале, а точнее, — в Зауралье, в Кургане, в клинике чуда-доктора Г. А. Илизарова в 1979 году. Потом Карло предстал перед зрителями в документальном фильме свердловского телевидения «Движение».

И вот известный путешественник наконец, после нескольких месяцев лечения, выписался из больницы. В Кургане ему сделали уникальную операцию. Спустя двадцать лет он впервые надел не ортопедические, а обычные ботинки.

П. ЗЕЛИЧЕНКО

Утиный заповедник

В самом центре Кологрива — районного центра Костромской области — раскинулся столь же старинный, как и сам город, пруд. Местами его поверхность затянула зеленая ряска, прибитая ветром к частому из камыша. Пруд этот — достопримечательность города. Приезжий человек глазам своим не верит, увидев в пяти метрах от берега стайку мирно плавающих и не обращающих внимания на зрителей диких уток.

Три десятка лет тому назад во время осеннего перелета на пруд опустилась большая стая уток. Целые сутки провели они здесь — никто их не тронул, не вспугнул. Отдохнув

и подкрепившись перед дальней дорогой, стая улетела на юг. Каково же было удивление горожан, когда следующей весной по пути на север уже не одна, а много утиных стай избрали кологривский пруд местом отдыха. А потом жители города заметили в камышах целый выводок утят. Один, второй, третий...

Пруд стал постоянным местом жительства диких уток. Корма здесь достаточно, охотников подстрелить дичь перед окнами райисполкома (его здание находится на берегу пруда) нет, да и коршун вряд ли отважится вести промысел в центре города. Чего же не квартировать здесь уткам!..

П. ВАСИЛЬЕВ

Такой крепости не было

Помните у А. С. Пушкина: «Далече ли до крепости? — спросил я у своего ямщика». — «Недалече, — ответил он. — Вон уж видна.»

А ехал Гринев в Белогорскую крепость. Но там, где земля полыхала огнем Крестьянской войны, такой крепости не было.

Многие географические и событийные признаки свидетельствуют, что под Белогорской великий писатель подразумевал Татищевскую крепость.

Два с половиной века назад здесь было заложено Караульное укрепление. Позже тайный советник Татищев приказал обнести его валом и рвом, и назвал крепость своим именем.

Седая старина и сегодня еще напоминает о многом. Сохранился арочный мост из жженого кирпича и камня, по которому проследовал Пушкин, проезжая по Самаро-Оренбургскому тракту.

В. ГАЛИН

Растительные свечи

Свечи, как известно, делаются из пчелиного воска и стеарина. Но есть свечи, которые растут.

На Панамском перешейке сохраняются свечные деревья. Их плоды содержат 60 процентов растительного жира. По своим

размерам они длиннее и толще стандартных стеариновых. Плоды-свечи горят, излучая ровный свет. Панамцы зажигают растительные свечи в семейные праздники.

В. КРИВОШЕИН

На энергии морских волн

В Японском море, недалеко от местечка Юра на северо-западе острова Хонсю, специалисты института океанографических исследований Японии приступили к подготовительным работам по установке первого в мире буя-генератора, преобразующего в электрический ток энергию морских волн. Преобразовательная установка будет находиться на двух спаренных понтонах длиной 80, шириной 12 и высотой 7,8 метра. Местечко Юра выбрано не случайно: волны выше трех метров здесь бывают более 100 дней в году.

Я. МЯСНИКОВ

Драгунский полк...

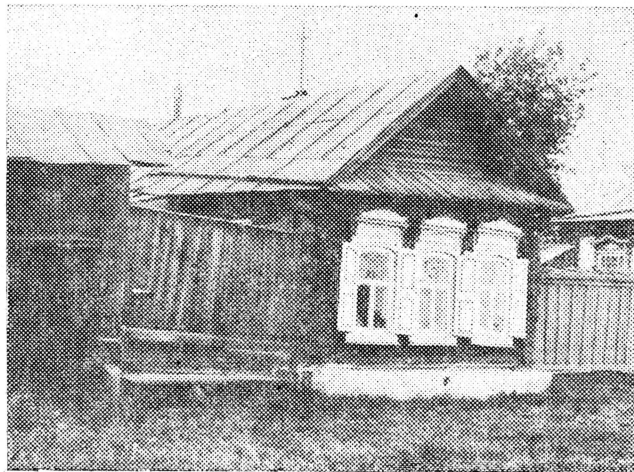
за сервиз

Китайский фарфор появился в Европе четыре с лишним века назад, его завезли туда португальцы. Поначалу европейцы ценили фарфоровую посуду дороже золота. Тайну китайского фарфора в Европе не могли разгадать 200 лет. И, наверное, самый доро-

гой сервиз из фарфора был у саксонского курфюрста Августа, который продал его прусскому королю за целый полк драгун.

Один из наиболее ценных сервизов, коим вообще обладали во все времена сильные мира сего, был также и у русского богача — Шувалова. Чтобы поправить финансовые дела своих уральских заводов, граф продал посуду в Лондоне за 600 тысяч рублей.

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Магическая сила

пирамид

Считается, что первым, кто заметил эти магические силы, был француз Антуан Бови. В 20-х годах он исследовал пирамиды горного Египта. И заметил, что тела небольших животных, которые забрели в пирамиду и погибли там, не разложились, как следовало бы ожидать, а высохли, мумифицировались... Бови провел серию экспериментов с настольными пирамидами и обнаружил, например, что бифштекс, помещенный в маленькую пирамиду, остается съедобным и вкусным в течение нескольких месяцев.

Исследования Бови продолжил Карл Дрбаль (Чехословакия) в 50-х годах. Он обнаружил, что пирамиды оказывают воздействие не только на органические вещества. Тупые лезвия, помещенные на несколько часов под модель пирамиды, становились острыми. Оказалось, что одним и тем же лезвием можно пользоваться 200 раз и больше, если хранить его под пирамидой. Дрбаль также обнаружил, что лезвия затачивались лучше всего в том месте, которое соответствует расположению саркофага в настоящей пирамиде. Дрбаль запатентовал свой способ заточки бритвенных лезвий в 1959 году, и вскоре в продаже появились небольшие красные и белые пластиковые пирамиды.

Впоследствии американские исследователи открыли многие другие необъяснимые свойства пирамиды. Например, если верить исследователям, процесс мышления облегчается и становится более интенсивным внутри пирамиды или в пирамидальной шляпе. Фактически перечень экспериментов с пирамидой бесконечен. Пробовали, например, проследить влияние пирамиды на рост растений. Брали два одинаковых растения и помещали одно из них под пирамиду. Последнее росло быстрее и меньше болело. Тогда растение, росшее в естественных условиях, пытались «освежить» водой, которую несколько дней держали под пирамидой, и растение выбрасывало молодые побеги и выглядело свежее, пока его не начинали снова поливать обычной водой.

Надо отметить, что, несмотря на многочисленные эксперименты, научного объяснения странных свойства пирамид пока не получили.

В. ГРИГОРЬЕВА

Елизавет

Село Елизавет теперь уже и не село, а один из микрорайонов Свердловска.

В XVIII веке здесь стоял завод кричного железа, названный заводом цесаревны Елизаветы, позднее — Елизаветинский завод. В XIX веке на этом месте, у плотины на реке Патрушихе, построили рудотолочную и золотопромывальную фабрики.

Свидетель истории поселка — небольшая домик на улице Бисертской. Ему уже

153 года. Он построен из сосны и до 1905 года принадлежал крестьянину А. П. Подгорбунских. С 1905 года в домике жил извозчик Попов, сосланный в 1897 году в Якутию за драку с приставом. Сейчас в домике живет его сын, И. М. Попов, один из старейших жителей Елизавета — ему 82 года.

На снимке: дом И. М. Попова в Елизавете.

В. ШИЛОВ

Крокодил-гигант

На Кубе есть крокодилы фермы. На них удалось вырастить аллигаторов-гигантов. Один из них, точнее — искусно сделанное чучело, был доставлен в Ленинград на выставку «Инрыбпром-80».

Кубинские друзья решили навсегда оставить в нашей стране чучело гигантского крокодила. Посмотреть на самого большого аллигатора, его длина более четырех метров, можно в Зоологическом музее Академии наук СССР.

В. ИВАНОВ

Война и... дети

Самое страшное зло, которое принесла нам война,— искалеченные детские судьбы.

В те годы многих работников милиции — мужчин, ушедших на фронт, заменили женщины. Они работали следователями, регулировщиками движения транспорта, в уголовном розыске, но главной их заботой оставались, безусловно, дети. Дети, потерявшие родителей, беспризорные, безнадзорные.

26 июля 1941 года 19-летней девушкой пришла в свердловскую милицию Валентина Викторовна Коленицкая. И с того дня вся ее биография неразрывно связана с ребяташками.

Разыскивали и задерживали ребят, как правило, по ночам. Обшаривали чердаки, подвалы, рынки; задерживали беглецов на вокзале, снимали с поездов. За ночь доставляли до двухсот человек! И с каждым нужно было поговорить. А ведь были и такие, у кого на их глазах погибли отец и мать, или родители остались на оккупиро-

ванной территории, и парнишка рвался на фронт, чтобы освободить мать от фашистов.

— Мама Валя,— просили, бывало, ребяташки,— кушать хочется...

И Валентина Викторовна делила по крохам между питомцами свой суточный паек — 400 граммов черного хлеба.

Вместе с тетей Машей, банщицей детприемника, ребяташек мыли, одевали, а потом распределяли по детским домам или возвращали родителям.

В один из теплых летних дней 1943 года Валентина Викторовна привезла очередную группу ребят — оборванных, голодных... У одного из работников детского приемника оказался под рукой фотоаппарат. Он и сфотографировал ребят...

Интересно, что стало с ребятами с этой фотографии, кем они стали? Может, кто узнает себя?

Н. НОВЫЙ

Под парусами до Канарских островов

Успешно завершился беспрецедентный в истории советского парусного спорта переход Николаев — Канарские острова на крейсерской яхте «Арктика». Ее экипаж — семь яхтсменов, преподавателей, аспирантов и студентов Николаевского кораблестроительного института. В неблагоприятных погодных условиях за 87 суток они прошли под парусами более семи тысяч морских миль.

— Наш переход от черноморских берегов до причалов порта Санта-Крус — прелюдия к более дальним путешествиям,— сказал руководитель перехода старший преподаватель Б. Немиров.— Главное, что они обязательно будут осуществляться на парусных судах советской постройки. «Арктика» сконструирована и сооружена студентами нашего вуза, и она выдержала серьезный экзамен на прочность.

Д. ЯКОВЛЕВ

К сведению авторов и читателей

Рукописи, претендующие на публикацию, принимаются редакцией только в машинописном исполнении, напечатанными через два интервала. Редакция просит сообщать почтовый индекс и полный адрес.

Подпиской и доставкой журнала занимаются исключительно отделения агентства «Союзпечать». Книжки журнала с полиграфическим браком следует возвращать в адрес типографии.

ШЕЛКОВЫЙ КАМЕНЬ

«Есть там жила, откуда добывают саламандр. Когда в горе докопаются до той жилы, наломают из нее кусков, разотрут их, они разметеливаются как бы в нитки. Потом их сушат, толкут в большой медной ступке, моют... Их прядут и ткнут из них полотно» — эти сведения об асбесте привез еще Марко Поло из Китая.

Слава о шелковом камне, о горном льне давно разошлась по свету. Асбестос на древнегреческом означает

«несгораемый». Это главное свойство и определило назначение асбестовых изделий, ассортимент которых в самых разных областях промышленности нынче очень широк.

Мир не знает другого такого поставщика асбеста, каким является ордена Ленина комбинат «Ураласбест». Уральская каменная куделька пользуется незыблемым авторитетом на мировом рынке.

Фото А. Нагибина